THE LIBRARY OF CONGRESS 1800

Class BJ1578
Book .D98

YUDIN COLLECTION

453
6717
3441

НАУКА ЖИЗНИ

или

КАКЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ

ЖИТЬ НА СВѢТѢ.

224

Ефима Дьмманна.

САНКТШЕТЕРБУРГЪ.
1859.

DYMMAN, EFIM ALEKSANDROVICH
NAUKA ZHIZNI

НАУКА ЖИЗНИ

ИЛИ

КАКЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ ЖИТЬ НА СВѢТѢ.

ЕФИМА ДЫММАНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1859.

BJ1576
.D95

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 10 Января 1839 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

104837
9

N74

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всепреданнѣйше посвящаетъ

ЕФИМЪ ДЫММАНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Молодые люди, окончивъ, хотя бы съ наилучшимъ успѣхомъ, курсъ школьнаго ученія, вступаютъ въ дѣйствительныя обязанности гражданина, по большой части, въ отдаленіи отъ своихъ родныхъ и наставниковъ, безъ всякаго руководства и указанія, и совершенно неопытные, путеводимые одною своею молодостію, они, не умѣя правильно понимать ни людей, ни самихъ себя, дѣлаютъ на каждомъ шагу важныя ошибки, и черезъ то подвергаются многимъ превратностямъ; а за тѣмъ развѣ одна счастливая случайность можетъ спасти ихъ отъ дурныхъ знакомствъ, ложныхъ идей, худаго направленія, и наконецъ отъ самой гибели.

Въ отвращеніе чего составлено мною для неопытнаго юношества, вступающаго въ свѣтъ, это краткое руководство, или указаніе самыхъ необходимыхъ къ практической жизни понятій, соображеній и споровокъ.

Неопытный юноша! Какъ бы блестяще и основательно ни было твое образованіе, все оно недостаточно для практической жизни, которая сверхъ теоріи, требуетъ еще опыта, непремѣнно опыта, и даже болѣе чѣмъ всего остальнаго. Опытъ этотъ пріобрѣтается практикою, или передачею его неопытному человѣку опытнымъ. А потому, если ты желаешь воспользоваться искреннимъ совѣтомъ долгой опытности, могущимъ предохранить тебя отъ гибельныхъ ошибокъ, и облегчить, по возможности, предстоящую тебѣ участь, то читай эту книгу, но не такъ какъ читаютъ французскіе романы, а читай ее съ особеннымъ вниманіемъ. Не довольствуйся уразумѣніемъ прочитанной тобою идеи, но остановись на ней, развѣй ее, строго повѣрь

свое собственное объ ней разумѣніе, и если удостовѣришься въ неправильности прежняго своего сужденія, то отбросивъ его, по своему настоящему убѣжденію, замѣни новымъ; и это свое новое, правильное уже сужденіе, храни навсегда и примѣняй къ своимъ обстоятельствамъ и къ своему дѣйствію.

А какъ этимъ указаніемъ можетъ съ пользою руководствоваться всякій неопытный молодой человѣкъ, вплоть до пріобрѣтенія имъ самимъ полной опытности, то и тебѣ, юноша, надобно перечитывать его часто и долго, потому болѣе, что по мѣрѣ пріобрѣтенія тобою опытности, и по мѣрѣ твоего собственнаго созрѣванія, ты будешь понимать его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, въ чемъ самъ, со временемъ, удостовѣришься.

Наконецъ, чадолюбивые родители! Извѣстно вамъ, какъ людямъ опытнымъ, что нѣтъ никакой возможности дѣтямъ, въ юношескомъ возрастѣ, даже тѣмъ, которыя живутъ въ вашихъ домахъ, указывать

осязательно, такъ сказать, машинально, каждый шагъ практической ихъ жизни; а потому нельзя не признать очевидной пользы, въ возможности дать имъ объ этой практической жизни, въ одномъ цѣломъ, хотя главнѣйшія указанія. На этомъ основаніи предоставляю вамъ и эту книгу. Прочтите ее прежде сами, и если одобрите, то заставляйте своихъ дѣтей-юношей читать ее вслухъ, въ вашемъ присутствіи, и дополняйте своими наставленіями; а отсутствующихъ снабжайте ею, въ той надеждѣ, что если они изъ нее не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, чѣмъ нибудь воспользуются.

Молитва.

Божіе созданіе — человѣкъ, долженъ всегда и болѣе всего помнить о своемъ Создателѣ, прославлять Его, молиться Ему, и не начинать никакого важнаго дѣла безъ молитвы къ своему Господу. На этомъ первѣйшемъ законѣ, и мы, юноша, обратимся прежде всего къ молитвѣ, и какъ истинные христіане каждое утро непремѣнно и неупустительно, возставъ отъ сна, передъ святымъ образомъ, сотворимъ установленныя святою Церковію молитвы, и заключимъ ихъ словами: «Господи! укрѣпи мя въ добротѣ моей, да изыду добрый (*добрый* повтори двѣнадцать разъ) на дѣянія мои». Также и каждый вечеръ отходя ко сну сотвори всѣ должныя молитвы непремѣнно. Но только не разсѣянно и не съ отсутствующими мыслями, а съ

душевнымъ сокрушеніемъ и съ чистѣйшимъ благоговѣніемъ, подобающими созданью, передъ пресвятымъ ликомъ своего Создателя.

Вѣра.

Послѣ перваго нашего дѣйствія — ежедневныхъ утренней и вечерней молитвъ къ Создателю нашему, обратимся мы, юноша, къ святой Вѣрѣ.

Всему свѣту извѣстно, что ни одно созданье на земномъ шарѣ, не въ состояніи обращать своихъ мыслей къ своему Творцу, кромѣ человѣка; и что исключая его одного, вся остальная земная тварь не мыслитъ о Господѣ своемъ, не представляетъ себѣ Его, и даже вовсе не имѣетъ къ тому способности. Человѣкъ же, напротивъ, не можетъ не помышлять о своемъ Создателѣ, потому, что мысль эта насаждена въ его головѣ самимъ Господомъ. Въ чемъ удостовѣряютъ насъ люди всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, которые

отъ самаго начала міра, какъ въ дикомъ, такъ и въ гражданскомъ быту, какъ въ варварскомъ невѣжествѣ, такъ и въ образованномъ состояніи, хотя и съ чрезвычайно различными обрядами и понятіями, но всегда непреложно обращали свои мысли къ своему Создателю.

Всемогущій Господь, Создатель всего, что существуетъ, что движется, что мыслитъ! Можетъ ли умъ человѣческій понять что нибудь выше этого? — Конечно не можетъ, потому, что кромѣ Господа, все остальное есть Его твореніе.

Господь нашъ въ безконечномъ милосердіи своемъ возвысилъ свое созданіе — человѣка, до того, что только ему одному даровалъ способность мыслить даже о своемъ Создателѣ. Это одно уже слишкомъ ясно доказываетъ, что человѣкъ изъ всѣхъ земныхъ созданій есть самое первѣйшее и самое ближайшее къ своему Господу. Послѣ этого кто изъ людей не пойметъ какъ своего настоящаго возвышенія, такъ и того, что и будущаго своего

счастія и спасенія онъ нигдѣ болѣе обрѣсти не можетъ, какъ только въ десницѣ Всемогущаго Бога. А затѣмъ какой камень-человѣкъ въ состояніи не возчувствовать, какъ сладко и утѣшительно сложить намъ все наше упованіе и все наше будущее блаженство въ Томъ, кто насъ создалъ, кто, по одной безконечной благости Своей, теперь уже приблизилъ насъ къ Себѣ ближе всего, что существуетъ во всемъ мірѣ.

Изъ всего этого обнаруживается, что вѣра, какая бы она ни была, имѣетъ одну цѣль: благодарное стремленіе человѣка къ своему Создателю и твердое въ Него упованіе какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Сверхъ того вѣра въ земной нашей жизни, въ самыхъ тяжкихъ нашихъ испытаніяхъ, какъ то: въ продолжительныхъ неизлечимыхъ болѣзняхъ, въ потерѣ родныхъ, и тому подобномъ, гдѣ человѣческая помощь безсильна, одна вѣра укрѣпляетъ слабый духъ нашъ, проливая

въ нашу душу отрадную надежду и упованіе на Господа.

Сохранимъ же, юноша, твердо и свято вѣру отцовъ нашихъ и отрадное упованіе въ Создателя нашего, и тѣмъ исполнивъ святую волю Его, въ будущей жизни смѣло и радостно предстанемъ предъ Милосердаго.

Власть.

«Божіе—Богови, а Кесарево—Кесареви». Эта святая заповѣдь Спасителя нашего объясняетъ намъ, что власть для человѣка такъ же необходима, какъ и самая вѣра.

Сначала люди, обитая на землѣ въ маломъ числѣ, жили въ дикомъ состояніи, нагіе, разбросанные въ лѣсахъ и пещерахъ, питаясь плодами древесными и корнями растеній; не имѣя никакого понятія ни о порядкѣ, ни о своей собственности; безъ закона, безъ власти, безъ домовъ и безъ всякихъ удобствъ жизни,

какъ дикіе звѣри. Когда же число ихъ умножилось, то сильные стали нападать на слабыхъ. Что побудило людей составлять общества и вводить въ тѣ общества необходимый элементъ — власть, то есть избирать изъ своей среды одного въ начальники и облекать его властію: править ими, защищать слабаго отъ сильнаго и охранять жизнь и собственность каждаго.

Ужасно представить себѣ общество людей безъ власти, безъ закона! — Въ немъ порочные и неимущіе тотчасъ-бы напали на собственность порядочныхъ и зажиточныхъ, которые, безъ сомнѣнія, стали бы защищать ее; изъ чего произошла бы кровавая рѣзня, убійства, взаимное истребленіе, и наконецъ общая гибель. А надъ несчастными ихъ остатками сильный, неминуемо, сдѣлался бы властелиномъ.

Все это доказываетъ, что люди по закону Божію безъ власти существовать не могутъ, и что вслѣдствіе того они обязаны общими силами сохранять и защи-

щать свою законную власть, какъ силу, которая должна спасать ихъ отъ напастей и отъ самой гибели.

Станемъ же и мы, юноша, исполняя заповѣдь Спасителя нашего, на всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ, кровію и жизнію охранять власть отцовъ нашихъ — законныхъ нашихъ Государей, любить ихъ болѣе всего на свѣтѣ, и молить Господа о сохраненіи Ихъ, какъ нашей защиты, какъ нашего спасенія и нашей жизни.

Предвареніе.

Прежде приступа къ нашему дѣлу, весьма серьёзному, и очень далекому отъ всякаго пустословія, и отъ всякаго сцѣпленія забавныхъ, скуки ради, прикліоченій, скажу я тебѣ, юноша, что ни въ чемъ такъ свято и такъ положительно не увѣренъ я, какъ въ пользѣ и добрѣ, приносимыхъ мною въ дань прекрасному нашему юношеству этою книгою; что ни надъ чѣмъ не трудился я съ такимъ душевнымъ по-

священіемъ, какъ надъ нею, и что ничего въ жизни пламеннѣе не желаю я, какъ того, чтобы юное наше поколѣніе вполнѣ ею воспользовалось. Но къ несчастію, столь же вѣрно знаю, что молодые люди настоящаго времени, не научаться и слушать, но сами хотятъ проповѣдывать и научать, потому, что считаютъ себя не только умнѣе своихъ стариковъ, но даже разумнѣе людей всѣхъ прежнихъ временъ. Теперь, юноша семнадцати лѣтъ, добросовѣстно увѣренъ, что онъ въ состояніи всевозможное дѣло обсудить правильнѣе всякаго старика, что онъ все знаетъ, все постигъ; да и какъ, думаетъ, не постичь ему этого, когда онъ все такъ ясно видитъ; и что затѣмъ ему болѣе учиться рѣшительно нечему, а надобно только энергически содѣйствовать къ тому, чтобы сбросить со своего времени темноту и невѣдѣніе, удерживаемыя до сихъ поръ старыми людьми.

Чтобы доказать рѣшительно неосновательность ихъ идей и неправильность

направленія, стоитъ только сказать имъ ветхую истину: «Вѣкъ живи, да вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь», то есть, что таинства природы такъ необъятны, безконечны и сокровенны, что для изученія, ограниченному человѣческому уму, будетъ ихъ слишкомъ достаточно на всю вѣчность.

Но этого недовольно для убѣжденія и обращенія пылкой и самоувѣренной юности къ тому, чтобы она повѣрила сразу, и сразу же перемѣнила бы свои идеи и свое направленіе, и взялась бы труженически разбирать вовсе непривлекательную картину практической жизни, да еще и писанную не сверстникомъ, не сокашникомъ ея, который видитъ и судитъ способомъ современнымъ, а Богъ знаетъ, какимъ старичишкою, безъ сомнѣнія, закоренѣлымъ въ своихъ старинныхъ предразсудкахъ, запоздалыхъ идеяхъ и въ безусловно порицающихъ настоящій образованный и очищенный вѣкъ взглядахъ.

Представь себѣ, юный другъ мой, опытнаго, основательнаго и честнаго человѣка, который по христіанскому чувству доброжелательства къ ближнему, и по совѣсти, считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать благое приношеніе молодому нашему поколѣнію; и который изъ настоящаго направленія молодежи, видитъ ясно, что она не имѣетъ никакого расположенія не только принять искреннее приношеніе, но даже дать себѣ трудъ прочесть, въ чемъ оно заключается. И согласись, что это его положеніе горько и прискорбно для его доброжелательнаго чувства.

Такъ что же дѣлать? Чѣмъ заинтересовать милое юношество, чтобы оно прочло со вниманіемъ одну небольшую книгу? Конечно ни чѣмъ болѣе, какъ убѣжденіемъ и ясными доводами.

Въ этомъ предположеніи попробуемъ сначала представить молодому поколѣнію, что одной старости недостаточно, чтобы умный человѣкъ сталъ глупымъ, и что одной же ее недовольно человѣку и для

того, чтобы къ нему всѣ потеряли всякую довѣренность. А если это дѣйствительно такъ, то считать всѣхъ стариковъ ограниченными умами, есть непростительная ошибка.

Потомъ объяснимъ ему, что нѣтъ никакихъ данныхъ полагать человѣка въ здравомъ состояніи, на старости менѣе разсудительнымъ, чѣмъ былъ онъ смолоду, и что, напротивъ, самый законъ природы въ пользу старости обнаруживается такимъ образомъ: человѣческій умъ проявляется, развивается и зрѣетъ однимъ только пріобрѣтеніемъ познаній; отъ чего, при одинакомъ надѣленіи ихъ природою, годовой ребенокъ умнѣе новорожденнаго, десятилѣтнее дитя годоваго, семнадцатилѣтній юноша всякаго отрока, а человѣкъ сорока лѣтъ всякаго юноши и такъ далѣе. Этого, кажется, достаточно для того, чтобы всякій согласился, что старость, отъ себя самой, не должна дѣлаться глупѣе молодости, а совсѣмъ напротивъ, потому болѣе, что она къ молодымъ своимъ способ-

постямъ и знаніямъ присоединяетъ много свѣдѣній и познаній, пріобрѣтенныхъ ею опытомъ, временемъ, изученіемъ и соображеніемъ.

Далѣе постараемся обнаружить ему, что умный человѣкъ не долженъ никогда слушаться ни старинаго заплеснѣлаго, ни животрепещущаго новѣйшаго предубѣжденія въ томъ, съ кѣмъ онъ говоритъ, съ умнымъ или глупымъ; а долженъ только внимать тому, о чемъ ему говорятъ, то есть, дѣло или бездѣлье. Притомъ надобно еще знать и то, что нерѣдко приходится слушать отъ глупаго умное, а отъ умнаго глупость.

Затѣмъ, какъ умъ безъ познаній есть нешитая канва, и какъ познанія пріобрѣтаются опытомъ и временемъ, въ чемъ старики имѣютъ неоспоримый передъ молодыми перевѣсъ; то послѣдніе, для своего благополучія, непремѣнно должны выслушивать первыхъ, которые могутъ порасказать имъ то, о чемъ имъ никогда и въ умъ бы не приходило.

Наконецъ неблагоразумно, и неблагодарно бы было со стороны юношества, отвергать то, что не умъ человѣческій, безъ воли Божіей немощный, но самый промыслъ Господень посылаетъ ему свыше къ его счастію.

Возьми же эту книгу обѣими руками, юноша, и знай, что она должна тебѣ служить вѣрнымъ другомъ, который тебя никогда не обманетъ и не продастъ, и что она написана собственно для тебя, для твоей пользы, для предохраненія тебя отъ худаго, для того, чтобы помочь тебѣ въ твоей жизни, въ твоихъ дѣлахъ; чтобы облегчить тебѣ твои труды, и отвратить отъ тебя всякую горечь, всякую желчь; и все это изъ святаго чувства отца къ сыну, изъ самаго живѣйшаго къ тебѣ участія, которое пріобрѣтать отъ постороннихъ людей очень трудно, чтобы не сказать не возможно.

Предостереженіе.

Ни словами, ни перомъ не могу выразить я тебѣ, любезный юноша, всей полноты моего искреннѣйшаго желанія предохранить тебя отъ всего худаго, отъ всего опаснаго, отъ всего того, что могло бы довести тебя не только до несчастія, но и до малѣйшей горести. Почему вмѣняю себѣ въ святую обязанность объяснить тебѣ, что теперешнее юношество наше, въ настоящей своей свободной и ни чѣмъ нестѣсняемой жизни, сознавая надъ собою благословеніе Божіе, читаетъ безъ выбора соблазнительныя ученія, мудрованія и толкованія о свободѣ, о либерализмѣ, о преобразованіяхъ, о ниспроверженіи всѣхъ вѣками освященныхъ гражданскихъ установленій, о коммунизмѣ, и Богъ знаетъ о чемъ. Читая все это, наша юность въ жару своей бурной молодости весьма естественно можетъ, или вѣрнѣе сказать, должна увлекаться, и залетая въ

области неопредѣленнаго, — стремиться просто къ небывалому, къ несбыточному, и тѣмъ сбивать съ настоящаго пути и себя и другихъ.

Чтобы умѣрить излишнее увлеченіе юношества и отвратить отъ него возбуждаемыя неосновательными мудрованіями ложныя направленія, постараемся объяснить ему, хотя въ главномъ, что такое есть свобода.

Свобода гражданскаго общества есть дѣло условное, требующее къ ея водворенію довольства, приволья, общественнаго порядка, людскаго сообщества, удовлетворенія неотступныхъ нуждъ, вѣрное охраненіе чести, собственности и жизни каждаго, условій, ограниченій, требованій, строго-карающихъ правъ, однимъ словомъ, общественнаго благосостоянія и порядка; безъ чего она есть миѳъ, пуфъ, сказка. Въ доказательство этого возмемъ хоть напримѣръ вольныхъ Черкесовъ, не имѣющихъ къ своему существованію никакихъ честныхъ средствъ. Свобода ихъ есть сво-

бода разбойниковъ, убійцъ, которые рѣжутъ людей, чтобы ихъ вѣрнѣе ограбить, (безъ чего имъ нечего ѣсть, и они должны бы погибнуть съ голоду) и оттого у нихъ убійство считается достоинствомъ, воровство добродѣтелью; а чувства ихъ до того благородны и нѣжны, что дозволяютъ имъ продавать за деньги своихъ собственныхъ дочерей въ рабство и въ поруганіе. Что же это за свобода? Избави отъ нее Господь не только насъ, но и враговъ нашихъ!

Дѣйствительно благосостояніе, одно только благосостояніе гражданскаго общества можетъ составить его истинную свободу и его счастіе! Но какъ мы знаемъ на теоріи и на практикѣ, что для обезпеченія благосостоянія одного человѣка надобно немало всевозможныхъ трудовъ, обстоятельствъ, способовъ, средствъ и времени; то можно себѣ вообразить сколько всего этого потребовалось бы для обезпеченія благосостоянія какихъ нибудь шестидесяти милліоновъ и болѣе людей, обитающихъ на величайшихъ простран-

ствахъ, въ разныхъ странахъ и климатахъ, подъ вліяніемъ сосѣднихъ разноплеменныхъ народовъ. Благосостояніе это есть дѣло такого рода, что не только исполнить, но никакое человѣческое воображеніе не въ состояніи вполнѣ даже себѣ его представить. А потому какъ общественныя правительства, такъ и каждый членъ общества должны равномѣрно трудиться много столѣтій во многихъ эпохахъ для достиженія его. Исторія же и преданія удостовѣряютъ насъ, что и при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ, при величайшей человѣческой мудрости, вѣковыми трудами и усиліями народы не всегда могутъ достигать своего благосостоянія. Мы это можемъ видѣть и теперь на первостепенномъ, вольномъ, современномъ намъ государствѣ Европы, удивляющемъ свѣтъ своимъ всемірнымъ владычествомъ, просвѣщеніемъ, торговлей, открытіями, произведеніями и золотомъ, въ которомъ при всѣхъ его мудрыхъ установленіяхъ и законахъ нужда доходитъ до того, что не-

рѣдко тысячи людей въ невообразимой нищетѣ буквально умираютъ голодною смертію, и конечно, они готовы бы были отдать свою свободу и обречь себя на самую тяжкую работу изъ-за черстваго куска хлѣба, но — увы! и къ тому не находятъ достаточно способовъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинная забота всѣхъ народовъ вообще, и каждаго человѣка въ особенности, а не въ восторженной фантазіи!

Ко всякому достиженію есть свой путь, который человѣкъ долженъ отыскивать, и по немъ идти къ цѣли. Но великій путь, ведущій народы къ ихъ благосостоянію и счастію, указывается самимъ Господомъ.

Народы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ свидѣтельствуютъ, что ни свобода, ни самое общество свободныхъ людей безъ зависимости отъ другихъ, безъ подчиненія существующему порядку, безъ слѣпаго послушанія и безъ вѣрнаго служенія неумолимо-карающимъ общественнымъ уставамъ грясти не могутъ, потому, что безъ этого они, не будучи ничѣмъ скрѣплены,

а стало быть и не составляя цѣлаго, не могутъ имѣть никакой силы, не только для утвержденія порядка, свободы и самаго общества, но даже для сохраненія своего бытія. Отъ этого именно, какъ гласитъ исторія, самые могущественные народы, не будучи въ состояніи удержать у себя порядка, жертвуя своей свободой просили иноземцовъ придти и княжить у нихъ, править и повелѣвать ими, какъ напримѣръ Славяне — Варяговъ; или прибѣгали подъ покровительство другихъ, становясь не только ихъ данниками, но принося въ жертву свою свободу и даже свою народную независимость, отдавались добровольно подъ ихъ владычество, какъ Бретоны (Британцы) Англамъ и Саксамъ. Пожертвованія эти свободою и независимостію образовали два могущественнѣйшихъ государства, удивляющія нынѣ міръ — Россію и Англію. Такими путями благій Промыслъ ведетъ народы къ ихъ счастію и къ ихъ свободѣ! и это суть живые

факты, вписанные въ книгу завѣта для потомства, кровію великихъ народовъ.

Поразительнымъ и можно сказать изумительнымъ примѣромъ можетъ служить намъ въ этомъ могущественнѣйшее и либеральнѣйшее изъ нынѣшнихъ государствъ Европы — Франція, которая въ нашихъ глазахъ пятьдесятъ лѣтъ сряду проливала свою кровь, терпѣла всѣ ужасы междоусобія, страшнѣйшую тиранію, нарушеніе не только правъ собственности, но и всѣхъ человѣческихъ правъ и состояній, и наконецъ всѣмъ этимъ искупила себѣ права вольной республики, и только что коснулась треволненій этой счастливой республики, какъ сама добровольно и единодушно избрала опять правленіе монархическое, и съ нимъ успокоилась и стала благоденствовать.

Во всякомъ государствѣ свобода должна быть особенная, сообразная съ мѣстными обстоятельствами, съ характеромъ народа, со степенью его образованія, съ его населеніемъ, пространствомъ и про-

чее, и притомъ наилучшая и наиудобнѣйшая можетъ образоваться она не иначе, какъ вѣками и сама собою.

Сообразивъ все это, самый бурный молодой левъ нашего времени не можетъ не видѣть и не согласиться, что счастіе и свобода народовъ образуются не вдругъ и не первымъ представившимся его пламенному воображенію способомъ, но искушеніемъ и испытаніями многихъ поколѣній, въ длинномъ ряду вѣковъ, великими геніальными умами, посылаемыми свыше въ разныя эпохи и въ разныхъ, такъ сказать, возрастахъ государствъ.

Послѣ всего вышесказаннаго долженъ я тебя, юноша, предостеречь, что если милосердый Господь ниспослалъ намъ ангела доброты, мира и успокоенія — нашего возлюбленнаго Монарха; то нашъ долгъ не увлекаться броженіемъ умовъ–авантуристовъ, но стараться всѣми силами исполнять Его ярко-благія и видимо-добрыя предначертанія (которыхъ давно ли страшились коснуться?) безусловнымъ повиновеніемъ

установленнымъ властямъ и усерднымъ, добросовѣстнымъ выполненіемъ нашихъ обязанностей.

Въ чемъ дѣло.

Теперь надобно намъ, юноша, приступить къ сущности нашего дѣла и узнать, въ чемъ именно оно заключается. Оно состоитъ въ заглавномъ вопросѣ: «Какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ?» Чтобы отвѣчать на этотъ пространный вопросъ, надобно прежде всего спросить, съ кѣмъ онъ долженъ жить? Долженъ онъ жить съ человѣкомъ. А это уже невольно вызываетъ еще вопросъ: что такое человѣкъ? — Этотъ вопросъ есть такого рода, что его вполнѣ можетъ разрѣшить лишь одинъ Господь, потому, что человѣкъ не только другаго, ему подобнаго, но и самого себя вполнѣ ни опредѣлить, ни даже понять не въ состояніи.

Однакожъ, каковъ бы ни былъ человѣкъ, но все-таки намъ приходится жить

и дѣйствовать ни съ кѣмъ болѣе какъ съ нимъ, или, лучше сказать, съ ними, то есть съ людьми; а потому самая необходимость требуетъ, чтобы мы съ ними ознакомились столько, сколько позволятъ наши средства.

Истинно тяжелое и трудное дѣло, понять и разгадать всякаго человѣка и указать какъ съ нимъ жить, — такое трудное, что страшно за него приняться! Но необходимость велитъ — надо повиноваться.

Итакъ, призвавъ въ помощь благословеніе Божіе, по крайнему своему разумѣнію, приступимъ къ этому трудному дѣлу съ отрадною надеждой, что если не сдѣлаемъ многаго, то по крайней мѣрѣ положимъ добросовѣстное начало благому дѣлу на пользу человѣчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ уповать, что великодушіе нашихъ ближнихъ, во уваженіе благости нашего намѣренія, проститъ намъ несовершенство нашего труда, и не станетъ насъ за него казнить.

Читатель.

Какъ ты, юноша, составляешь именно такого человѣка, который долженъ жить и дѣйствовать съ людьми, то начни прежде всего съ себя самого; сблизься сколько возможно съ самимъ собою и посмотри, что такое ты самъ.

Ты, юноша, котораго жизнь свѣжа и прелестна какъ развивающаяся роза, радостна какъ улыбка ребенка, полна огня и силы, исправна во всемъ, ничѣмъ не испорчена. По этимъ уважительнымъ причинамъ весь свѣтъ тебѣ улыбается, все для тебя блеститъ, все тебя прельщаетъ, все тебѣ кажется прекраснымъ и очаровательнымъ.

Съ другой стороны ты, юноша неопытный, принимающій все за чистую монету, не знающій и не подозрѣвающій ничего худаго. Ты даже о худомъ еще ни разу не думалъ, да и думать не желаешь. Зачѣмъ тебѣ искать худое въ прекрас-

номъ? Люди тебѣ кажутся такими ласковыми, такими добрыми, и ты живешь себѣ съ ними безъ осторожности, безъ предусмотрительности, безъ всякой сноровки, въ полномъ смыслѣ слова живешь какъ нельзя проще. Вотъ что ты!

Люди.

Теперь обратимся къ людямъ, съ которыми должны мы жить. Что такое эти люди? — Люди суть совершенное подобіе наше, наши ближніе, наши братья. Только, къ несчастію, эти наши братья такъ разнообразны, такъ непостижимы, что всего человѣческаго ума и всей человѣческой жизни недостаточно для того, чтобы ихъ вполнѣ понять и имъ угодить. Они добры и злы, умны и глупы, прямы и хитры, просты и высокомѣрны, щедры и скупы, и прочее, и прочее, — однимъ словомъ, они имѣютъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки, всѣ душевныя достоинства и всѣ недостатки въ такой степени,

что ни одинъ смертный не въ состояніи изобразить всѣхъ оттѣнковъ ихъ добродѣтелей и ихъ страстей. Къ тому надобно еще добавить, что при всѣхъ страстяхъ и слабостяхъ людскихъ и при всѣхъ ихъ недостаткахъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше и важнѣе ихъ; и что всѣ музыки, ароматы, цвѣты и драгоцѣнные каменья въ сравненіи съ ними есть сущій вздоръ — ничто. Вотъ что̀ такое люди!

Послѣ этого не трудно тебѣ, юноша, понять, что съ людьми жить и дѣйствовать небрежно, невнимательно, что называется спроста, рѣшительно невозможно; а надобно для того величайшаго къ нимъ вниманія, всегдашняго имъ угожденія, много предусмотрительности, догадливости, ловкости и сноровокъ.

Дѣйствіе.

Вотъ видишь, юноша, съ какими разнообразными братьями ты долженъ будешь жить и дѣйствовать всю свою жизнь! Чтобы тебѣ съ ними дѣйствовать успѣшно,

необходимо прежде всего отогнать отъ себя одинъ разъ навсегда гибельную беззаботность, лѣнивую безпечность, мертвое равнодушіе и дикое невниманіе. Потомъ надобно дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, предусмотрительно, усердно, неутомимо и всегда съ братскою любовію къ ближнему, такимъ образомъ, чтобы всякій видѣлъ въ тебѣ человѣка внимательнаго, услужливаго, старательнаго и по службѣ служаку.

При такомъ твоемъ дѣйствіи люди вообще тебя полюбятъ, и самые худые изъ нихъ не только не будутъ въ состояніи тебѣ вредить, но считая тебя за человѣка умнаго, ловкаго, дѣловаго и добраго, станутъ оказывать тебѣ непремѣнно уваженіе, потому, что и самый худой человѣкъ всегда имѣетъ наклонность къ добру и всегда готовъ любить доброе. Но ты ласками не ослѣпляйся и всегда помни, что неблагонамѣренный и завистливый человѣкъ ласкательствомъ своимъ можетъ тебя обмануть.

Сказанное въ этой статьѣ дѣйствіе самый ограниченный человѣкъ легко можетъ понять; но дѣйствовать такъ можетъ только одинъ умный, да и то не безъ труда, потому, что это дѣло не простое, но дѣло ума и характера, для котораго недостаточно одного усилія, а надобно болѣе всего власти надъ самимъ собою и покорности, много знанія, ловкости, смѣтливости, проницательности, гибкости, настойчивости, трудовъ, и прочаго, и прочаго.

Приступая къ такому трудному и умному дѣйствію надобно сперва къ нему приготовиться, предрасположиться, то есть отринувъ свои направленія и понятія неправильныя, водворить точныя и вѣрныя; а самаго себя сформировать и переформировать такимъ образомъ, чтобы сдѣлаться вполнѣ способнымъ къ этому тонкому и ловкому дѣйствію.

Наблюденіе.

Всякій человѣкъ въ самой природѣ своей имѣетъ зародышъ или зерно всего добраго и всего злаго. Но при томъ, къ несчастію, злое развивается въ немъ легче, чѣмъ доброе, оттого, что всякое зерно добра, чрезъ невниманіе, небрежность и неумѣренность, можетъ порождать въ человѣкѣ дурныя наклонности, то есть зло. Напримѣръ: въ иныхъ случаяхъ выпить вина умѣренно, полезно для здоровья — это добро; но напиваться имъ до опьяненія — это зло. Бережливость есть дѣло похвальное, но предавшись ей безъ мѣры, сдѣлаешься скупцомъ, скрягою — это зло. Самая пища, для нашего существованія необходимая, дѣлается зломъ, если принять ее чрезъ мѣру.

Перерожденіе это, или, лучше сказать, переходъ этотъ отъ добра ко злу совершается въ насъ такъ нечувствительно, такъ постепенно и такъ незамѣтно, что

не малая часть людей, по беззаботности и невниманію къ самимъ себѣ, замѣчаютъ его только въ то время, когда дурныя наклонности въ нихъ уже разрослись, укоренились глубоко и совсѣмъ ими завладѣли, и когда уже люди не въ состояніи имъ противиться, а еще менѣе ихъ искоренить. Вотъ причина, по которой человѣкъ, вообще болѣе золъ, чѣмъ добръ, болѣе худъ, чѣмъ хорошъ, чаще достоинъ порицанія, чѣмъ похвалы.

По этой самой причинѣ необходимо для тебя, юноша, подсматривать въ себѣ самомъ, съ величайшимъ вниманіемъ, появленіе дурныхъ зародышей и наклонностей и подсмотрѣвъ то, немедленно преслѣдовать ихъ съ настойчивостію до тѣхъ поръ, пока они совершенно не уничтожатся. *Примѣры:* 1). Въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ самое пріятное препровожденіе времени состояло всегда въ злословіи ближнихъ, и я самъ въ немъ не одинъ разъ былъ вовлекаемъ въ этотъ порокъ. Но какъ только это я за собою

замѣтилъ, то немедленно пересталъ посѣщать тотъ домъ, а самого себя подвергъ строжайшему, всегдашнему, неупустительному своему собственному надзору именно въ томъ, чтобы никогда не позволить себѣ ни подъ какимъ видомъ произнести ни одного дурнаго слова на счетъ ближняго, и продолжалъ то дѣлать до тѣхъ поръ, пока во мнѣ эта наклонность вовсе не исчезла.

2й. Войдя въ Н... домъ, былъ я когда-то пораженъ крикомъ одного господина, разсказывавшаго что-то такъ громко, что кромѣ его голоса невозможно было ничего болѣе слышать. Это заставило меня обратить особенное вниманіе на самого себя и, къ удивленію моему, оказалось, что и я въ обществѣ говорилъ почти также невыносимо громко, какъ и тотъ господинъ. Почему съ той же самой минуты забралъ я свою лишнюю громогласность въ руки, и держалъ ее подъ строжайшимъ своимъ присмотромъ, до тѣхъ поръ, пока отъ этой дурной привычки совершенно не освободился.

Въ этомъ мѣстѣ прилично посовѣтовать

тебѣ, юноша, обращать всегда строгое вниманіе на то, чтобы въ разговорѣ не взять привычки повторять очень часто одни и тѣ же слова, напримѣръ: *знаете, того, изволите видѣть*, и другія. Подобная привычка такъ смѣшна и забавна, что самые незлоязычные люди, вмѣсто того, чтобы сказать пріѣхалъ такой-то, говорятъ: *пріѣхалъ знаете; прибылъ того; пришелъ изволите видѣть*.

Это же, вѣроятно, ты самъ знаешь, юноша, что говорить вмѣсто невѣжды — невѣжа, или вмѣсто отчества — отечество и тому подобное, означаетъ крайнюю ограниченность человѣка, и потому никогда не произноси передъ людьми ни русскаго, ни иностраннаго слова, въ значеніи котораго ты не вполнѣ увѣренъ.

Вспыльчивость.

Рѣдкій человѣкъ не вспыльчивъ. Оттого человѣческое малодушіе, какъ бы въ свое оправданіе очень часто повторяетъ: «онъ

только вспыльчивъ — это ничего; но въ душѣ онъ добръ». Какъ будто желая тѣмъ доказать, что вспыльчивость есть дѣло не худое. Въ существѣ же она есть величайшее зло, сильнѣйшій порокъ, и ничто на свѣтѣ, кажется, не дѣлаетъ людямъ столько обидъ и оскорбленій, какъ вспыльчивость. Къ тому еще она имѣетъ свойство хуже самой злости то, что порождаетъ бѣды и несчастія вдругъ и обижаемому и самому обидчику.

Вспыльчивый человѣкъ въ пылу своего припадка дѣлается существомъ отвратительнымъ, невладѣющимъ собою нисколько. Разсудокъ его, пораженный вдругъ молніеподобною страстію, цѣпенѣетъ, лишается всякаго дѣйствія и совершенно отсутствуетъ, а человѣкъ тогда дѣйствуетъ безъ отчета, безъ сознанія, одною страстію, однимъ злымъ увлеченіемъ. Разсуди же самъ, юноша, какого зла онъ не можетъ надѣлать, когда дѣйствуетъ безъ соображенія, безъ предусмотрительности, безъ мысли!

Многія тысячи видѣлъ я людей дѣйствительно добрыхъ, въ припадкѣ своей вспыльчивости надѣлавшихъ другимъ тьму обидъ и оскорбленій, испортивъ тѣмъ свое собственное дѣло, и ломавшихъ потомъ себѣ голову надъ средствами, чтобы помочь бѣдѣ, извинявшихся, оправдывавшихся глупою своею вспыльчивостію, унижавшихся, терзавшихся стыдомъ и совѣстію и самихъ себя проклинавшихъ. Я самъ нерѣдко находился въ такомъ тягостномъ положеніи, пока постоянными усиліями не овладѣлъ самимъ собою и не подчинилъ свою вспыльчивость разсудку. Можно смѣло сказать, что нѣтъ смертнаго на землѣ, который дѣйствуя долгое время съ людьми, не испилъ бы горькой чаши, уготованной ему вспыльчивостію.

Я знаю, юноша, что ты, какъ человѣкъ, долженъ быть болѣе или менѣе вспыльчивымъ, и потому совѣтую тебѣ, безъ малѣйшаго отлагательства, взять свою вспыльчивость крѣпко на крѣпко въ руки, и держать ее какъ злую собаку на желѣз-

ной цѣпи. Въ противномъ случаѣ она укуситъ перваго ей попавшагося, и ему нисколько не будетъ легче оттого, что онъ укушенъ вспыльчивостію, а не злостію.

Нескромность въ словахъ.

«Языкъ нашъ — врагъ нашъ.» Эта душеспасительная пословица слишкомъ ясно объясняетъ, что надобно быть скромнымъ и осторожнымъ въ словахъ. Не смотря на то, невозможно себѣ представить сколько самыхъ достойныхъ людей гибнетъ вслѣдствіе своей въ словахъ нескромности. Кто изъ насъ не видалъ несчастныхъ тому примѣровъ! Кто самъ, произнеся иногда нескромное слово, искренно о томъ не сожалѣлъ и душевно не желалъ возвратить его! Но оно, слетѣвъ съ нашего языка одинъ разъ, уже не возвращается назадъ.

Неосторожность эта совершается по большой части въ невинной болтовнѣ, въ которой человѣкъ затолкуется и увлечется до того, что выболтаетъ что нибудь

такое, о чемъ должно молчать и за то попадаетъ въ бѣду. Притомъ, какъ на зло, отъ этой неосторожности паичаще страдаютъ самые добрые и самые откровенные люди.

Берегись языка своего, юноша, онъ твой врагъ; бойся его какъ своего злодѣя; онъ, по строенію своему, такъ гибокъ и вертлявъ, что на него нельзя полагаться нисколько. Не обдумавши прежде хорошенько, не позволяй ему произносить ни одного слова и всегда помни пословицу: «Языкъ нашъ — врагъ нашъ».

Злословіе

Ничто не задаетъ людскимъ языкамъ столько работы, какъ злословіе. Слабость эта такъ сродна человѣку, что, безъ сомнѣнія, нѣтъ никого въ мірѣ, кто бы никогда не злословилъ. Этотъ порокъ, по чрезвычайной къ нему наклонности людей, можно назвать роднымъ, природнымъ человѣчества порокомъ; и отъ того са-

маго ловко злословить въ смѣшномъ видѣ, можно смѣло въ присутствіи каждаго, его наилучшихъ знакомыхъ, безъ всякаго опасенія. Между тѣмъ, злословіе есть губительное, ядовитое жало, хуже змѣинаго. Оно у самыхъ достойныхъ людей отнимаетъ добрую славу, помрачаетъ доброе имя самой добродѣтельной и наилучшей женщины, порочитъ передъ начальствомъ хорошаго служиваго, и тѣмъ лишаетъ его службы, а съ нею часто и послѣдняго куска хлѣба. Да и самъ злословящій отъ своего злословія не имѣетъ никакой пользы, а напротивъ величайшій вредъ: онъ низко падаетъ во мнѣніи разсудительныхъ людей и дѣлается въ ихъ глазахъ или ничтожнымъ человѣкомъ, прибѣгающимъ къ такой малодушной мести, или зловреднымъ болтуномъ. Сверхъ того онъ часто попадаетъ въ зависимость къ тѣмъ, которыхъ злословилъ на весь міръ, и такимъ образомъ, найдя въ начальникѣ справедливаго карателя, портитъ свою карьеру.

Всего вреднѣе и опаснѣе злословить су-

ществующій порядокъ вещей, и ни чѣмъ такъ скоро нельзя заслужить объ себѣ мнѣнія безпокойнаго и требующаго особаго надзора человѣка, какъ такимъ злословіемъ.

Злословіе чаще всего выходитъ изъ зависти къ тѣмъ людямъ, которые въ свѣтѣ преуспѣваютъ лучше насъ, и въ такомъ случаѣ оно всегда дѣлается со злымъ намѣреніемъ вредить. Также нерѣдко является оно безъ всякаго злаго намѣренія, по одной привычкѣ, служа обширнымъ полемъ пустой болтовнѣ. Не смотря на то какъ первое, такъ и послѣднее всегда вредятъ ближнему.

Когда услышишь ты, юноша, злословіе отъ людей тебѣ равныхъ, то просто безъ обиняковъ проси ихъ не разсказывать тебѣ о другихъ ничего худаго, потому, что это для тебя непріятно. Если же услышишь то отъ высшихъ, съ которыми такъ смѣло поступать невозможно, то старайся оправдывать злословимыхъ, а если и того дѣлать нельзя, то промолчи и перемѣни разговоръ.

Зависть.

Если бы ты, юноша, когда нибудь подмѣтилъ въ себѣ зависть, то прогони ее тотчасъ, какъ чувство неблагородное, несправедливое, унижающее достоинство человѣка.

Отъ зависти человѣкъ сохнетъ, болѣетъ, дѣлается раздражительнымъ, недовольнымъ собою, другими и всѣмъ, что его окружаетъ. Благополучіе и преуспѣяніе ближняго мучитъ завистливаго и гложетъ его сердце непрестанно. А къ чему, изъ какихъ видовъ, на какой конецъ? Рѣшительно безъ причины, безъ всякаго вида, безъ намѣренія, безъ цѣли, просто изъ одной только зависти. Страдальческая зависть, при всей своей порочной натурѣ, не имѣетъ даже въ виду посягательства на добро ближняго. Странное чувство это ничего не ищетъ, ни къ чему не стремится, страдаетъ себѣ, мучится, сокрушается о томъ, что другому хорошо, вотъ и все.

А между тѣмъ какое злое чувство, болѣть и страдать отъ благополучія ближняго!

Вообразить себѣ нельзя, юноша, чувства недостойнѣе этого, и право, смѣшно и обидно позволить водвориться въ себѣ такому неосновательному и страдальческому чувству.

Суевѣріе.

Суевѣріе рѣдко направляется къ добру, а всегда занято предсказаніемъ себѣ несчастія и гибели; а потому это есть не иное что какъ боязнь, безпокойство, сомнѣніе, полное отсутствіе святой вѣры. Оно очень похоже на трусость, но гораздо ее хуже, потому, что трусъ при видѣ одной явной опасности робѣетъ, теряется, въ самую критическую минуту въ страхѣ не дѣйствуетъ и оттого беззащитный дѣлается жертвою своей трусости. Суевѣріе же есть непрестанный страхъ, всегдашнее опасеніе и тамъ, гдѣ есть опасность, и тамъ, гдѣ ее вовсе нѣтъ. При томъ оно всегда

само изыскиваетъ тысячи вѣроятностей къ своей гибели и создаетъ для себя опасностъ во всемъ.

При всей плачевной и жалкой натурѣ суевѣрія, люди вообще чрезвычайно къ нему наклонны. Не слывя вовсе въ свѣтѣ за человѣка суевѣрнаго, всегда замѣчалъ я за собою большое къ нему расположеніе. Даже и теперь, на старости моей, нерѣдко съ негодованіемъ подмѣчаю сильное его искушеніе какъ въ важныхъ, такъ и въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ, до надѣванія прежде на лѣвую, чѣмъ на правую ногу сапогъ.

Малодушное суевѣріе это, завладѣвъ человѣкомъ въ маломъ, не довольствуется тѣмъ никогда, а порабощая его постепенно болѣе и болѣе, переносится съ нимъ къ самымъ важнѣйшимъ его дѣламъ, и тутъ–то начинаетъ надъ нимъ свирѣпствовать ужасно: наводитъ на него вѣчное во всемъ сомнѣніе, недовѣрчивость, всегдашнюю боязнь за жизнь его родныхъ, его семейства и за его собственную и

тому подобное. Такимъ образомъ низлагаетъ духъ его до того, что самый неустрашимый человѣкъ дѣлается робкимъ, ожидаетъ всякую минуту надъ собой злоключенія, и наконецъ въ суевѣріи своемъ видитъ какъ бы силу судьбы, всемогущій перстъ самого Господа. Послѣ того уже и думать не смѣетъ о сверженіи съ себя этого убійственнаго ига.

Есть суевѣрія общепринятыя, какъ то: тринадцать человѣкъ за столомъ, или три зажженыя свѣчи въ комнатѣ, предвѣщаютъ покойника. Понедѣльникъ считается несчастнымъ днемъ для выѣзда въ путь. Заяцъ перебѣжитъ дорогу, означаетъ предвѣстіе неизбѣжнаго несчастія, и другія. И хотя всѣмъ людямъ извѣстно, что все это есть сущій вздоръ, но не всѣмъ понятно то, что этотъ вздоръ ведетъ человѣка къ малодушію, къ робости и нерѣдко къ самой гибели. Отъ этого непониманія люди не размышляя ни о какихъ послѣдствіяхъ, изъ одного опасенія и робости сохраняютъ эти суевѣрія навсегда.

Испытавъ все вышесказанное на самомъ себѣ, опытомъ же дознался я, во первыхъ, что къ счастію суевѣріе не можетъ овладѣвать человѣкомъ вдругъ, однимъ разомъ, а вкрадывается въ него незамѣтно, мало по малу; и во вторыхъ, что тому, кто это знаетъ и понимаетъ, прогонять отъ себя всякое суевѣріе весьма легко, а именно: стоитъ только дѣлать все ему наперекоръ, какъ значится въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ: 1й. Избирая для своего выѣзда въ дорогу день, встрѣчаешься ты съ понедѣльникомъ; суевѣріе твое тотчасъ тебѣ докладываетъ, что этотъ день для выѣзда несчастенъ; но ты, какъ Русскій человѣкъ говоритъ, *не бось,* и наперекоръ ему назначай рѣшительно къ отъѣзду понедѣльникъ. 2й. Случилось въ твоей комнатѣ три зажженныхъ свѣчи, что по суевѣрнымъ понятіямъ составляетъ несчастное предзнаменованіе; ты же ему наперекоръ оставь ихъ горѣть въ комнатѣ всѣ три. Поступая такимъ образомъ всегда неупустительно, изъ послѣдствій самъ удо-

стовѣришься въ нелѣпости и неосновательности всякаго суевѣрія.

Если ты, юноша, не желаешь сдѣлаться трусомъ, и вѣчно дрожать за себя и за милыхъ твоему сердцу людей, то замѣчай крѣпко за своимъ суевѣріемъ, и при всякомъ его появленіи уничтожай его, безъ всякой пощады — дѣлая все ему наперекоръ.

Сомнѣніе.

Есть люди сомнѣвающіеся во всемъ, ни въ чемъ не увѣренные, не вѣрующіе своимъ собственнымъ глазамъ и убѣжденіямъ, и оттого, до непреоборимаго упрямства нерѣшительные. Такіе люди не должны бы совсѣмъ вступать въ службу и ни въ какія дѣла, потому, что они для этого вовсе негодятся.

Къ несчастію, такого рода люди на словахъ судятъ и разбираютъ иногда дѣла очень правильно, и чрезъ то пользуясь славою умныхъ, достигаютъ, нерѣдко, до значительныхъ должностей.

Ничего не можетъ быть тягостнѣе и мучительнѣе, какъ имѣть такого человѣка начальникомъ, или состоять въ какой бы то ни было отъ него зависимости, или даже хотя бы только находиться въ необходимости совершать совмѣстно съ нимъ что нибудь, потому, что отъ его сомнѣнія и нерѣшительности во всякомъ дѣлѣ выйдетъ непремѣнно рѣшительный матъ.

Подчиненный докладываетъ ему, напримѣръ, что дѣло сопряжено съ опасностію, и что надобно рѣшиться тотчасъ, чтобы воспользоваться благопріятною минутой. — «Ну, а что будетъ, если оно пойдетъ вотъ такъ?»—То мы сдѣлаемъ то-то.— «А если возметъ направленіе такое?»—То мы станемъ дѣйствовать такимъ образомъ. — «Хорошо; да что же вы такъ настоятельны, вѣдь надобно же дѣло разсмотрѣть хорошенько». — Оно уже довольно разсмотрѣно; и дорогая минута пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ! А какъ не удастся?» — Удастся. — «Ну хорошо когда удастся. Вѣдь рѣшиться недолго; а

какъ выйдетъ худо?» — Не выйдетъ худо, отвѣчаю. — «Отвѣчаю, отвѣчаю! Да вѣдь вся отвѣтственность то падаетъ на меня, такъ надобно обстоятельно обдумать.» Думаетъ, думаетъ, и ни на что не рѣшается; между тѣмъ благопріятное время проходитъ, обстоятельства измѣняются къ худу, а дѣло, направляемое противною стороной, приближается къ развязкѣ, и нагрянувъ врасплохъ, разрѣшается пагубой его и всѣхъ отъ него зависимыхъ.

Къ сомнѣнію и нерѣшительности, какъ и ко всякой другой слабости, можно привыкнуть до какой угодно степени, пожалуй хоть до сомнѣнія, что отъ тарелки не донесешь благополучно полной ложки ко рту. Почему и надобно, съ пріобрѣтеніемъ объ дѣлѣ ясныхъ показаній и убѣжденія, на него рѣшаться тотчасъ, чтобы не взять привычки мямлить, сомнѣваться и бояться.

Во всякомъ дѣлѣ, юноша, общій гласъ, или мнѣніе многихъ, хотя бы оно было противно твоему, есть всегда важнѣйшее

обстоятельство, которое не должно никогда оставлять безъ вниманія, а надобно доискиваться въ дѣлѣ, на чемъ именно они основываютъ свои мнѣнія и почему оно тебѣ представляется иначе. Можетъ быть ты въ немъ не знаешь какого нибудь важнаго обстоятельства, измѣняющаго весь его ходъ, или имъ самимъ не все въ дѣлѣ извѣстно. Что же своими собственными глазами видишь ясно и обнимаешь вполнѣ своею свѣтлою мыслію, какъ напримѣръ, что день не есть ночь, тому вѣрь смѣло и рѣшайся немедленно, хотя бы весь міръ увѣрялъ тебя въ противномъ.

Гаданіе.

Гадальщики, ворожеи, предсказатели будущаго есть народъ хитрый, потемняющій людей и выманивающій у нихъ самымъ непростительнымъ и очень часто самымъ преступнымъ образомъ деньги.

Когда-то было у меня одно весьма важное дѣло, требовавшее для своего рѣшенія

нѣкотораго продолженія времени. Молодой, нетерпѣливый, много безпокоился я объ немъ, пока не нашелся добрый пріятель, который по праву притворнаго участія, чтобы помочь моему дѣлу, отвезъ меня къ извѣстной въ то время ворожеѣ. Гадальщица эта была женщина неглупая, хитрая, привыкшая съ первой встрѣчи разгадывать своихъ вопрошателей, на тотъ конецъ, чтобы приноровляясь къ нимъ самимъ и основываясь на данныхъ, которыя смѣтливость ея въ нихъ открываетъ, предсказывать имъ будущее. Вопросъ мой былъ положительный: исполнится ли желаемое мною или нѣтъ? Изъ этого вопроса, изъ моего тона, а болѣе всего изъ свѣдѣній сообщенныхъ ей обо мнѣ моимъ продажнымъ пріятелемъ, она не только знала уже мое дѣло, меня самого, но и всѣ мои обстоятельства, и потому разложивъ, нашептывая, карты, разсказала мнѣ нѣсколько моихъ собственныхъ прошедшихъ дѣлъ, что меня очень удивило. Потомъ, вѣроятно, согласно съ мнѣніемъ упомя-

нутаго моего пріятеля, произнесла рѣшительно, что желаемое мною не исполнится. Послѣ такого одолжительнаго предсказанія, хотя я оставался вполнѣ убѣжденнымъ, что не вѣрю гадальщицѣ; однакожъ, расплатясь съ нею немедленно, уѣхалъ въ большой досадѣ, съ чувствомъ очень похожимъ на отчаяніе. Съ того времени во все продолженіе моего дѣла былъ я истиннымъ мученикомъ: проводилъ ночи безъ сна, безпокоился, тревожился, горько раскаявался въ своемъ легкомысленномъ совѣщаніи съ гадальщицей, предавалъ проклятію и ее и моего пріятеля, и въ смущеніи духа, вполнѣ обезнадеженный, оставилъ самое дѣло на произволъ судьбы. По счастію дѣло то было ведено честнымъ человѣкомъ, и впослѣдствіи исполнилось по моему желанію, какъ нельзя лучше. Вздохнувъ отрадно, торжественно поклялся я впередъ не прибѣгать ни къ ворожеямъ, ни къ предсказателямъ не только въ дѣлахъ серьёзныхъ и въ самыхъ маловажныхъ, но даже такъ, собственно

для забавы, никогда ни въ какомъ видѣ не гадать.

Одному суевѣрному человѣку, не знаю въ шутку, или изъ недоброжелательства, предсказалъ кто-то день его кончины. Теперь равнодушно вспомнить не могу я страданій этого несчастнаго, когда онъ съ ужасомъ приближался къ роковому дню. Онъ бродилъ какъ изступленный, погрузясь весь въ свою страшную мысль, не спалъ по цѣлымъ ночамъ, слушать не хотѣлъ ни чьихъ увѣреній въ томъ, что это глупое предсказаніе было сдѣлано ему въ шутку, и все время приготовлялся къ смерти. И если высохшій, изломанный и изнеможенный, онъ въ назначенный день дѣйствительно не умеръ, то тѣмъ былъ обязанъ однимъ постояннымъ и неусыпнымъ объ немъ заботамъ его семьи и добрыхъ родныхъ. На завтра же, послѣ роковаго дня, молился, плакалъ, и не хотѣлъ вѣрить что онъ живъ. Но въ живыхъ однакожъ оставался очень недолго; въ тотъ же день

заболѣлъ сильною горячкой, отъ которой вскорѣ и умеръ.

Не должно, юноша, небречь тѣмъ, что можетъ растерзать нашу жизнь: какая нибудь лукавая гадальщица изъ видовъ корысти, или по интригамъ, предскажетъ тебѣ самое нелѣпое несчастіе, и ты никогда не будешь въ состояніи изгнать изъ твоей мысли убійственнаго предсказанія, которое изсушитъ тебя въ щепку и отравитъ дни твои навсегда. Никогда не гадай, юноша, и разсуди здраво, что будущее, безъ всякаго сомнѣнія, закрыто отъ насъ непроницаемою пеленой, и что никто не можетъ читать въ будущемъ, кромѣ Господа.

Сновидѣнія.

Кому неизвѣстно, что сны суть сущій вздоръ, броженіе памяти безъ всякаго сознанія, безъ послѣдствія, и что они по большой части вертятся на тѣхъ дѣлахъ и предметахъ, которыми умъ человѣческій въ настоящее время наиболѣе занятъ.

Но не смотря на то, и отъ сновъ есть много страдальцевъ.

Очень часто одинъ безтолковый сонъ приноситъ легковѣрному человѣку болѣе безпокойства и мученія, чѣмъ дѣйствительный неуспѣхъ въ дѣлѣ.

А какъ цѣль наша, юноша, есть конечное и наступательное очищеніе себя отъ всѣхъ превратныхъ идей и отъ всякихъ неправильностей, то и снамъ, какъ показаніямъ неразумнымъ, мы не только не будемъ вѣрить, но даже никогда объ нихъ говорить, никогда объ нихъ помнить, и какихъ бы объ нихъ ни разсказывали чудесъ, останемся въ полной увѣренности, что все это суть раскрашиваемые пустяки, не стоющіе никакого вниманія.

Предчувствіе.

Предчувствіе есть самый неосновательный, самый безотчетный, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый заманчивый указатель, ведущій людей прямо въ бездну. Это собла-

знительное предчувствіе, этотъ предатель человѣческаго рода, тѣмъ для него опаснѣе, что оно преимущественно является человѣку въ минуты его пораженій или тяжкихъ испытаній, и потемняя, такъ сказать, его разсудокъ, влечетъ его въ очевидную пропасть, какъ то чаще всего случается въ азартныхъ играхъ, лотереяхъ и во всѣхъ худо разсчитанныхъ предпріятіяхъ.

Нигдѣ такъ часто и такъ ясно не обнажается нелѣпость предчувствія, какъ въ сраженіяхъ, въ которыя большая часть людей вступаетъ со своимъ особымъ, заблаговременно всѣмъ товарищамъ извѣстнымъ предчувствіемъ, заставляющимъ ихъ обыкновенно послѣ сраженія краснѣть, потому, что почти всегда случается напротивъ: кто наканунѣ себя хоронилъ, тотъ здоровъ и невредимъ, кто увѣрялъ, что будетъ цѣлъ и невредимъ, тотъ убитъ. Часто на тѣхъ позиціяхъ, на которыхъ армія или отрядъ ожидалъ большой битвы, дѣло кончается одною ничтожною пере-

стрѣлкой. Въ такомъ случаѣ всѣ несчастныя предчувствія отъ перваго до послѣдняго обнаруживаются явно-лживыми. Но люди по слабости и малодушію этого не видятъ, и на десять обманутыхъ предчувствій не обращаютъ никакого вниманія, а объ одномъ исполнившемся, съ какою-то преклоняющеюся таинственностію, какъ въ трубу трубятъ.

Случилось мнѣ стоять дней десять на бивуакахъ съ однимъ офицеромъ, въ ожиданіи генеральнаго сраженія. Онъ былъ очень добрый и благородный человѣкъ, любимый начальствомъ, товарищами и подчиненными. Но, къ несчастію, за годъ передъ тѣмъ онъ женился, и очень нѣжно любилъ жену и своего первенца. Теперь безъ досады не могу вспомнить тѣхъ моихъ вѣковыхъ десяти дней, отравленныхъ несказанными терзаніями этого человѣка: онъ ни одной ночи не спалъ, а ходилъ какъ привидѣніе, плакалъ какъ ребенокъ безъ всякаго стыда, вслухъ упрекалъ себя женитьбой, проклиная ту минуту, въ

которую совершилъ это таинство, — и все это по силѣ самовѣрнѣйшаго предчувствія — въ первомъ сраженіи погибнуть. На самомъ же дѣлѣ вышелъ изъ него цѣлымъ и невредимымъ. Но за то, послѣ боя, отъ стыда не смѣлъ смотрѣть въ глаза товарищамъ и избѣгалъ ихъ сообщества.

Человѣкъ, какъ существо разумное, соображающее и предвидящее, не долженъ никогда основывать свои предпріятія и свои рѣшенія на слѣпомъ предчувствіи, которое при хорошихъ обстоятельствахъ почти всегда безмолвствуетъ, а въ трудныхъ и опасныхъ, какъ сатана-искуситель тотчасъ является и, опираясь на авось, подвигаетъ человѣка на самыя отчаянныя и самыя несбыточныя предпріятія.

Никогда, юноша, не вѣрь никакому предчувствію. Это западня, ловушка на людей слабыхъ и ничтожныхъ; это есть свойство барана, бѣгущаго за поранившимъ его волкомъ, унижающее человѣческій разсудокъ.

Предубѣжденіе.

Предубѣжденіе имѣетъ надъ людьми власть превосходящую всякое воображеніе, такую власть, что оно въ одну минуту измѣняетъ въ нихъ самыя сильнѣйшія чувствованія и побужденія совершенно, до того, что отъ непреоборимаго влеченія переводитъ ихъ къ отвращенію, отъ страстной любви къ ненависти. Напримѣръ: я голоденъ. Мнѣ подаютъ кусокъ жаренаго. Предубѣжденный въ съѣдомости говядины, я беру ее и располагаюсь съ удовольствіемъ утолить свой голодъ; но вдругъ узнаю, что это кусокъ человѣческаго тѣла, и мое предубѣжденіе тотчасъ перемѣняется и дѣлаетъ то, что я къ той же говядинѣ чувствую омерзѣніе, и мнѣ становится дурно.

Предубѣжденіе есть величайшее благо, и великое зло, смотря потому, самъ ли человѣкъ разумно и намѣренно образовалъ его въ самомъ себѣ собственными своими

размышленіями и убѣжденіемъ, или оно само завладѣло человѣкомъ, по случайно сформировавшемуся въ немъ худому расположенію.

Въ какомъ-бы то ни было положеніи и обстоятельствахъ, человѣкъ, по силѣ своей воли и своего мышленія можетъ предубѣдить себя, (кромѣ, конечно, злодѣевъ, лишенныхъ свободы за преступленія), что онъ счастливъ или несчастенъ. На этомъ разумѣ иной въ самой большой умѣренности разсуждаетъ такъ: «Слава Богу! я честный человѣкъ, не въ заточеніи, чистъ совѣстію такъ, что могу всякому смотрѣть прямо въ глаза, никому не долженъ, имѣю все необходимое». И отъ этого одного предубѣжденія онъ дѣйствительно счастливъ. Другой же въ довольствѣ и въ наилучшихъ обстоятельствахъ изыскиваетъ тысячи предлоговъ, чтобы терзать себя. «Почему», говоритъ онъ, «я не имѣю того, зачѣмъ у меня не достаетъ этого, отчего тотъ меня сильнѣе, а тотъ богаче,» и такъ далѣе. Съ такимъ предубѣжденіемъ онъ

болѣе чѣмъ несчастливъ, онъ мученикъ. А за тѣмъ можно утвердительно сказать, что наше счастіе и несчастіе, да и самыя чувства наши зависятъ прямо отъ нашего предубѣжденія. Такова его непостижимая сила!

Состоя въ военной службѣ, основываясь на этомъ понятіи, христіанскимъ вѣрованіемъ, здравымъ размышленіемъ и собственнымъ своимъ убѣжденіемъ сформировалъ я въ себѣ самомъ твердое предубѣжденіе, что если судьбою суждено мнѣ на ратномъ полѣ быть убитымъ или раненымъ, то это должно исполниться непремѣнно; если же не суждено, то я буду живъ и невредимъ; что это вовсе не мое дѣло, и что мнѣ объ этомъ нечего и безпокоиться. Я же долженъ только строго и точно выполнять свою обязанность. Отъ этого одного блаженнаго предубѣжденія я наканунѣ всякаго сраженія спалъ преспокойно, а въ самыхъ битвахъ былъ всегда веселъ и безмятеженъ.

Самое главное, для каждаго человѣка

обязательное, благое предубѣжденіе состоитъ въ крѣпкомъ убѣжденіи самого себя въ томъ, что по волѣ Божіей, непріятности и неудачи въ дѣлахъ нашихъ и въ жизни неизбѣжны, и что по тому же самому приходить отъ нихъ въ отчаяніе не должно, а напротивъ надобно ихъ переносить съ покорностію и, какъ Французы говорятъ, желать того, чего отвратить нельзя. Это благое, обязательное предубѣжденіе есть великое откровеніе въ жизни, утоляющее и успокоивающее всѣ треволненія житейскія. Оно насъ примиряетъ съ нашимъ удѣломъ, каковъ бы онъ ни былъ, а въ несчастныхъ случаяхъ смягчаетъ жесткость нашей неминуемой участи.

Наконецъ злое предубѣжденіе есть ошибочно-дурное понятіе человѣка о самомъ себѣ и о своихъ обстоятельствахъ къ собственному его ущербу; а изъ нихъ самыя злѣйшія, и къ несчастію, нерѣдко на людяхъ видимыя, заключаются въ томъ, что иной здоровый человѣкъ считаетъ себя больнымъ (больной воображеніемъ), и отъ

одного этого злаго предубѣжденія онъ, со временемъ, дѣйствительно пріобрѣтаетъ разныя болѣзни, страдаетъ всю жизнь и умираетъ преждевременно. Или другой, считаетъ себя несчастнымъ, не будучи вовсе таковымъ, и съ такимъ злымъ предубѣжденіемъ въ продолженіи времени онъ непремѣнно накличетъ себѣ несчастіе, потому, что его жизнь отравлена злымъ предубѣжденіемъ: онъ въ радости сокрушается, онъ съ чела своего не сводитъ морщинъ въ веселіи.

Притомъ, если злое предубѣжденіе завладѣетъ мыслію человѣка одинъ разъ, то онъ уже никогда изъ подъ его ига не выйдетъ: голова въ порабощеніи; сердце и чувства, какъ ея подчиненныя, страдаютъ— спасенія нѣтъ!

Помни же всегда, юноша, о благомъ, обязательномъ предубѣжденіи, и знай, что съ его помощію ты со своею жизнію совладаешь, какъ съ игрушкой; а злаго предубѣжденія берегись какъ огня.

Мизантропъ.

Не смотря на самое печальное и тягостное состояніе мизантропа, ненавидящаго людей, все его окружающее и даже самого себя, всякій человѣкъ, отъ огорченій, неудачь и людской несправедливости, легко можетъ сдѣлаться мизантропомъ, если только отъ невниманія и небрежности къ самому себѣ онъ заблаговременно не замѣтитъ своего къ тому расположенія, или хотя и замѣтитъ, но тотъ же часъ не приметъ противъ него никакихъ мѣръ.

Какъ мизантропъ есть самое непріятное и самое противное созданіе для всякаго, то чтобы и намъ, юноша, не сдѣлаться для людей противными, будемъ всегда особенно замѣчать за своимъ расположеніемъ къ мизантропіи, и какъ только появленіе его замѣтимъ, то примемся немедленно уничтожать его такимъ образомъ: прежде всего торжественно сознаемъ, что человѣкъ, какъ существо слабое, легко усту-

паетъ и привычкѣ и постоянному одинаковому на него вліянію, и даже своему собственному намѣренному настроенію самого себя, къ какому угодно расположенію; что собственными своими противъ самого себя споровками и настойчивостію онъ можетъ порождать въ себѣ самомъ всякое расположеніе, и даже перемѣнять его по своему усмотрѣнію. Потомъ съ этимъ сознаніемъ въ свободное отъ занятій время заставимъ себя, силою своей твердой воли, заниматься самыми незначущими вещами, напримѣръ: накупимъ себѣ хорошенькихъ недорогихъ вещицъ, и принудимъ себя какъ можно чаще ихъ разсматривать, перечищать, переставлять ихъ съ одного мѣста на другое, любоваться ими. Послѣ того, то же станемъ дѣлать со своею одеждою: со своими галстуками, перчатками, сапогами и прочимъ, пригоняя все это на себя какъ можно старательнѣе и лучше. Затѣмъ прибѣгнемъ къ чтенію, будемъ читать что нибудь веселое, остроумное, преимущественно ко-

медіи и водевили, въ которыхъ станемъ избирать своими героями характеры веселые, легкіе, шутливые, и сами начнемъ къ нимъ подлаживаться. Наконецъ, силою заставимъ себя, какъ можно чаще шутить со своими слугами, съ товарищами и со всѣми людьми; будемъ стараться почаще находиться въ обществѣ дамъ и ихъ занимать; войдемъ въ дружбу съ пріятными и веселыми знакомыми, — однимъ словомъ, заставимъ себя находить въ людяхъ и во всемъ одно доброе и хорошее, и этимъ добрымъ и хорошимъ возбудимъ въ самихъ себѣ, какъ къ людямъ, такъ и ко всему насъ окружающему, живѣйшій интересъ. Такими и подобными противъ самихъ себя сноровками, съ помощію одной привычки достигнемъ мы непремѣнно до того, что всякое расположеніе наше къ мизантропіи обратимъ въ прахъ, а сами станемъ любить людей и все, какъ важное, такъ и малозначущее.

Эгоистъ.

Невозможно себѣ представить ничего равнодушнѣе, ничего холоднѣе къ пользѣ ближняго, какъ эгоиста! Онъ никому не желаетъ добра, кромѣ самого себя. Хорошо изобразилъ его нашъ достославный баснописецъ И. А. Крыловъ: «*Лишь мнѣ бы ладно было, а тамъ весь свѣтъ гори огнемъ*». Но этого мало: онъ кажется желалъ бы, чтобы весь свѣтъ сгорѣлъ, для того, чтобы всѣ блага міра остались ему одному. Подслушайте только его, съ какимъ убійственнымъ равнодушіемъ потакаетъ онъ всякой ошибкѣ ближняго, и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ бережется онъ, чтобы отъ неосторожности не предостеречь кого нибудь отъ бѣды. Если бы онъ видѣлъ и слышалъ, что человѣкъ отъ незнанія или отъ другой какой причины намѣревается идти на неминуемую гибель, то и въ такомъ случаѣ, кажется, не сказалъ бы слова въ предостере-

женіе его. Нѣтъ, думаетъ, не надобно выводить его изъ заблужденія, пусть погибаетъ, когда не умѣетъ беречь себя, вѣдь это не я; авось, послѣ его, падетъ что нибудь на мою долю изъ того, что могло бы достаться ему.—Эгоистовъ надобно бы изъ гражданскаго общества выгнать, какъ людей, отъ которыхъ для него никакой пользы происходить не можетъ, и которые только живутъ на его счетъ.

Не въ духѣ.

Дурное расположеніе духа является въ человѣкѣ по большой части отъ недовольнаго и неправильнаго взгляда на жизнь, также отъ пресыщенія, отъ праздности, и вообще отъ всякой неумѣренности. Оно въ него вкрадывается нечувствительно: сегодня, напримѣръ, какая нибудь непріятность меня огорчила, — я предался досадѣ безъ воздержанія, безъ противодѣйствія, и прожилъ съ нею цѣлый день. Завтра половины той непріятности до-

вольно, чтобы меня опечалить въ той же мѣрѣ; а послѣ завтра уже одной четверти для того достаточно. Привыкая такимъ образомъ къ досадѣ, человѣкъ со временемъ доходитъ до чрезвычайнаго раздраженія, такъ что напослѣдокъ самое ничтожное обстоятельство его возмущаетъ, и потомъ онъ уже почти не выходитъ изъ дурнаго расположенія духа, а впослѣдствіи перемѣняетъ и самый нравъ свой, и наконецъ становится несноснымъ, какъ для самого себя, такъ и для другихъ.

Это дурное расположеніе духа, это томительное давленіе производитъ величайшія несчастія: порождаетъ непросыпныхъ пьяницъ, отчаянныхъ мотовъ, презрѣніе къ чести и къ добру и по преимуществу — самоубійства. Отъ него же очень часто встрѣчаются цѣлыя семейства, въ которыхъ, независимо отъ ихъ хорошихъ или худыхъ обстоятельствъ, вѣчно царствуетъ крикъ, безпокойство, тревога, брань и плачъ.

Ни на что на свѣтѣ не должно столько

обращать вниманія, какъ на это гибельное расположеніе духа, которому стоитъ только дать волю, чтобы оно, завладѣвъ нами, покрыло жизнь нашу чернымъ саваномъ тоски и досады, и сдѣлало ее невыносимою.

Какъ только замѣтишь въ себѣ, юноша, дурное расположеніе духа, то дѣлай тотчасъ по моему, то есть иди со двора и ходи пѣшкомъ до крайней усталости, до изнеможенія. Сдѣлавъ это, ты въ себѣ уже не обрѣтешь своего несчастнаго расположенія и пріятно удостовѣришься въ дѣйствительности этого простаго, но вѣрнаго средства. Во всѣхъ же огорченіяхъ и досадахъ, ввергающихъ духъ нашъ въ дурное расположеніе, поддерживай себя тѣмъ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что они скоропреходящи и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскивай всевозможныя средства, чтобы ихъ отъ себя, какъ можно скорѣе, удалить и позабыть.

Ропотъ.

Малодушные люди всегда ропщутъ на то время, въ которомъ живутъ. По ихъ мнѣнію никогда не бывало такихъ худыхъ временъ, какъ теперь, такихъ дурныхъ людей, какъ имъ современные.

Слыша безпрестанное повтореніе такого ропота, человѣкъ, даже самый терпѣливый и безропотный, сначала, во избѣжаніе противорѣчія своимъ собесѣдникамъ, можетъ быть противъ своего убѣжденія, изъ одной учтивости съ ними соглашается, потомъ, отъ частаго повторенія того же ропота, къ нему привыкаетъ, затѣмъ съ помощію продолжительной привычки и совсѣмъ его себѣ усвоиваетъ, а послѣ того уже и самъ такъ думаетъ, такъ увѣренъ и такъ чувствуетъ, не входя ни въ какія разсужденія и не давая себѣ въ томъ ни малѣйшаго отчета. Вотъ путь, по которому люди вовлекаются въ малодушный и жалкій ропотъ.

Бѣдные эти люди не видятъ того, что такимъ на взглядъ невиннымъ ропотомъ они не только вооружаютъ самихъ себя противъ своей прекрасной жизни и отравляютъ ее, но еще и другихъ вводятъ въ заблужденіе, и что матерѣя, такъ сказать, въ этомъ своемъ ропотномъ отправленіи, они со временемъ доходятъ до такой къ дурному расположенію возбудительности, что при малѣйшей непріятности предаются ожесточенію, бранятъ весь свѣтъ, терзаются, и въ смущеніи духа не будучи въ состояніи обдумать хладнокровно и здраво какія надобно принимать мѣры, чтобы уменьшить, облегчить или отдалить отъ себя непріятность, дѣйствуютъ не сообразясь съ обстоятельствами, неправильно, и такимъ образомъ перепортивъ свои дѣла, терпятъ значительныя потери; отчего огорчаются еще болѣе, и наконецъ, изъ малой непріятности дѣлаютъ себѣ цѣлыя несчастія; а въ заключеніе, несправедливыми и безполезными жалобами, вмѣсто ожидаемаго участія заслуживаютъ насмѣшки и

презрѣніе. И все это отъ одной привычки роптать, и отъ одного незнанія, что роптъ есть величайшее для человѣчества зло.

По моему же при всякомъ несчастномъ случаѣ, вмѣсто ропота, надобно со смиреніемъ и покорностію разсуждать такъ: несчастіе послано мнѣ для моего испытанія, конечно, не безъ воли Божіей! Да будетъ же Его святая воля надо мною. Потомъ прибавя: слезами горю не помочь, а надобно помогать дѣломъ, тотчасъ приняться дѣйствовать и трудиться.

Зналъ я одного купца, который, прибывъ въ Н. городъ мужикомъ на заработки, какъ смышленый человѣкъ тотчасъ смѣкнулъ, что по торговой части скорѣе можно подняться, чѣмъ черною работой, и вслѣдствіе того немедленно занялся мелкимъ торгомъ. Торговалъ честно и съ умомъ, и черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, сдѣлавшись купцомъ-капиталистомъ, рѣшился наконецъ прекратить торговлю вовсе, говоря: что пора же знать и честь. Рас-

продалъ всѣ свои товары и лавки и собралъ наличныхъ денегъ восемьсотъ тысячь рублей ассигнаціями; а какъ онъ былъ человѣкомъ, что называется, стариннаго покроя, то на совѣты добрыхъ людей, чтобы положить свой капиталъ въ банкъ для обезпеченія и приращенія его процентами, отвѣчалъ: «Боже оборони меня, чтобы я сталъ брать проценты». Велѣлъ потомъ сдѣлать огромный желѣзный сундукъ, со многими замками, приковалъ его къ полу въ своей комнатѣ и положилъ въ него всѣ свои деньги, приговаривая, что этихъ денегъ станетъ не только для него, но и для его дѣтей. Самъ же жилъ всегда очень умѣренно. Къ несчастію, спустя нѣсколько времени, въ его домѣ сдѣлался пожаръ: сундука съ деньгами спасти не могли и капиталъ его сгорѣлъ въ сундукѣ до копейки, а онъ въ одинъ часъ сдѣлался точно также бѣденъ, какъ былъ въ то время, когда прибылъ въ городъ на заработки, если еще не бѣднѣе, потому, что имѣлъ уже большое семейство. Кто изъ людей,

будучи на его мѣстѣ, отъ такого несчастія не пришелъ бы въ отчаяніе, не сталъ бы роптать и горько жаловаться! Но онъ истинно съ ангельскимъ смиреніемъ сказалъ: «Что же дѣлать; Богъ далъ, Богъ и взялъ. Надобно опять начинать сначала; только теперь нужно дѣйствовать попроворнѣе, потому, что я уже не молодъ; а впрочемъ это дѣло для меня не новое». И въ самомъ дѣлѣ началъ опять торговать съ малаго, и чрезъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ уже порядочное состояніе; а теперь, можетъ быть, нажилъ опять значительный капиталъ.

Купецъ этотъ былъ дѣйствительно человѣкъ простой; но зналъ онъ лучше всякаго мудреца, что въ бѣдствіи ропотомъ и жалобами ничего добраго сдѣлать нельзя, а надобно помогать дѣломъ и трудами.

Послѣ всего этого, юноша, ты не можешь не согласиться, что ропотъ есть жалкое и вредное свойство малодушія, отъ котораго никогда не можетъ произойти ничего добраго, а только одно худое.

Роскошь.

Человѣкъ вообще склоненъ къ роскоши, какъ и ко всякому другому баловству. На этомъ началѣ, въ числѣ соблазновъ твоей жизни, юноша, явится къ тебѣ и роскошь непремѣнно, потому болѣе, что каждый день ты будешь видѣть не только на богатыхъ, но даже на людяхъ самаго ограниченнаго состоянія соблазнительныя ея искушенія; притомъ же она сама по себѣ такъ прелестна, такъ завлекательна, столько льститъ человѣческому самолюбію, и такъ вкрадчива, что ты и не оглянешься, какъ уже будешь въ ея сѣтяхъ, подъ ея игомъ.

Къ несчастію, эта очаровательная роскошь, этотъ, можно сказать, бичь человѣчества, при всей ея прелести, существуя только на пагубу человѣческаго рода, губитъ людей безпощадно, не только по одиначкѣ, но цѣлыми народами, поколѣніями и царствами, такъ, что почти всѣ извѣст-

ныя въ древности Государства погибли именно отъ нее.

Роскошь овладѣваетъ людьми постепенно: сегодня, смотря на другихъ, завелъ ты себѣ, напримѣръ, прекрасную сигарочницу, завтра безподобный лорнетъ, тамъ щегольски одѣлъ человѣка, тутъ роскошно устроилъ свою квартиру; потомъ завелъ дрожки и сани, а къ нимъ, разумѣется, лошадь и кучера; послѣ того, серебро, фаэтонъ, а за этимъ и пошли: дворня, экипажи, лошади, мебели, обѣды, балы, ложи, концерты, и такъ далѣе, и такъ далѣе, потому, что все это, одно другаго милѣе, одно другаго заманчивѣе, а все вмѣстѣ такъ пріятно, такъ лестно, что невозможно отъ него отказаться. А денегъ въ карманѣ уже давно нѣтъ, да и занять негдѣ, хотя многаго еще недостаетъ. Въ это же самое время у другихъ, какъ на зло: у того орловскіе рысаки, у другаго прелестное ландо. И эти гордецы уже почти тебѣ не кланяются, какъ человѣку ничтожному, у котораго ничего этого нѣтъ.

А тутъ уже и безъ того отъ долговъ и кредиторовъ хоть бѣги. Да и другія обстоятельства не лучше: съ квартиры сгоняетъ хозяинъ, изъ службы гонитъ начальникъ; въ отставку выйдти нельзя, чтобъ за долги не попасть въ тюрьму. Каково положеніе: со двора выйдти нельзя, заимодавцы за полы такъ и рвутъ! Въ заключеніе же спектакля, законные наслѣдники роскоши,—нужда и болѣзни торжественно вступаютъ въ свои права, и человѣкъ погибаетъ въ самомъ жалкомъ положеніи, покидая свое семейство въ страшной нищетѣ.

Объемъ этой книги слишкомъ тѣсенъ, чтобы могъ я тебѣ, юноша, представить въ полномъ видѣ ходъ этого гибельнаго пути; а потому ограничиваюсь этимъ поверхностнымъ указаніемъ, какъ нечувствительно и незамѣтно человѣкъ вовлекается въ убійственную роскошь, и какимъ образомъ отъ нее гибнутъ тысячи самыхъ наилучшихъ людей, на тотъ конецъ, чтобы ты могъ понять, что роскошь есть чума, зараза, конечная гибель.

Пресыщеніе.

Доволенъ, предоволенъ я тѣмъ, что не былъ рожденъ богатымъ! Оттого жизнь моя всегда полна интереса: хлопочешь о томъ, заботишься о другомъ, того недостаетъ, то надобно бы получше—вѣчное занятіе, всегдашнее затрудненіе, непрестанный интересъ, и счастливъ, пресчастливъ, какъ справишься со своими дѣлами! Кромѣ того, бѣдность моя меня просвѣтила: я узналъ людей и жизнь въ ихъ наготѣ, въ ихъ настоящемъ видѣ. Я научился какъ жить съ людьми, и какъ вести свою собственную жизнь, чтобы она мнѣ была въ радость, а не въ тягостное бремя. Я открылъ, изучилъ, пріобрѣлъ свое счастіе самъ; вполнѣ его понимаю, чувствую и радуюсь, да еще и не одинъ, но вся моя семья, всѣ тѣ, которые у меня живутъ, все, что меня окружаетъ. Ихъ же благополучіе есть уже для меня величайшая награда, потому, что я никогда не зналъ и не ни-

талъ завѣтнѣе и задушевнѣе желанія, какъ сдѣлать, хотя одного человѣка счастливымъ. Родясь же богатымъ, никогда бы я этого счастія не зналъ и не имѣлъ бы объ немъ никакого понятія, какъ то сейчасъ увидимъ.

Богатымъ и знатнымъ отъ рожденія нельзя знать людей, потому, что ихъ всегда обманываютъ изъ корыстныхъ видовъ. Нельзя имъ также знать своей собственной жизни, потому, что ее имъ отъ самой колыбели портятъ роскошью, пресыщеніемъ, честолюбивыми внушеніями, а болѣе всего лестію и одобреніемъ самыхъ безсмысленныхъ и заслуживающихъ всякаго порицанія поступковъ. Они не могутъ знать своихъ обстоятельствъ, потому, что всякій старается преувеличивать ихъ состояніе, чтобы тѣмъ подвигать ихъ къ лишнимъ расходамъ. Отъ этихъ же причинъ богатые по большой части въ долгахъ, въ то время, когда и безъ долговъ они могли бы жить хорошо. Сверхъ того преимущества, которыми они съ дѣтства окружены,

естественно порождаютъ въ нхъ головахъ презрѣніе къ бѣднымъ, которые ходятъ по грязи пѣшкомъ и живутъ не въ дворцахъ, а Богъ знаетъ, въ какихъ лачугахъ. Однимъ словомъ, пока они богаты, все нхъ обманываетъ отъ послѣдняго слуги до нхъ собственныхъ чувствъ и понятій.

Совсѣмъ не таковы обстоятельства бѣдняка: бѣдный долженъ вѣкъ трудиться и работать головою, чтобы пріобрѣсть свой насущный хлѣбъ, обезпечить свою старость и будущность своей семьи. Онъ поневолѣ свыкается съ трудомъ, скучать не имѣетъ времени и въ заботахъ познаетъ, что трудъ есть вѣрнѣйшее противуядіе отъ всего несноснаго въ жизни, въ особенности отъ скуки.

Дѣятельность богатаго при его средствахъ, конечно, могла бы быть обширнѣе и значительнѣе, чѣмъ бѣднаго; но зачѣмъ ему трудиться, когда и безъ труда все повергается къ его услугамъ! Ему надобно только блистать, поражать, удивлять своею знатностію, своими сокрови-

щами, своею роскошью. Ему нужно только превзойдти своего соперника, у котораго знакомство, связи и все ему кажется лучше и знатнѣе, чѣмъ у него; но и для этого онъ уже велѣлъ у себя все переформировать, расширить, улучшить. Домъ его — дворецъ, а во дворцѣ и штатъ и этикетъ придворный. Славно у него ѣдятъ, пьютъ и веселятся. Онъ хлѣбосолъ, онъ аристократъ, онъ вельможа. Притомъ, къ довершенію его благополучія, судьба надѣлила его въ достаточномъ количествѣ здравымъ разсудкомъ, такъ и дѣла его въ порядкѣ. Онъ не только не промотался, но состояніе его увеличивается съ каждымъ днемъ. Онъ уже и въ чинахъ и въ орденахъ. Ну, словомъ сказать, все у него чудесно, прелестно и желать бы ему болѣе нечего. Одно только его ужасно мучитъ, это скука. Проклятая эта скука свинцомъ лежитъ на его жизни, и ничѣмъ онъ не можетъ избавиться отъ этого вѣчнаго тирана. Съ утра встанетъ, страшно подумать, цѣлыхъ восемнадцать часовъ надобно про-

жить, а дѣлать рѣшительно нечего. Поѣхать бы гулять? терпѣть не можетъ — ѣзда ему надоѣла. Пройтись бы пѣшкомъ? тяжело; и какое же удовольствіе себя изнурять! Къ знакомымъ, такимъ же какъ и онъ богачамъ, отправиться не возможно: тотъ у должности, тотъ прескучный, съ тѣмъ говорить нечего, тотъ мизантропъ, тотъ вѣчно хандритъ, у того сплинъ, у другаго мигрень, а у этого подагра. Поѣхать бы въ храмъ Божій? да тамъ изъ знатныхъ никого не будетъ — не праздникъ. Въ домѣ ни до чего не прикоснись, все въ порядкѣ, все устроено, вновь придумать нечего. Жена спитъ; да она до вечера и не принимаетъ. Дѣтямъ онъ только помѣха: тамъ гувернёры, гувернантки и цѣлый причетъ. Лакейство въ совершенной исправности, все народъ образованный и самолюбивый. Въ конюшню надобно (шутка ли это!) перейдти черезъ весь дворъ. Чаю пить не можетъ, и безъ него безсонница, кофе горячитъ, шоколадъ нечистое питье, завтракъ въ ротъ нейдетъ,

въ желудкѣ камень. Обѣдъ на взглядъ бы и хорошъ, блюда подаются мастерски, къ тому же сегодня готовилъ его изъ четырехъ поваровъ лучшій — Французъ, да ѣсть не хочется, не садился бы за столъ! Отъ вина приливъ крови къ головѣ, отъ сигары пересохло во рту. Театръ такъ надоѣлъ; что за ломанье! На балахъ смертная скука! Читать — глаза болятъ. Ну дѣйствительно не за что взяться, не куда дѣвать себя. Съ какою завистію смотритъ онъ на дѣятельнаго своего водовоза, весело съ шумомъ въѣзжающаго во дворъ, или слушаетъ задушевную пѣсню своего работника! Онъ отъ всей души завидуетъ всему, что дѣйствуетъ, что движется. Вся тварь земная бодрствуетъ, ему одному нечего дѣлать. А отъ скуки хоть тресни. Цѣлую ночь провалялся — не спалъ. Онъ утомленъ, обезсиленъ, измученъ, тяжело ему лежать, тяжело дышать, тяжело смотрѣть, ничто не занимаетъ, ни въ чемъ нѣтъ интереса, ничего не хочется, не смотрѣлъ бы на божій свѣтъ! Жизнь его —

тяжелое желѣзо, жизнь — истинное несчастіе, жизнь хуже и несноснѣе всего на свѣтѣ! Онъ хотѣлъ бы умереть, да нельзя; крѣпко боится смерти. Короче, онъ точно несчастнѣе всѣхъ людей, и одинъ лишь трудъ могъ бы его избавить отъ мученія; но куда ему несчастному до такого лекарства! Онъ изнѣженъ, онъ изношенная тряпка, онъ пресыщенъ.

Богатый, само собою разумѣется, имѣетъ гораздо болѣе средствъ къ достиженію своего счастія, чѣмъ бѣдный, но это исполнить ему едва ли не труднѣе, чѣмъ бѣдному, потому, что онъ съ дѣтства изнѣженъ, разслабленъ; что его всегда хвалятъ и всякую его глупость превозносятъ; и что онъ безвыходно плаваетъ, такъ сказать, въ сладостныхъ, притупляющихъ чувства наслажденіяхъ.

Предполагая тебя, юноша, рожденнымъ въ богатствѣ, хочу я тебѣ, по возможности, указать, какимъ именно путемъ богатый можетъ достигнуть своего счастія. Прежде всего надобно ему узнать, что

самый опаснѣйшій его врагъ есть пресыщеніе, которое хуже самой нищеты, потому, что нищетѣ стоитъ дать денегъ — и она не существуетъ. Пресыщенія же ни деньги, ни сокровища, ни сладкія яства, ни шумныя увеселенія, ни самый умъ, ничто уничтожить не можетъ. Это притупленіе, онѣмѣніе всѣхъ чувствъ, въ которыхъ человѣкъ есть просто живой мертвецъ, и для котораго усладительное нисколько не вкуснѣе самаго противнаго. Это болѣзнь хуже всѣхъ болѣзней, которую могли бы излечить одни жесткіе труды и продолжительныя лишенія; но эти средства для разслабленнаго пресыщенія не доступны. Потомъ нужно ему вѣдать, что его домъ, земли, воды, лѣса, луга, знакомые и родные, все его окружающее, весь міръ наконецъ, со всѣми его обольщеніями, все это направлено къ тому, чтобы его прельстить, истощить и пресытить. Послѣ того необходимо ему понять, что онъ долженъ, сколько позволятъ его умственныя и душевныя силы натягивать всѣ струны своей

твердой и непреклонной воли, своего характера и стойкости для того, чтобы подобно неподвижному граниту, стать твердо противъ всѣхъ обольщеній и соблазновъ міра сего, не предаваться имъ, и презирая роскошь, строгою умѣренностію и постоянными, жесткими трудами отогнать отъ себя пресыщеніе, умерщвляющее человѣческія чувства. Исполняя все это постоянно, онъ долженъ сдѣлаться властелиномъ самого себя, своей жизни, своихъ обстоятельствъ, и не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій къ достиженію своего счастія. Тогда только, вступивъ въ свои предъ бѣднымъ преимущества, изъ благодарности къ Провидѣнію, надѣлившему его щедрѣе другихъ, онъ можетъ открыто любить добрыхъ, уважать честныхъ и достойныхъ, презирать низкихъ и порочныхъ, наступательно стоять за правду, помогать бѣднымъ и сирымъ, облегчать участь несчастныхъ, защищать угнетенныхъ, и наконецъ, сдѣлаться страшнымъ для злыхъ и быть счастливымъ. Однако же,

при всѣхъ своихъ преимуществахъ и средствахъ, онъ все-таки долженъ дѣйствовать съ величайшею осторожностію противъ злыхъ, хитрыхъ и коварныхъ, и никогда ихъ не раздражать, чтобы они изъ мести, злости и зависти низкими подступами, ухищреніемъ и клеветой не могли ему самому повредить.

Скупость.

«Скупость — неглупость». Эта пословица, какъ мнѣ кажется, для рѳмы выражена не совсѣмъ вѣрно. Ее надобно бы было сказать такъ: «Бережливость — неглупость», на томъ разумѣ, что скупость, отъ которой прямо происходитъ скупой или скупецъ, считается, какъ ниже увидимъ, большимъ порокомъ; бережливость же есть величайшая и необходимѣйшая для всякаго человѣка добродѣтель, безъ которой никакое состояніе удержаться не можетъ, а должно разстроиться и изчезнуть.

Скупость или скаредство есть низкая страсть, хуже другихъ страстей, тѣмъ, что страсти вообще въ человѣкѣ со старостію ослабѣваютъ, а иныя и совсѣмъ прекращаются; но скупость, или вѣрнѣе сказать, страсть копить, съ лѣтами чрезвычайно усиливается. Какъ только человѣкъ пойметъ наслажденіе копить деньги, какъ только облобызаетъ онъ, такъ сказать, свой первый капиталецъ, то съ той минуты завладѣваетъ имъ мысль: прибавить къ нему еще; а съ этой мыслію во всей его жизни совершается переворотъ: онъ добровольно отказывается отъ свѣта, но не въ храмѣ Божіемъ, какъ монахъ, съ чувствомъ приношенія, а втайнѣ, въ глубинѣ своей души, горя одною жаждою стяжанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаетъ онъ пріязнь, дружбу и самое родство, избѣгаетъ удовольствій, веселости, радости и отдѣлясь отъ всего міра, обращаетъ все свое достояніе въ деньги, кладетъ свой капиталъ въ сундукъ и съ нимъ запираетъ въ немъ всѣ прелести свѣта, все свое счастіе, всю

свою жизнь и, можно сказать, самого себя. Послѣ того онъ уже не живетъ, а томится, такъ сказать, безъ жизни; ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о своемъ сокровищѣ, ничего не желаетъ, какъ только прибавить въ свой сундукъ хотя мѣдный грошъ, хоть одну копейку. Какъ тать, какъ осужденный преступникъ, онъ скрывается отъ людей, убѣгаетъ ихъ встрѣчи изъ боязни, чтобы они не открыли его денегъ, его идола, котораго онъ обожаетъ, которымъ онъ живетъ и дышетъ, кому онъ поклоняется. Онъ не любитъ дневнаго свѣта, отъ страха, чтобы не освѣтилъ его сундука и не обнаружилъ сокровища, въ которомъ сложены его сердце и его душа. Жалкое несчастное созданіе онъ, лишается сна и бродитъ по ночамъ въ тревогѣ и трепетѣ, карауля свой кумиръ. Онъ дрожитъ, какъ Каинъ, и задыхается при одной мысли уменьшить хотя бы полушкой свою казну. Прибавить, прибавить! Вотъ его радость, его родство, его вѣра, его наслажденіе. Остальное все для него дѣлается лишнимъ,

ему ничего не надобно: онъ добровольно лишаетъ себя пищи и свѣта, ѣстъ сырой лукъ и сидитъ въ потьмахъ, чтобы не платить за починкъ; онъ преимущественно любитъ тьму; онъ сокрушается и досадуетъ, что долженъ покупать лукъ, и не можетъ обойтись безъ него, какъ безъ свѣта. Онъ сохнетъ и болѣетъ вчуже, видя, какъ люди расходуютъ и теряютъ деньги, вмѣсто того, чтобы ихъ копить. Онъ опутанъ злымъ духомъ, онъ въ сундукѣ сторожитъ сокровище сатаны, и будетъ то дѣлать до конца своей жизни; а конецъ его всегда одинъ — изъ сундука да въ могилу. Ужаснѣйшая жизнь, гибельнѣйшая страсть! Можетъ ли быть что нибудь хуже этой страсти? Можетъ, существуетъ, и мы объ ней узнаемъ изъ слѣдующей статьи.

Предостерегаю тебя, юноша, что сколько порочна и вредна крайняя скупость, столько похвальна и спасительна бережливость, и что если ты не будешь бережливымъ, то не только ничего не пріобрѣтешь, но и наслѣдственное твое состояніе

обратится въ прахъ, и ты будешь вѣкъ въ нуждѣ и въ тяжкихъ обстоятельствахъ.

Мотовство.

Скупецъ, скряга, копило, лишая себя всего добровольно, провлачивъ мрачную и несчастную свою жизнь, гибнетъ одинъ, доставляя тѣмъ наслѣдникамъ своимъ состояніе и довольство.

Жизнь же мота, отъ начала до конца, есть борьба и отчаяніе. Онъ, получивъ состояніе, какое бы впрочемъ оно ни было, проматываетъ его немедленно, и съ той минуты смотритъ уже на свою жизнь, какъ на свое прошедшее имущество, которое когда-то было его, а теперь оно чужое и ему не принадлежитъ. И послѣ того въ этой своей, такъ сказать, не принадлежащей уже ему жизни, потерявъ въ будущемъ всякую надежду, онъ въ совершенномъ отчаяніи думать не смѣетъ о поправленіи своихъ обстоятельствъ, и беззащитно предается своей судьбѣ: ни чѣмъ

не дорожитъ, ни о чемъ не заботится, подавляетъ въ себѣ всякое чувство, живетъ по одной крайней необходимости. Вся его забота не простирается далѣе настоящаго, онъ только и занятъ тѣмъ, чтобы, какъ можно лучше прожить сегодня, а о завтрешнемъ вовсе не думаетъ. Онъ никогда не выходитъ изъ критическихъ обстоятельствъ, у него всегда во всемъ недостатокъ и разстройство, которые заставляютъ его рѣшаться на всякую неправду, на всякое зло, на всякое преступленіе; онъ подобно утопающему хватается за бритву. Состоя на службѣ онъ деретъ и грабитъ, гдѣ и кого только можетъ, не по чувству и наклонности (моты почти всегда бываютъ добрыми и убійственно безкорыстными), но отъ крайней нужды, отъ висячей надъ его головой сѣкиры. Главный же его промыслъ есть заемъ безъ отдачи; это его всегдашнее ремесло, которое онъ знаетъ до тонкости, и занимаетъ безъ разбора: у богатаго, и послѣдній грошъ у бѣдняка, и въ тотъ же день все безразсудно проматы-

ваетъ. У него не можетъ быть ни надежды, ни привязанности: на собственную свою семью смотритъ онъ какъ на бремя, ускоряющее и свою и его гибель. Мысль о будущей участи его жены и дѣтей приводитъ его въ ужасъ: онъ закрываетъ себѣ глаза и третъ себѣ лобъ, чтобы выгнать изъ головы эту убійственную мысль. Онъ безотрадный, безпомощный, онъ погибшій! Положеніе его, безъ всякаго сравненія, хуже скупца, потому, что того при концѣ жизни берегутъ наслѣдники съ чувствомъ благодарности; этого же въ могилу провожаютъ: отчаяніе близкихъ его родныхъ, проклятія цѣлой толпы обманутыхъ кредиторовъ, горькія слезы бѣдныхъ, у которыхъ онъ отнялъ послѣдній кусокъ хлѣба, угрызеніе совѣсти, и наконецъ самый гнѣвъ Господень.

Недавно видѣлъ я наказаніе Божіе надъ однимъ мотомъ, занимавшимъ въ одномъ городѣ почетную должность, человѣкомъ очень неглупымъ и въ мотовствѣ чрезвычайно ловкимъ, который имѣлъ необыкно-

венный даръ забрать безъ денегъ: у булочника хлѣбы, у мясника говядину, въ мелочной лавкѣ провизію, въ кондитерской сладости, въ погребѣ вина, у того поваровъ, у другаго людей, — однимъ словомъ все, что нужно. Потомъ любилъ дать пиръ на весь міръ, и наконецъ, не платя никому ни гроша, важно себѣ разъѣзжать съ самодовольнымъ видомъ. Къ несчастію его, въ домѣ, который онъ почти весь занималъ, внизу жилъ одинокій старикъ, имѣвшій при себѣ наличныя деньги. Этотъ старикъ былъ такой странный, что не смотря ни на какія убѣжденія не соглашался своему сосѣду дать взаймы денегъ; о чемъ зналъ весь городъ. Въ одинъ несчастный день городъ этотъ съ ужасомъ узналъ, что денежный старикъ найденъ въ своей квартирѣ мертвымъ, съ отвратительными признаками самой ужаснѣйшей насильственной смерти, и что вмѣстѣ съ тѣмъ похищены убитаго деньги. Подозрѣніе явно падало на почетнаго начальника-мота, и весь городъ въ несомнѣнности этого по-

дозрѣнія былъ увѣренъ до такой степени, что самое строжайшее слѣдствіе производилось съ одной заботой и съ одною цѣлію — изобличить мота въ злодѣяніи. Нельзя было смотрѣть на отчаяніе многочисленнаго и прекраснаго его семейства, обыскиваемаго и допрашиваемаго по одиначкѣ, предъ глазами цѣлаго города, нѣсколько мѣсяцовъ сряду, въ такомъ злодѣйскомъ преступленіи. Это была картина раздирающая душу, и сдѣлавшаяся еще отвратительнѣе, когда, по истеченіи нѣкотораго времени, были открыты дѣйствительные убійцы — мастеровые, сознавшіеся во всемъ, у которыхъ были найдены зарытыми подъ печкой почти всѣ покойнаго деньги. Совершенно невинные въ этомъ убійствѣ мотъ и его семейство, подозрѣваемые только вслѣдствіе мотоватой ихъ жизни, и по стеченію несчастныхъ обманчивыхъ обстоятельствъ, узнавъ объ открытіи убійцъ, были поражены такою, можно сказать, ужасною радостію, что совершенно потерялись и иные тутъ же

слегли въ постель, а остальные отъ сильнѣйшихъ потрясеній душевныхъ всѣ съ перваго до послѣдняго переболѣли, а нѣкоторые даже лишились и жизни. — Вотъ каковы, юноша, послѣдствія мотовства!

Подозрѣніе.

Вышеприведенный примѣръ указываетъ намъ, сколько надобно быть воздержнымъ и осторожнымъ во всѣхъ подозрѣніяхъ, и какъ неблагоразумно предаваться слѣпо, хотя бы самому явному и очевидному подозрѣнію. Случается иногда такое удивительное стеченіе обстоятельствъ къ обвиненію невиннаго, что слабое, страстное и несовершенное человѣчество предобросовѣстно увлекается однимъ сильнымъ подозрѣніемъ, и засудивъ невиннаго, совершаетъ тѣмъ злодѣйство, преступнѣе всѣхъ злодѣйствъ.

Въ подобныхъ дѣлахъ и случаяхъ никогда не возмущайся, юноша, огромностію преступленій и очевидностію подо-

зрѣнія; но всегда разсуждай хладнокровно, съ совершеннымъ безпристрастіемъ; и пока въ дѣлѣ нѣтъ точнаго, яснаго и ничѣмъ неопровержимаго доказательства, не вѣрь никакому подозрѣнію.

Доброта.

Если ты, юноша, каждый день въ утренней своей молитвѣ будешь молить Господа, чтобы укрѣпилъ тебя во всегдашней добротѣ твоей, и если, при этой молитвѣ, ты точно и вполнѣ поймешь, сколько необходимо тебѣ, для твоего собственнаго счастія, быть добрымъ, и если наконецъ ты твердо рѣшишься сдѣлаться такимъ, то хотя бы по природѣ своей ты былъ злымъ, все-таки можешь достигнутъ этого блага, не смотря на то, что это есть дѣло, какъ тотчасъ увидишь, весьма трудное.

Во первыхъ ты, какъ существо несовершенное, въ собственной своей природѣ можешь найти при хорошихъ твоихъ качествахъ и худыя наклонности, против-

ныя добротѣ, съ которыми долженъ будешь воевать безпощадно, неумолимо и долго-предолго, чтобы истребить ихъ въ корнѣ, въ самомъ насажденіи. Потомъ люди, находясь часто сами въ трудныхъ обстоятельствахъ, болѣе по слабости и несовершенству своему, чѣмъ изъ злости, будутъ раздражать твою доброту несправедливостью, превратными требованіями и толками, грубымъ и жесткимъ съ тобою обращеніемъ. Наконецъ неизбѣжныя въ жизни, затруднительныя и часто самыя непріятныя твои собственныя обстоятельства, могутъ доводить тебя до ожесточенія. Противъ всего этого должно будетъ тебѣ стоять твердо, неколебимо, какъ скала, и ратоборствовать безпрестанно, не возмущаясь отъ самыхъ величайшихъ несправедливостей людскихъ; но напротивъ, принимая ихъ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, и перенося съ покорностію, долженъ будешь ты изыскивать легкія, но вѣрныя средства и противопоставлять ихъ злу, съ величайшею притомъ осторожностію,

дабы не оскорбить и не разгнѣвить какого лица. Исполняя все это постоянно и съ настойчивостію, ты не можешь не сдѣлаться добрымъ.

Немало есть на свѣтѣ добрыхъ людей; но рѣдки, чрезвычайно рѣдки, тѣ добрые, которые не будучи отъ природы такими, благородною и трудною борьбой съ самими собою, съ людьми и обстоятельствами, могли сдѣлаться добрыми, потому, что для того только, чтобъ понять, съ одной стороны, внутреннюю гармонію, душевное спокойствіе, небесное наслажденіе человѣка добраго, съ другой вѣчную борьбу, тревогу, угрызеніе совѣсти злаго, надобно особеннаго воззрѣнія, особенной силы ума и убѣжденія; что дается весьма немногимъ. Для преобразованія же злаго человѣка въ добраго, требуется всего этого еще болѣе.

Для яснѣйшаго твоего уразумѣнія, какимъ образомъ можно пріобрѣтать доброту, предоставляю тебѣ, юноша, фактъ изъ жизни одного моего пріятеля, разска-

завшаго мнѣ о самомъ себѣ нижеслѣдующее: «Природа, отъ самаго рожденія моего», говорилъ онъ, «надѣлила меня злостію и вспыльчивостію, и вмѣстѣ съ тѣмъ (рѣдкое явленіе) свѣтлымъ понятіемъ и полнымъ убѣжденіемъ, что недостойныя свойства эти суть прискорбная принадлежность злаго сердца и отвратительнѣйшія изъ пороковъ. Съ такимъ надѣленіемъ вступилъ я въ свѣтъ. Злость моя отъ неминуемыхъ въ жизни непріятностей, начала во мнѣ зрѣть, и завладѣла мною до того, что я сдѣлался вполнѣ злымъ. И какъ я былъ тогда ни болѣе, ни менѣе, какъ бѣдный армейскій офицеръ, безъ всякой подпоры и связей, безъ наставленія и указаній, имѣвшій въ своемъ непосредственномъ распоряженіи только одного казеннаго денщика; то злость моя обрушивалась вся на него. Онъ не могъ мнѣ угодить ни въ чемъ; а жизнь его оттого была истинное мученіе, да и моя тоже. Я предвидѣлъ, что злость моя должна довести меня до большихъ несчастій, и по-

тому ломалъ себѣ голову, чтобы придумать средства къ измѣненію своего нрава. Часто прибѣгалъ я къ святому образу, и на колѣняхъ передъ нимъ клялся сдѣлаться добрѣе и перемѣнить обращеніе свое съ денщикомъ; но врожденная злость разрушала всѣ мои усилія; я продолжалъ злиться и былъ клятвопреступникомъ; опять клялся, и опять преступалъ; терзался, плакалъ, не зная самъ, что мнѣ съ собою дѣлать. Бѣдный денщикъ, ты всегда въ моей памяти! Дорого бы заплатилъ я теперь, чтобы могъ вымолить у тебя прощеніе. Но, увы! гдѣ онъ? Вѣроятно уже въ будущей жизни ждетъ моего появленія, чтобы справедливо свидѣтельствовать на меня передъ Господомъ. Несчастный денщикъ тотъ отъ меня бѣгалъ и приносилъ жалобы начальству. — Меня тащили къ отчету. Я, для своего собственнаго оправданія, рѣшался даже выдумывать на него несправедливыя обвиненія, какія только могъ придумать. Вотъ до чего доводила меня злость! Не смотря на то, мнѣ были

дѣлаемы выговоры словесные, потомъ во всеуслышаніе въ приказѣ по полку, а потомъ посадили меня на гауптвахту, съ торжественнымъ объявленіемъ, что какъ я не умѣю обращаться съ денщиками, то лишаютъ меня на нихъ права. Вообразите себѣ меня, юношу неглупаго отъ природы, съ благороднымъ самолюбіемъ, сидящаго на гауптвахтѣ и краснѣющаго передъ всякимъ товарищемъ, передъ всякимъ приходящимъ, мучимаго совѣстію отъ презрѣнія къ самому себѣ, отъ стыда и безславія, которые навлекалъ на себя, не дѣлая ничего, не совершая никакого дѣла, отъ одного чистаго безразсудства и злости. Долго боролся я съ самимъ собою, или, лучше сказать, со своею злостію: умышленно навѣщалъ извѣстныхъ своею добротою товарищей, и съ завистію смотрѣлъ на ихъ всегдашнее душевное спокойствіе, искренно завидуя ласковому обращенію ихъ съ денщиками. Не одинъ разъ прибѣгалъ я къ святой исповѣди въ этомъ грѣхѣ и часто взывалъ: Господи! почему

я не могу быть такимъ добрымъ, какъ другіе! Послѣ чего, какъ бы свыше озаренный свѣтомъ, сталъ я каждый день въ утренней молитвѣ своей просить Создателя, объ укрѣпленіи меня въ добротѣ. Такимъ образомъ послѣ многихъ лѣтъ борьбы и терзанія началъ чувствовать въ себѣ нѣкоторую силу. Нанялъ себѣ въ услуженіе вольнаго человѣка, котораго не смѣлъ не только обижать, но долженъ былъ переносить его грубости, и радуясь тому, самъ придумывалъ для своей злости разныя пытки и испытанія, изыскивалъ все, что могъ, для того, чтобы побороть ее, и наконецъ торжествовалъ. И хотя еще долгое время находили иногда на меня минуты злости, но я тотчасъ останавливался и удерживалъ себя; современемъ же достигъ того, что полюбилъ людей, какъ братьевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ спокойствіе водворилось въ моей душѣ и въ моемъ сердцѣ, и я сдѣлался добрымъ и счастливымъ.»

Такъ боролся этотъ умный и характерный человѣкъ съ самимъ собою, для

того, чтобы перестать быть злымъ и сдѣлаться добрымъ. Достигъ того и достоинъ уваженія и любви болѣе всѣхъ самыхъ добрѣйшихъ отъ рожденія

Сдѣлаться добрымъ, значитъ положить основаніе своему благополучію.

Если, Боже сохрани, ты, юноша, не будешь добрымъ, то не будешь и счастливымъ: душевная тревога и всегдашняя внутренняя борьба уничтожатъ всю прелесть твоей жизни, ты будешь мученикомъ, ни до чего добраго въ свѣтѣ не достигнешь и всѣ тебя станутъ ненавидѣть.

Терпѣніе.

Всемірная поговорка, что терпѣніе все превозмогаетъ, есть самое лучшее доказательство того, что съ терпѣніемъ можно все сдѣлать, все преодолѣть и всего достигнуть; и что, наоборотъ, безъ него рѣшительно ничего хорошаго сдѣлать невозможно; а человѣкъ безъ терпѣнія, хотя бы онъ былъ съ большимъ умомъ и съ ве-

личайшими способностями, есть ничтожное созданіе, не способное ни къ какому доброму дѣлу.

Стало быть терпѣніе даетъ человѣку такое же значеніе и силу, какъ и умъ, если еще не больше, потому, что съ великимъ терпѣніемъ самый посредственный умъ можетъ совершать многое и оставлять позади себя великіе умы; а самый умный человѣкъ безъ всякаго терпѣнія не можетъ дѣлать ничего. Дѣйствительно, продолжительное и стойкое терпѣніе превозмогаетъ величайшія затрудненія, разрушаетъ страшнѣйшія преграды, и часто даже самыя безнадежныя дѣла, успѣхъ которыхъ на взглядъ кажется почти невозможнымъ, чудесно совершаетъ, какъ нельзя вѣрнѣе и лучше, по тому самому закону, по которому ничтожная капля воды пробиваетъ самый крѣпкій камень. Изъ чего слѣдуетъ, что терпѣніе поставляетъ человѣка въ возможность забирать въ свои руки дѣла, править ими и совершать ихъ, и тѣмъ пріобрѣтать себѣ уваженіе, любовь

и преданность людей болѣе, чѣмъ самый умъ, и что умъ безъ терпѣнія есть для человѣка несваримая пища.

Терпѣніе, очень правильно величаемое людьми первѣйшею и знаменитѣйшею изъ всѣхъ добродѣтелей, есть та человѣческая душевная сила, которая своею твердою волею сознательно заставляетъ самое себя стойко и продолжительно терпѣть, и тѣмъ не только совершаетъ самыя трудпѣйшія дѣла, побѣждаетъ непримиримыхъ враговъ; но въ самыхъ величайшихъ несчастіяхъ, дѣлая человѣка непоборимымъ, возвышаетъ его до ангеловъ, отчего и поговорка: «ангельское терпѣніе»; и наконецъ дѣлаетъ его угодникомъ Божіимъ, какъ гласитъ святое писаніе: «*Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ*».

Если ты, юноша, желаешь имѣть превосходство передъ многими тысячами людей, то разбери въ подробности эту наилучшую добродѣтель, называемую терпѣніемъ, и, пріучая себя къ ней постоянно настоятельною силою, вмѣни своему само-

любію въ торжество всѣ затрудненія и все колючее и упорное поборать терпѣніемъ.

Скрѣпя сердце.

Вѣроятно, тебѣ, юноша, еще не случилось слышать такого поучительнаго разсказа: «я молчалъ скрѣпя сердце» или «я скрѣпя сердце терпѣлъ» или «переносилъ я скрѣпя сердце». Если не случилось, то слушай его отъ меня, который въ молодости своей, не будучи знакомъ съ этимъ спасительнымъ *скрѣпя сердце*, за одно совершенно справедливое, но неумѣстное слово, большую часть своей жизни трудился безъ успѣха и безъ пользы, потому, что изъ-за того моего неумѣстнаго слова начальство сочло меня человѣкомъ упрямымъ, и не вполнѣ покорнымъ, то есть человѣкомъ, что называется, *съ душкомъ*, хотя въ сущности я такимъ никогда не былъ, а только чрезъ свою неопытность и неосторожность далъ о себѣ такое худое понятіе. Точно много страдалъ я отъ не-

знанія этого чудеснаго *скрыпя сердце*, къ несчастію, постигнутаго мною слишкомъ поздно, то есть тогда, какъ иструдивъ свои силы и здоровье, я уже сходилъ съ дѣятельнаго поля житейскаго.

То, чтобы и ты, юноша, не пострадалъ отъ незнанія этого геройскаго скрѣпя сердце, предоставляю тебѣ его, какъ откровеніе жизни, въ молодости весьма немногимъ знакомое. Прійми его отъ меня, какъ всесильное оружіе противъ всѣхъ несправедливостей, противъ всѣхъ своевольствъ старшихъ и сильныхъ, противъ всѣхъ безразсудствъ равныхъ и низшихъ и противъ всѣхъ терній житейскихъ. Не слушай неблагоразумныхъ, которые корчатъ молодца противъ начальства, противъ существующаго порядка. Каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, но какъ установленіе людское, онъ совершеннымъ быть не можетъ никогда; равнымъ образомъ съ постепеннымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ самаго гражданскаго общества, и онъ не можетъ не улучшаться.

Безъ несправедливости и непріятностей жизни не проживешь. Какъ бы иногда тебѣ ни было непріятно, если ничего лучшаго придумать не можешь, то терпи скрѣпя сердце, и будь увѣренъ, что со временемъ все худое перейдетъ въ хорошее, и ты будешь торжествовать, а драчуны и выскочки погибнутъ.

Мягкимъ сердцемъ.

Еще одно откровеніе, похожее на тяжелое скрѣпя сердце, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ непріятности и неудачи принимать добрымъ и мягкимъ сердцемъ, то есть не возмущая своего духа безполезнымъ ожесточеніемъ и не впадая въ малодушное отчаяніе, переносить все непріятное съ терпѣніемъ и покорностію на нижеслѣдующихъ убѣжденіяхъ: 1) Что отчаяніемъ и слезами бѣдѣ помочь нельзя, а надобно помогать дѣломъ. 2) Что принявъ всякое несчастіе или горе, какъ дѣло уже совершившееся, мягкимъ и добрымъ

сердцемъ человѣкъ легче его переноситъ и сохранивъ притомъ душевное спокойствіе, вѣрнѣе можетъ обсудить и обдумать средства къ облегченію или исправленію его, и 3) Принимая неудовольствія и непріятности съ покорностію мягкимъ сердцемъ, человѣкъ не можетъ подобно отчаянному надѣлать дерзостей или другихъ безразсудствъ, и тѣмъ навлечь на себя еще большихъ несчастій или нажить себѣ новыхъ враговъ.

Какія бы тебѣ, юноша, ни приключились неудачи, непріятности и несчастія, бодрости духа не теряй, и принимай ихъ, какъ испытаніе посланное свыше, съ повинною готовностію, мягкимъ сердцемъ, а между тѣмъ самъ неутомимо ищи и создавай средства къ исправленію, облегченію или вознагражденію зла, и всегда твердо уповай, что разсудокъ, дѣятельность и стараніе суть вѣрнѣйшія средства противъ всѣхъ возможныхъ бѣдъ и несчастій.

Скромность.

Скромность! Эта несказанная человѣческая прелесть, будучи свойственна только людямъ съ самыми нѣжными и благородными чувствами, съ первой встрѣчи порабощаетъ себѣ всѣ сердца. Она всегда такъ тѣсно связана съ учтивостію и деликатностію, что ихъ, по справедливости, можно назвать родными сестрами, которыя составляютъ самое наилучшее украшеніе человѣка и возвышаютъ его до существа достойнаго обожанія.

Поставь, юноша, несноснаго наглеца рядомъ со скромнымъ человѣкомъ, взгляни на нихъ внимательно, и ты меня вполнѣ поймешь и удивишься, что люди эту прекраснѣйшую добродѣтель такъ мало цѣнятъ, еще менѣе ей воздаютъ и почти вовсе ею не занимаются. Я же этому не удивляюсь, потому, что изъ опыта знаю, какой надобно чрезвычайной силы воли и какихъ долгихъ постоянныхъ усилій для

того, чтобы усвоить себѣ скромность тому, кого судьба при рожденіи не надѣлила ею.

Не слушай никогда, юноша, пошлыхъ, слишкомъ вольныхъ и безстыдныхъ разсказовъ. Отъ всякой непристойной и нескромной бесѣды удаляйся. Въ нихъ нѣтъ ничего добраго: они только развращаютъ сердце и понятія, разочаровываютъ жизнь, уничтожаютъ сокровеннѣйшія ея прелести и отравляютъ всѣ ея наслажденія. Будь скроменъ, учтивъ и деликатенъ со всѣми, и тогда не только человѣческая злость не посмѣетъ тебя коснуться, но всѣ тебя будутъ любить и уважать.

Дѣятельность.

Люди вообще, гораздо толковѣе и правильнѣе разсуждаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, по весьма естественной причинѣ, что въ разсужденіяхъ, о какомъ бы то ни было предметѣ или дѣлѣ, не встрѣчается никакихъ затрудненій, и все въ нихъ кажется

правильнымъ. Въ дѣйствіи же, отъ начала дѣла до самаго его окончанія, безпрестанно встрѣчаются препятствія и затрудненія, которыя нужно предвидѣть и предотвратить, а представляющіяся въ самомъ совершеніи дѣла побороть и преодолѣть; къ чему одного соображенія не достаточно, но надобно еще знанія самаго дѣла, терпѣнія, настойчивости и болѣе всего дѣятельности; а если у дѣйствующаго лица изъ всего этого чего нибудь не достаетъ, то онъ съ дѣломъ никогда не совладѣетъ. Отъ этого самаго, на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы людей, признаваемыхъ всѣми за умныхъ, которые ведутъ свои дѣла гораздо хуже глупыхъ и никогда ничего порядочнаго сдѣлать не умѣютъ.

Дѣятельность пріобрѣтается навыкомъ. Сверхъ того, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ, надобно понять: 1) Что жизнь безъ дѣла есть тяжкое и несносное бремя. 2) Что человѣкъ, привыкшій быть всегда въ занятіи, не знаетъ ни скуки, этого па-

лача преступной праздности, ни тѣлеснаго разслабленія, ни дуриаго расположенія духа, и 3) Что онъ всегда бодръ, пріятенъ, веселъ; и что время его проходитъ всегда легко и никогда на немъ не тяготѣетъ; также, что ему всегда недосугъ, и что онъ болѣе всего дорожитъ временемъ. Потомъ надобно еще знать, что самое пріятное и полезное занятіе въ жизни есть строгое выполненіе своей обязанности, потому, что нѣтъ такой маловажной должности, въ которой неутомимою, всегдашнею дѣятельностію, нельзя бы было не обратить на себя вниманія и милостей начальства, а за труды не получить награды и повышенія; и что, наконецъ, для собственнаго своего здоровья, надобно пріучать умъ свой и тѣло къ безпрестанной дѣятельности, безъ чего первый тупѣетъ и плѣснѣетъ, а послѣднее приходитъ въ разслабленіе.

Одинъ умный мой начальникъ, родомъ Нѣмецъ, когда у него не было никакого дѣла, или когда онъ попадалъ въ затруд-

нительныя обстоятельства, изъ которыхъ надобно было выйдти, говаривалъ: „Man muß einen klugen Kopf machen“ (надобно повертѣть мозгами). И тотчасъ создавалъ себѣ дѣло, или находилъ средства выпутаться изъ дурныхъ обстоятельствъ.

Не оставайся, юноша, ни одной минуты праздныхъ. Сдѣлай привычку всегда быть занятымъ, всегда что нибудь дѣлать; и если вся твоя служба и всѣ твои обязанности исполнены и дѣла у тебя никакого нѣтъ, то сдѣлай „einen klugen Kopf“, чтобы придумать и создать себѣ дѣло, а въ затруднительномъ положеніи, что требуется предугадать, предотвратить, предпринять, и тогда ты до всего желаемаго достигнешь.

Смѣтливость.

Эта способность преимущественно принадлежитъ русскому человѣку; что съ перваго взгляда можно замѣтить на нашемъ простомъ народѣ. Русскому мужичку не

надобно долго разсказывать, стоитъ только намекнуть ему на дѣло, и онъ тотчасъ смѣкнетъ и догадается.

Очень полезно, юноша, пріучить себя не пропускать ничего безъ размышленія. Какое бы неважное ни представлялось тебѣ дѣло или обстоятельство, не оставляй его безъ вниманія, но немедленно подумай, отъ чего оно произошло, къ чему можетъ послужить и чѣмъ должно окончиться. При такомъ твоемъ разсужденіи, ты непремѣнно смѣкнешь и догадаешься: само ли собою это обстоятельство явилось, или оно порождено кѣмъ нибудь умышленно, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, при соображеніи мѣстности и времени, направленіе его всегда для тебя будетъ ясно. Этимъ способомъ ты можешь многое предугадать, предупредить, или въ случаѣ нужды, предотвратить; а самъ привыкнешь къ смѣтливости и догадкѣ.

Довольный.

Быть довольнымъ своею участью, своимъ состояніемъ, значитъ быть счастливымъ. Это вѣрно, и вѣрнѣе этого ничего быть не можетъ. Но человѣкъ, къ великому своему несчастію, по большой части не понимая этого, находитъ всегда свое положеніе гораздо худшимъ, чѣмъ оно есть въ сущности: обращаетъ свои взоры на богатыхъ и знатныхъ, сравниваетъ ихъ съ собою, и сокрушаясь тѣмъ, что не можетъ съ ними сравняться, предается раздражительной зависти, ропоту, ожесточенію; начинаетъ презирать свое состояніе, свой домъ, свои обстоятельства; досадуетъ на все его окружающее, дѣлается ничѣмъ недовольнымъ и считаетъ себя несчастнымъ. И съ той поры, какъ эта гибельная мысль завладѣетъ его головой, онъ дѣйствительно становится таковымъ: попираетъ ногами довольство, которымъ окруженъ, небрежетъ своими дѣлами, своимъ семей-

ствомъ, самимъ собою, и оттого, со временемъ, теряетъ свое состояніе, уваженіе людей и доходитъ до нищеты. Примѣры этихъ несчастій безчисленны и повсемѣстны.

Довольныхъ своею участію людей на свѣтѣ чрезвычайно мало, такъ что пройдя всю свою дѣятельную жизнь, едва могъ встрѣтить я нѣсколько тому примѣровъ. Изъ нихъ одинъ въ особенности послужилъ для меня великимъ поученіемъ. Это было въ молодости моей, когда случилось мнѣ жить въ Курляндіи у одного ремесленника. Мастеровой этотъ былъ очень бѣденъ и обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Но при всемъ томъ, нельзя было налюбоваться всегдашнею его веселостію, съ которою онъ работалъ день и ночь. Праздниковъ же его я никогда не забуду: теперь еще, кажется, вижу, какъ въ его квартирѣ, наканунѣ праздника, все моется, чистится, возобновляется, и какъ въ день самаго праздника вся его семья, одѣвшись въ лучшія платья, отправляется

въ церковь. Съ какимъ торжествомъ они всѣ вмѣстѣ возвращаются домой, къ праздничному пирогу и къ такому же, лучше обыкновеннаго, обѣду. Съ какою заботливостію накрывается столъ, и какъ вся эта истинно-благословенная семья чинно садится вокругъ стола. Какъ этотъ патріархъ выпиваетъ праздничную маленькую рюмку водки и какъ потомъ мило подшучиваетъ надъ женой и дѣтьми. Какъ онъ въ это время безмятеженъ, безстрастенъ, доволенъ, счастливъ и, можно сказать, блаженъ!

Умилительная картина эта указала мнѣ, какъ мало надобно человѣку для его счастія, если только онъ не испорченъ излишествомъ и безобразными причудами. Зарубилъ я, такъ сказать, эту картину глубоко въ моей памяти; и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли безвозвратно изъ моей души зависть къ богатымъ и сильнымъ, недовольность къ своей участи и всѣ мои безразсудныя чудовищныя желанія. Я понялъ ясно, что счастіе наше сложено въ на-

шихъ понятіяхъ, и что именно отъ одного неправильнаго сужденія, иной въ роскоши считаетъ себя несчастнымъ, и такимъ есть на самомъ дѣлѣ, а другой, разсудительный, и въ недостаткѣ доволенъ всѣмъ, благодаритъ Господа за все и счастливъ.

Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю я также часто поучительный разсказъ одного моего знакомаго стараго инвалида. «Къ несчастію моему» говорилъ онъ, «рожденъ я былъ въ роскоши и въ ней выросъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, съ гибельнымъ внушеніемъ, что я богатъ, и что долженъ всегда стараться роскошью и блескомъ поддержать знаменитость своего рода. Родители мои оставили мнѣ, единственному ихъ наслѣднику, значительныя помѣстья, съ значительнѣйшими еще долгами. Молодой, зеленый, ничего не понимающій, слѣдуя слѣпо отцовскому внушенію, вознамѣрился я превзойдти знатностію всѣхъ моихъ предковъ. Съ этимъ намѣреніемъ едва только успѣлъ я развернуться, какъ благоразумные кредиторы,

видя полное расположеніе мое промотать все остальное, и тѣмъ лишить ихъ надежды на полученіе хотя малыхъ частей своей собственности, тотчасъ вступили въ свои права и законнымъ порядкомъ забрали все до-чиста, и выгнали меня самого изъ родительскаго дома. Такимъ образомъ очутился я на свѣтѣ голымъ, какъ новорожденное дитя, и какъ дѣйствительное дитя, спѣшилъ искать спасенія у моихъ прежнихъ гувернёровъ, наставниковъ и пѣстуновъ. Но, увы! большая часть изъ нихъ уже исчезла, а остальные, жалуясь, что не получили заслуженнаго ими въ бывшемъ моемъ домѣ жалованья, не хотѣли со мною и говорить. Родные мои также всѣ меня оставили. Тогда мое одиночество, страшный и непредвидѣнный переворотъ въ моихъ обстоятельствахъ, безнадежное мое положеніе и совершенное незнаніе, что съ собою дѣлать, поразили меня такимъ ужаснымъ страхомъ, что я сталъ какъ помѣшанный и вообразилъ себѣ, что меня хо-

тять убить, страшился свѣта и людей, бродилъ въ удаленіи, и не одинъ разъ изъ отчаянія и страха намѣревался лишить себя жизни. Въ этомъ гибельномъ положеніи вдругъ вспомнилъ я, что мать моя каждый день молилась передъ образомъ со слезами; хотѣлъ сдѣлать то же, но не имѣя святой иконы, пошелъ въ храмъ Божій, и долго въ немъ молился съ горючими слезами. Наконецъ, выйдя изъ храма съ какимъ-то успокоеніемъ, сталъ размышлять, и какъ бы свыше былъ обрадованъ свѣтлою мыслію, что могу вступить въ службу. Радости, которую чувствовалъ при мысли, что поступивъ на службу я не буду принужденъ умирать тотчасъ, а могу продолжать жизнь подобно всѣмъ людямъ, словами передать невозможно. Съ этою несказанною радостію отправился я проситься въ военную службу; былъ принятъ, и чѣмъ тяжелѣе ложились на меня служебныя обязанности, тѣмъ я былъ счастливѣе, и переносилъ ихъ съ величайшею готовностію. Служилъ усердно и долго, извѣ-

далъ и изколесилъ всю жизнь вдоль и поперегъ, умудрился опытомъ, и могу смѣло сказать, что вполнѣ отдалъ долгъ Государю и отечеству, и это самое составляетъ мое настоящее благополучіе. Господь благословилъ мои труды : я теперь хотя не богатъ и не знатенъ, но живу съ моимъ малымъ семействомъ безъ большой нужды, благородно, безмятежно; никому на свѣтѣ не завидую, ничѣмъ не соблазняюсь, ни о чемъ не сокрушаюсь. Въ душѣ и семьѣ моихъ господствуетъ всегдашнее спокойствіе, согласіе, радость, полное отсутствіе всякой тревоги. Я счастливъ, потому, что такъ понимаю, такъ увѣренъ, такъ чувствую; въ то время какъ иной на моемъ мѣстѣ могъ бы толковать такъ: я старъ, почти безпрестанно боленъ, не имѣю ни имѣній, ни порядочнаго состоянія, ни даже приличнаго помѣщенія для того, чтобы могъ, хотя изрѣдка, по примѣру другихъ, давать балы и вечера; а такой-то, и такой, просто недоросли, вовсе не служили, ни надъ чѣмъ не трудились, ничего не испы-

тали и не терпѣли, ничѣмъ не заплатили своего долга Царю и отчизнѣ, а все это имѣютъ, всѣмъ этимъ пользуются, и живутъ въ роскоши. Я же не могу имѣть ни такой мебели, ни такихъ экипажей, ни такой дворни, какъ у нихъ. Не досадно ли это! ничтожные люди! а еще задираютъ носъ! это вопіющее несправедливо, это возмутительно, это меня низлагаетъ, уничтожаетъ — я самый несчастный человѣкъ! И въ самомъ дѣлѣ съ такими понятіями, онъ былъ бы несчастливъ: презиралъ бы свое состояніе, свои обстоятельства, и вмѣсто бережливости и труда, сталъ бы тянуться за богатыми, надѣлалъ бы долговъ, и наконецъ не имѣя ничего кушать, былъ бы точно несчастнымъ. Я же этимъ даровымъ богачамъ не только не завидую, но скорѣе бы умеръ, чѣмъ согласился стать на ихъ мѣсто, потому, что все мое достояніе и все мое значеніе я пріобрѣлъ своимъ собственнымъ умомъ и трудами, и это для меня дорого и лестно. Они же на моемъ мѣстѣ, можетъ быть того сдѣлать

бы и не умѣли. Къ тому же они хотя даромъ, да получили свои богатства правымъ образомъ, законнымъ наслѣдствомъ; такъ несправедливо было бы вмѣнять имъ то въ вину. Притомъ милліоны людей живутъ гораздо бѣднѣе меня; то я, какъ человѣкъ благодарный, всегда возсылаю молитвы искренней благодарности къ Господу за удѣлъ, которымъ я счастливъ».

Такъ жилъ и разсуждалъ этотъ умный старикъ, и жизнь его можетъ для тебя, юноша, служить новымъ доказательствомъ, что не въ богатствѣ и знатности состоитъ наше благополучіе; но въ правильности нашихъ понятій, въ благоразумныхъ границахъ нашихъ желаній, безъ чего никакія сокровища не сдѣлаютъ человѣка счастливымъ.

Не менѣе того пріятно мнѣ всегда вспоминать объ одномъ моемъ сослуживцѣ, который до того уважалъ довольныхъ своимъ состояніемъ людей, что будучи еще холостымъ, познакомился онъ съ одною небогатою дѣвицей, и не имѣя ника-

кого расположенія къ женитьбѣ, замѣтивъ, что она ему начинаетъ нравиться, хотѣлъ по своему давнему, ниже мною изложенному правилу, спасаться отъ нее бѣгствомъ. Но когда услышалъ изъ ея устъ слова: «люди жалуются, что теперь худыя времена; а мнѣ кажется напротивъ, что въ наше время все такъ хорошо, какъ лучше желать нельзя»; то очень основательно заключилъ, что она умѣетъ довольствоваться своею участью, и перемѣнивъ свое намѣреніе, просилъ ея руки, получилъ ее и, самое огромнѣйшее приданое, какъ онъ говорилъ, не могло бы принести ему такого полнаго счастія, какое принесла она.

Ну есть ли какая нибудь возможность неопытному юношѣ, вступающему въ свѣтъ, знать, что все это существуетъ, и существуетъ именно такъ, а не иначе, въ то время, какъ онъ ничего этого не видалъ и не о чемъ объ этомъ не слыхалъ? — Нѣтъ никакой, рѣшительно никакой. Если же дѣйствительно онъ самъ собою не можетъ знать, что счастіе его находится

въ немъ самомъ, въ его собственной головѣ, то руководство, въ родѣ этой науки жизни, для него крайне необходимо. Въ чемъ ты самъ, юноша, безъ сомнѣнія, уже увѣрился, и безъ сомнѣнія же не преминешь этимъ руководствомъ воспользоваться.

Педантизмъ.

Пріятно смотрѣть на педанта, который есть мастеромъ своего дѣла, какого бы, впрочемъ рода оно ни было. Видѣть же педанта въ подчиненномъ еще пріятнѣе, потому, что онъ есть всегда самымъ лучшимъ и самымъ надежнымъ исполнителемъ своей обязанности. Но при всемъ томъ педантъ вообще бываетъ не любимъ и ненавидимъ людьми. Да и въ сущности онъ есть самое непріятное существо, надоѣдающее всякому важностію, которую придаетъ онъ всегда самымъ пустымъ и ничтожнымъ мелочамъ до того, что чрезъ эти мелочи не возможно съ нимъ добраться до главизны какого бы то ни было дѣла.

Обязанности свои, юноша, выполняй всегда съ величайшимъ участіемъ и усердіемъ, но никогда не доходи до педантства, потому, что оно противно и отвращаетъ отъ насъ людей.

Умѣренность.

Кто изъ смертныхъ въ состояніи представить себѣ что нибудь прекраснѣе нашего міра? Какой человѣческій умъ можетъ обнять, какое перо описать всѣ прелести и всѣ очарованія міра сего? И этотъ очаровательный міръ весь цѣликомъ отданъ во власть человѣка. Онъ созданъ именно для него, потому, что кромѣ человѣка, нѣтъ на немъ другаго обладателя.

Какова участь, каковъ удѣлъ человѣка на землѣ! Цѣлый міръ, вся планета, вся земля дана ему на его пользу, для его наслажденія, для его счастія.

А если цѣлая планета создана для человѣка, если онъ на ней посаженъ властелиномъ, то возможно ли не надѣяться, чтобы и въ будущей жизни онъ не былъ

поставленъ выше другихъ созданій и не занялъ бы въ существованіи всей вселенной, высокую, приличную его начальному назначенію, степень, если только онъ въ этой жизни въ точности выполнилъ волю своего предвѣчнаго Создателя?

Послѣ этого какъ не понять человѣку своего высокаго назначенія, не чувствовать того, и изъ глубины души своей не возгласить: «непостижимый Создатель мой! сокрушаюсь духомъ моимъ, смущаюсь мыслію моею передъ безконечнымъ милосердіемъ Твоимъ, и молю Тебя: настави мя, да не уклонюся отъ святыхъ путей Твоихъ!»

Вотъ идея прямая и ясная, понятіе простое, свѣтлое, самое утѣшительнѣйшее и самое отраднѣйшее въ этой жизни! Тутъ нѣтъ ничего непонятнаго, ничего сбивчиваго, запутаннаго. Это правдиво и видно, какъ Божій день.

Стало быть наша жизнь есть радостнѣйшая, прелестнѣйшая жизнь, и цѣлый міръ даровалъ намъ Господь на услаж-

деніе ея. Теперь только надобно знать, какъ намъ, по закону Божію, пользоваться этою безцѣнною жизнію. Вопросъ важнѣйшій, задача труднѣйшая: какъ жить, какъ вести жизнь свою? Но Всемогущій нашъ Творецъ, при созданіи нашемъ, въ безначальной и безконечной благости своей, щедро надѣлилъ насъ, свое твореніе, всѣмъ, что только намъ нужно въ этой жизни, и на это далъ намъ указаніе самое простое: жить умѣренно всегда, и никогда ни чѣмъ не пресыщаться. Дѣло, казалось бы, очень понятное и легкое — жить умѣренно! А посмотрите на людей, чего они не выдѣлываютъ изъ этой жизни? Прискорбно представить себѣ эту плачевную картину, и съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ можно смѣло сказать, что вся немыслящая земная тварь, жизнію своею менѣе уклоняется отъ путей, указанныхъ Господомъ, чѣмъ человѣкъ, одаренный сознаніемъ добра, зла и своего собственнаго произвола. Это непростительно, неблагодарно, преступно и достойно наказанія!

Чтобы и намъ, юноша, не пасть ниже безсловесной твари и не заслужить справедливой кары, устремимъ всѣ наши понятія къ тому, чтобы этотъ спасительный законъ Божій — умѣренность и воздержаніе, вполнѣ понять — и всѣ наши силы, чтобы имъ вполнѣ воспользоваться.

Жить умѣренно и воздержно, значитъ жить долго, весело, пріятно и счастливо. Жить безъ воздержанія и пресыщаться, это — сократить свой вѣкъ и влачить жизнь тягостную, печальную, мрачную, отравленную.

Не возможно, юноша, представить тебѣ всѣхъ благихъ видовъ умѣренности и всѣхъ гибельныхъ послѣдствій пресыщенія, потому, что нѣтъ ни одного отправленія жизни, въ которомъ нельзя бы было воздерживаться или пресыщаться; а потому въ слѣдующихъ статьяхъ укажу я тебѣ только нѣкоторыя изъ нихъ, изъ чего ты поймешь пользу умѣренности и пагубу пресыщенія.

Пища.

Пища, питіе, одежда, трудъ и сонъ суть первыя и главныя, крайне необходимыя наши потребности. Это живыя струны, на которыхъ ты, юноша, можешь разыгрывать симфонію своей жизни хорошо или худо, смотря потому, какъ ты поймешь, и какъ ты самъ займешься этою музыкой, до того важной, что едва ли самая малая частица всего человѣческаго рода, разыгрывая эту симфонію правильно, достигаетъ благополучно счастливой старости; остальныя же затѣмъ части всего человѣчества, отъ неправильнаго ея выполненія, провлачивъ тягостную жизнь свою, гибнутъ въ страшныхъ болѣзняхъ преждевременно, не доживая своего вѣка.

Какъ здоровье, а стало быть и жизнь наша, прежде и болѣе всего зависятъ отъ нашего желудка; то законъ этого главнѣйшаго правителя надобно сначала вполнѣ постигнуть, а потомъ съ величайшею точностію постоянно его выполнять. Онъ же

открыто требуетъ: 1) чтобы никогда въ твоей пищѣ, юноша, не было никакихъ пряностей, безъ которыхъ она для неиспорченнаго вкуса гораздо пріятнѣе. Пряности эти раздражаютъ внутренности, производятъ остроту въ крови и располагаютъ человѣка къ неизчислимымъ болѣзнямъ; 2) чтобы никогда болѣе трехъ блюдъ не подавали за твоимъ столомъ, и 3) самое главнѣйшее, чтобы никогда не кушать, что называется до отвалу, то есть столько, что человѣкъ не въ состояніи проглотить болѣе ни одного кусочка. Принятіе пищи въ такой мѣрѣ, будучи, къ несчастію, почти всеобщимъ (хотя люди того вовсе не подозрѣваютъ), обременяетъ желудокъ до крайности, такъ что онъ съ величайшимъ трудомъ можетъ переварить пищу, и скорѣе борется, чѣмъ отправляетъ свою функцію, а потомъ наливаетъ человѣка соками до излишества, до переполненія. Отчего неминуемо являются, такъ называемыя и каждый день слышимыя — засореніе желудка и приливы крови къ головѣ.

Я зналъ умудрившихся долгимъ опытомъ стариковъ, у которыхъ за столомъ подавали всѣмъ много блюдъ, а для нихъ самихъ особенно только два удобоваримыя ихъ желудками, и кромѣ этой пищи они другой не кушали вовсе, на томъ основаніи, что простая и немногосложная пища есть самая здоровая, и что, напротивъ, стоитъ только себѣ представить безобразную смѣсь, образуемую въ желудкѣ многосложною пищею, чтобы вполнѣ понять, до какой степени она должна быть нездорова.

Изъ-за стола вставай всегда, юноша, въ то время, когда бы ты могъ еще скушать что нибудь съ удовольствіемъ; и хотя послѣ того, отъ прежней привычки много кушать, ты будешь сначала чувствовать какъ бы недостаточность пищи, но это чувство обманчивое, и ты при первомъ опытѣ самъ удостовѣришься, что спустя минутъ десять почувствуешь себя совершенно сытымъ, до невозможности болѣе кушать, и притомъ будешь легокъ,

веселъ и здоровъ, а при постоянномъ этого правила наблюденіи—и долговѣченъ.

Одежда.

Крайне необходимо пріучать себя къ умѣренному холоду и всегда съ нимъ жить въ ближайшихъ сношеніяхъ, потому, что его нигдѣ избѣжать невозможно, что холодъ, укрѣпляя человѣка, скорѣе для него благодѣтеленъ, чѣмъ вреденъ, и наконецъ, что онъ вовсе не страшенъ и не опасенъ тому, кто съ нимъ ведетъ, такъ сказать, дружбу. Но только при томъ надобно знать, что съ нимъ нельзя сближаться и расходиться внезапно, вдругъ; а должно то дѣлать осторожно и постепенно, и что онъ тому, кто нарушитъ эту постепенность, каждый разъ мститъ жестоко, безъ всякой пощады.

Тепло, напротивъ, разслабляетъ человѣка; и оттого нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе, какъ кутаньемъ и слишкомъ теплою одеждой пріучать себя къ большому

теплу. Человѣкъ въ такомъ случаѣ дѣлается подобенъ тепличному растенію, пропадающему отъ малѣйшаго холода. Основываясь на этомъ законѣ, благоразумные люди начинаютъ пріучать своихъ дѣтей къ холоду съ самаго нѣжнаго ихъ возраста, одѣвая ихъ всегда легко, съ открытою шеей.

На этомъ же законѣ и ты, юноша, долженъ всегда находиться въ самыхъ ближайшихъ сношеніяхъ съ холодомъ: въ комнатахъ твоихъ должна быть всегда температура очень умѣренная и никакъ не выше четырнадцати градусовъ тепла по Реомюру. Самому же ни въ комнатѣ, ни на воздухѣ никогда крѣпко не кутаться, а въ ненастное время выходить иногда безъ калошъ, чтобы намѣренно промочить себѣ ноги. Каждый день надобно умываться и смачивать себѣ голову холодною водою, и пить ее поутру на тощакъ одинъ стаканъ, только не вдругъ, а по немногу. Полоскать во рту свѣжею холодною водою, въ отвращеніе боли зубовъ, которые

сверхъ того каждый день чистить щеточкой и порошкомъ жженаго ржанаго хлѣба, во избѣжаніе непріятнаго отъ нихъ запаха; причемъ не бойся ошибочнаго многихъ людей мнѣнія, что порошокъ стираетъ съ зубовъ такъ называемую глазурь. Спи въ прохладной комнатѣ, одѣвайся всегда легко, вовсе не носи слишкомъ узкаго платья и не перетягивайся никогда, что называется, въ рюмочку. Въ одну дальнюю дорогу надобно одѣваться тепло и имѣть съ собою, во всякое время года, шубу и теплые сапоги непремѣнно, для того, чтобы при внезапномъ сильномъ измѣненіи температуры, ты не могъ продрогнуть и простудиться.

Излишнимъ могло бы показаться предостереженіе, что въ разгоряченномъ состояніи не должно ни пить, ни кушать ничего очень холоднаго; но не излишне знать и всегда помнить, что ни отъ чего такъ много не заболѣваетъ людей, какъ отъ подобной неосторожности.

Питіе.

Водка! эта жесткая спиртная горечь, низведена на землю, кажется, собственно для того, чтобы страданіями ею порождаемыми, дать человѣку понятіе о страшнѣйшихъ мученіяхъ, ожидаемыхъ его въ будущей жизни, если онъ живетъ преступно въ этой. Иначе допустить невозможно, чтобы человѣкъ могъ добровольно: 1) носить всю жизнь свою на самыхъ лучшихъ частяхъ своего тѣла печать пьяницы, т. е. всегдашнюю вздутость и красноту лица и синебагровый цвѣтъ носа; 2) терпѣть ужаснѣйшія физическія страданія, 3) пропивать все свое состояніе, 4) переносить презрѣніе равное тому, которымъ люди презираютъ самые низкіе пороки, и 5) терять свои выгоды, спокойствіе, стыдъ, совѣсть, благородство, честь, здоровье, все прекрасное, всякую радость, всякую нѣжность, можно сказать, всю свою жизнь, и не вку-

шать ничего, кромѣ страданія, и все это изъ-за самой гадкой, вонючей горечи, продающейся въ кабакахъ, изъ-за одной сивухи.

Человѣкъ, выпившій неумѣренно водки, немедленно опьяневаетъ, и тотъ же часъ начинаетъ страдать кружеміемъ головы, тошнотой, рвотою, жгучею болью въ груди, и вслѣдъ за тѣмъ теряетъ разсудокъ, самосознаніе, и наконецъ безъ чувствъ, безъ памяти, падаетъ какъ мертвецъ, и чернѣетъ какъ земля. Но это еще ничего; а самое ужаснѣйшее мученіе наступаетъ въ то время, когда проспавшись отъ опьяненія, или, скорѣе, отъ омертвенія, онъ прійдетъ въ себя и станетъ чувствовать: страшнѣйшую боль головы, отъ которой, какъ ему тогда кажется, самый черепъ его долженъ лопнуть, крушеніе костей и тѣла, давленіе сердца, дрожаніе всего организма, ужаснѣйшую тоску, — однимъ словомъ, такое невыносимое состояніе, что пьяница не будучи въ силахъ переносить его, съ не-

выразимою жадностію ищетъ водки; дрожитъ какъ Каинъ при видѣ ея, и въ ту же минуту напивается опять до безпамятства, предпочитая мертвое забвеніе нестерпимому страданію съ похмѣлья.

Чтобы трезвому человѣку имѣть хотя приблизительное понятіе о мученическомъ страданіи пьяницы, то пусть онъ только внимательно всмотрится въ него въ то время, когда тотъ послѣ сильнаго опьяненія находится въ положеніи съ похмѣлья, и онъ увидитъ передъ собою несчастное созданіе, дрожащее, изсушенное, какъ бы въ половину испеченное, съ губами сгорѣвшими, съ лицомъ раздутымъ, выгорѣвшимъ, и послѣ того, конечно, самъ согласится, что нѣтъ такой жестокой пытки, послѣ которой человѣкъ могъ бы имѣть болѣе сокрушенную, болѣе изломанную наружность; и потомъ пусть представитъ себѣ мысленно, что должно въ то время происходить во внутренностяхъ этого несчастнаго.

Разорительный напитокъ виноградное

вино, употребляемое безъ мѣры и воздержанія, производитъ то же самое дѣйствіе, какое и водка, только съ прибавленіемъ скорѣйшаго разоренія, да постоянной, приводящей въ ужасъ, болѣзни — подагры. Впрочемъ, всѣ пьяницы, начавшіе напиваться виноградным виномъ, со временемъ доходятъ до такого притупленія вкуса и самыхъ чувствъ, что напослѣдокъ пьютъ его какъ воду, съ однимъ только одуреніемъ, безъ всякаго ощущенія (*не забираетъ* — техническій терминъ пьяницъ) и кончаютъ всегда непремѣнно горѣлкою, какъ питьемъ болѣе забирательнымъ.

Пьяницами дѣлаются преимущественно люди малодушные и слабые, отъ праздности, отъ небреженія къ своимъ обязанностямъ, отъ пресыщенія, отъ скуки; а чаще всего вовлекаются молодые люди въ пьянство сослуживцами и товарищами.

Во всякой службѣ, во всякой профессіи, новичекъ непремѣнно найдетъ пья-

ницъ не только въ товарищахъ, но нерѣдко и въ самихъ его начальникахъ. А какъ пьяницы вообще любятъ бражничать въ своемъ кругу, то и неопытный юноша, находясь отъ нихъ въ зависимости, долженъ неминуемо попадать въ этотъ кругъ, въ которомъ тотъ, кто не пьетъ, присутствіемъ своимъ стѣсняетъ всѣхъ, и будучи сверхъ того для нихъ какъ бы живымъ укоромъ, самъ находится въ крайней необходимости, какъ для устраненія общей женировки, такъ и для смягченія отвратительнаго позорища пьянства, пить за компанію со всѣми. Натура же пьянства, къ несчастію человѣческаго рода, есть такого свойства, что невыносимаго страданія съ похмѣлья невозможно ни уничтожить, ни даже облегчить ни чѣмъ болѣе, какъ только однимъ сильнымъ повтореніемъ того же пьянства; а нѣсколько такихъ, хотя бы страшною болью съ похмѣлья вынужденныхъ повтореній, порождаютъ въ человѣкѣ внутреннюю болѣзненную, не-

преоборимую жажду къ водкѣ, называемую пьяницами щемленіемъ. Это щемленіе, или, вѣрнѣе сказать, жгучая внутренняя боль и крушеніе всего тѣла, такъ мучительны, что никто не въ состояніи ихъ переносить; а облегченіе отъ нихъ, какъ мы уже сказали, приноситъ только одно повтореніе пьянства, усиливающагося такимъ образомъ въ человѣкѣ въ ужасной прогрессіи. Вотъ отчего невинный юноша, презирающій и пьянство и самихъ пьяницъ, вошедши въ ихъ кругъ одинъ разъ, дѣлается по неволѣ самъ пьяницею!

Равнымъ образомъ много молодежи вовлекается въ пьянство въ товарищеской бесѣдѣ, гдѣ невинные молодые люди собравшись вмѣстѣ, изъ одной шалости раскутятся, и корча другъ передъ другомъ молодца, станутъ на дѣлѣ доказывать, кто болѣе можетъ выпить, и перепьются какъ нельзя болѣе; а того бѣдныя, невинныя дѣти не знаютъ, что достаточно напиться крѣпко одинъ разъ, чтобы потомъ идти къ пьянству тѣмъ же

путемъ, какъ сказано выше о бражничествѣ въ кругу пьяницъ.

Ни войны, ни эпидемическія болѣзни, ни пожары, ни наводненія и никакія бѣдствія не дѣлаютъ въ родѣ человѣческомъ такого страшнаго опустошенія и столько несчастій, какъ пьянство, потому, что большая часть повальныхъ бѣдствій приключается людямъ періодически и существуетъ кратковременно; пьянство же истребляетъ состояніе людей и ихъ самихъ всегда, вездѣ непрестанно, такъ, что не проходитъ того дня, чтобы не услышать о комъ нибудь такой рѣчи: «онъ человѣкъ прекрасный и съ большими способностями, но, къ сожалѣнію, крѣпко пьетъ». Непостижимая и невѣроятная человѣческая слабость!

Прочитавъ все вышесказанное о пьянствѣ, ты, юный другъ мой, безъ сомнѣнія, останешься въ твердой увѣренности, что хотя бы волею или неволею и случилось тебѣ напиться крѣпко пьянымъ, то

и въ такомъ случаѣ, съ твоею самонадѣянностью, твердою волею и благороднымъ самолюбіемъ, не допустилъ бы ты себя впасть въ постыдное пьянство. Не смотря на то, я отъ тебя настоятельно требую: во первыхъ, этой своей увѣренности, чаще всего ввергающей людей въ порокъ пьянства, не вѣрить и выгнать ее изъ своей головы, потому, что при первомъ твоемъ сильномъ опьяненіи, внутренняя страшнѣйшая боль съ похмѣлья, отъ которой человѣкъ имѣетъ видъ какъ бы на огнѣ поджареннаго, твою твердую волю, твое самолюбіе и твою увѣренность обратитъ въ прахъ и заставитъ тебя отъ нее лечиться тѣмъ же лекарствомъ, которое ее вновь порождаетъ и усиливаетъ, а именно пѣнникомъ или горѣлкою, и, во вторыхъ, во избѣжаніе величайшаго несчастія — пьянства, держаться средства вѣрнаго, т. е. не смотря ни на какія отношенія, ни на какіе виды, ни на какія заманки, ни на чьи бы то ни было настойчивыя требованія или просьбы,

даже ни на какія потери, никогда ни за что на свѣтѣ не входить въ пьяный кругъ, или въ пьяное знакомство; а въ товарищеской бесѣдѣ не только не искать первенства въ презрѣнномъ ремеслѣ бражничанья, но и не пить вовсе ничего хмѣльнаго.

Если ты, юноша, желаешь быть здоровымъ и долговѣчнымъ, то не пей вовсе ни вина, ни наливокъ, ни водки и ничего того, что горячитъ и волнуетъ кровь; безъ этихъ одуряющихъ напитковъ найдешь ты многое множество благороднѣйшихъ и лучшихъ удовольствій и наслажденій; а для услажденія твоего вкуса есть ароматные чаи, шоколады, оршады, лимонады, превкусныя изъ всѣхъ возможныхъ фруктовъ и ягодъ воды, хорошій хлѣбный и фруктовый квасъ, всѣхъ родовъ яства, сласти и прочее и прочее.

Трудъ.

Опытъ и время указали мнѣ въ нашей жизни еще одно откровеніе, столько же

важное какъ и умѣренность, заключающееся въ познаніи, что безъ труда нѣтъ въ жизни истиннаго наслажденія, да и быть не можетъ.

Трудъ есть нашъ благій избавитель отъ всего, что обременяетъ жизнь нашу и дѣлаетъ ее тягостною, какъ напримѣръ: отъ скуки, безсонницы, худаго расположенія духа, отсутствія аппетита и другихъ подобныхъ мученій, всегдашнихъ тирановъ почти всѣхъ богатыхъ и всѣхъ, безъ исключенія, малодушныхъ.

Какъ обѣдъ, безъ предварительнаго приготовленія его поваромъ, не можетъ быть вкуснымъ; такъ точно и наслажденія, безъ приготовленія ихъ трудомъ, вялы, тупы, пусты и надоѣдаютъ до отвращенія. Короче, чтобы наслаждаться, надобно прежде потрудиться, потерпѣть, проголодаться.

Чувствую, что слишкомъ слабо владѣю я даромъ слова, чтобы могъ ясно и убѣдительно изложить тебѣ, юноша, нескаванную, благотворную силу труда, этого

искуснѣйшаго нашего врача отъ всего въ нашей жизни несноснаго; а потому опишу тебѣ, по крайней мѣрѣ, къ какому я самъ на старости своей прибѣгаю труду, для того, чтобы жизнь моя не была для меня скучна и тягостна, а напротивъ весела и пріятна.

Дабы не изнѣжиться до безсилія, до изнеможенія, и не допустить до себя убійственнаго пресыщенія, не будучи въ состояніи заниматься никакими физическими упражненіями, я обязалъ себя, одинъ разъ навсегда, дѣлать каждый день пѣшкомъ солдатскій переходъ: и вслѣдствіе того, ежедневно въ самый полдень отправляюсь гулять, и хожу не менѣе трехъ часовъ съ такою скоростію, чтобы крѣпко утомиться. Этимъ простымъ трудомъ обезпечиваю я для себя пріятную жизнь на цѣлыя сутки: при самомъ возвращеніи моемъ домой, утомленный, съ величайшимъ наслажденіемъ сажусь я въ свое кресло, обѣдаю съ отличнымъ аппетитомъ, весь вечеръ бываю веселъ

и легкоподвиженъ, сплю прекрасно и никогда не знаю худаго расположенія духа. Такъ поступаю я зимою и лѣтомъ, осенью и весною, въ зной и въ холодъ, въ дождь и мятель, и это есть посильный трудъ, которымъ поддерживаю свое здоровье и свои силы. Не сдѣлавъ же этого перехода, я не только теряю аппетитъ и сонъ, но совсѣмъ ослабѣваю въ силахъ и дѣлаюсь больнымъ.

Изъ этого открывается, что трудъ, сверхъ вышесказанныхъ благодѣяній, дѣйствительно укрѣпляетъ здоровье и силы человѣка. Да, точно, трудъ есть единственный бальзамъ, услаждающій и облегчающій все горькое и все тягостное въ нашей жизни, котораго ни чѣмъ другимъ замѣнить не возможно.

Сонъ.

Безсонница, этотъ величайшій тиранъ человѣчества, вмѣсто успокоенія и возобновленія нашихъ силъ, разслабляетъ весь

нашъ организмъ и дѣлаетъ намъ жизнь несносною.

Очень долго страдалъ я, подобно многимъ, отъ безсонницы, пока не открылъ секрета, который весь состоитъ въ томъ, чтобы никогда не высыпать, такъ сказать, всего сна, а всегда оставлять его нѣсколько въ недоборѣ. Исполняю же я это вотъ какимъ образомъ: не ложусь въ постель иначе, какъ утомленный и совершенно сонный, и никогда не сплю столько, чтобы выспавшись вдоволь, могъ самъ проснуться, а всегда напередъ разсчитываю, сколько времени мнѣ крайне необходимо спать для возобновленія истощенныхъ силъ моихъ, и по этому расчету назначаю часъ, въ которомъ человѣкъ долженъ меня разбудить силою непремѣнно. Этимъ средствомъ я достигъ до того, что во всякое время дня и ночи, стоитъ мнѣ только лечь, чтобы въ ту же минуту заснуть и спать сладкимъ сномъ, пока не разбудятъ. Правда и то, что не выспавшись вполнѣ непріятно вставать:

но эта непріятность есть наслажденіе, въ сравненіи съ безсонницей, отъ которой душѣ въ тѣлѣ дѣлается душно и человѣкъ не знаетъ куда дѣваться. Притомъ не досыпать такимъ образомъ очень полезно для здоровья. Доказательствомъ тому служатъ много дѣловыхъ людей, которые постоянно спятъ не болѣе пяти, шести часовъ въ сутки, и даже менѣе, и бываютъ всегда здоровы, бодры и долговѣчны.

Многіе изъ моихъ знакомыхъ удивлялись и завидовали моему всегдашнему прекрасному сну, и многимъ изъ нихъ открывалъ я эту тайну; но и послѣ того они продолжали жаловаться на безсонницу, потому, что это могутъ исполнять только люди характерные и твердые волей, которыхъ очень немного, но не малодушные и изнѣженные.

Правда.

Правда есть свѣтъ, яснѣе солнца, совершенство, свойство Божества!

Сладка жертва приносимая правдѣ, и сладко отстоять ее! Но въ дѣлѣ правды, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ надобно предпринимать только то, что исполнить возможно; начать же дѣлать очевидно невозможное не благоразумно, потому, что невозможнаго никогда не сдѣлаешь, а только можешь тѣмъ испортить самое дѣло. Человѣкъ, какъ существо одаренное разсудкомъ, для своего спасенія долженъ стремиться къ этому свѣту, т. е. къ совершенству, къ Божеству; но какъ ограниченное, слабое, долженъ къ нему стремиться столько, сколько позволяетъ возможность, и отнюдь не болѣе, потому, что правда у мѣста, кстати, удобоисполнима, свята и благодѣтельна; неумѣстная же правда уничтожаетъ правду, противудѣйствуетъ себѣ самой и вмѣсто добра дѣлаетъ зло. Съ правдой, какъ съ бритвой, надобно быть очень осторожнымъ; въ противномъ случаѣ она зарѣжетъ.

Весь мыслящій міръ, всѣ люди, кри-

чатъ и вопіютъ противъ неправды; но никто изъ нихъ не спроситъ самого себя: «да самъ я всегда ли поступаю и могу ли всегда поступать справедливо»? Этотъ вопросъ заставилъ бы каждаго укротить свой крикъ противъ неправды и спрятать языкъ за зубами, потому, что никто, кромѣ Господа, не можетъ быть всегда справедливымъ, точно такъ же, какъ не можетъ быть совершеннымъ.

Эта идея до того проста и ясна, что никто не можетъ ее не понять и съ нею не согласиться. Но, къ несчастію, она не всякому извѣстна. Тому же, кто объ ней никогда не слыхалъ, она легко можетъ вовсе и въ мысль не придти. Я также, какъ и другіе, не бывши съ нею знакомымъ, долго требовалъ отъ людей неумолимой всегдашней правды, и дорого за то поплачивался, пока счастливый случай не просвѣтилъ меня.

Это было въ моей молодости, когда съ нѣсколькими своими товарищами гостилъ я у одной почтенной старушки, вдовы,

которая слушая наши горячіе споры о правдѣ, произнесла незабвенныя слова: «охъ, батюшки, не далеко вы пойдете съ вашей правдой»! Я сначала не понялъ этихъ простыхъ словъ, но поискавъ хорошенько въ своей головѣ ихъ смысла, открылъ, что эта колючая правда, хороша только у мѣста, и что бываетъ много случаевъ, въ которыхъ надобно съ покорностію и мягкимъ сердцемъ переносить неизбѣжную неправду, потому, что всѣ люди, какъ выше сказано, не въ состояніи быть всегда правдивыми. Люби, юноша, правду какъ святость, какъ совершенство, отстаивай ее сколько будетъ позволять возможность; но ни чуть не болѣе, чтобы неумѣстною правдой не надѣлать несчастій себѣ и другимъ.

Къ лучшему.

Хотя немногихъ, но встрѣчалъ я однако же людей, которые въ видимыхъ неудачахъ и несчастіяхъ, противъ явной и не-

минуемой бѣды, всегда толковали *все къ лучшему,* и увѣряли всѣхъ, что ихъ дѣла идутъ прекрасно.

Толкуя такимъ образомъ все свое непріятное къ лучшему, и мирясь, такъ сказать, со своимъ непзбѣжнымъ худымъ, они тѣмъ самымъ облегчали свою скорбь, сохраняли всегда спокойствіе духа, никогда ни на что не жаловались, не роптали, и всегда были веселы и здоровы; а какъ въ то самое время они неупустительно изыскивали все, что только было возможнымъ къ исправленію своихъ дурныхъ обстоятельствъ, то и всѣ ихъ худыя дѣла обыкновенно кончались хорошо.

Всегда завидовалъ я спокойствію ихъ, съ которымъ они принимали и провожали самыя величайшія непріятности, и на нихъ же удостовѣрился, что гораздо расчетливѣе толковать все къ лучшему, чѣмъ въ дурную сторону, потому, что почти всѣ удачи и неудачи, всѣ счастія и несчастія, и самыя дѣла наши непосредственно зависятъ отъ хорошаго или худаго нашего

дѣйствія, отъ старанія или небрежности, отъ дѣятельности или бездѣйствія, отъ умѣнья или неумѣнья. Толкованіе же дѣлъ въ хорошую или въ худую стороны относится только прямо къ спокойствію или безпокойству нашему.

Толкуя худое къ лучшему, человѣкъ избавляется отъ досады и душевнаго безпокойства, обсуживаетъ хладнокровно, какія въ дѣлѣ нужно принять мѣры, дѣйствуетъ разсудительно и исправляетъ худое. Перетолковывая же его въ дурную сторону, онъ безпокоится, не довольствуетъ, ожесточается, и въ тревогѣ своей не обсудивъ и не сообразивъ хладнокровно обстоятельствъ, или дѣйствуетъ неправильно, или, въ безполезныхъ жалобахъ и ропотѣ, вовсе не дѣйствуетъ, пропускаетъ благопріятное время и самое дѣло портитъ окончательно.

Совершенное счастіе.

Весьма часто люди, даже самые основательные и умные, при малѣйшей неу-

дачѣ или непріятности, вооружаются негодованіемъ противъ своей судьбы и повторяя извѣстную истину, «что человѣкъ въ этой жизни не можетъ быть совершенно счастливымъ», съ горькою въ томъ увѣренностію предаются совершенному разочарованію самой жизни.

Искренно соболѣзнуя о томъ, что сказанная истина служитъ не въ пользу, но во вредъ человѣчеству, обратился я къ ближайшему ея разсмотрѣнію и нашелъ: 1) изреченіе, что человѣкъ въ этой жизни не можетъ быть совершенно счастливымъ, есть очень ясная, вполнѣ понятная, извѣстная и перезвѣстная всѣмъ и каждому истина, потому, что совершенство, такому несовершенному существу какъ человѣкъ, ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ видѣ принадлежать не можетъ, и что онъ не только въ своихъ дѣлахъ, но даже въ совершеніяхъ Божіихъ, которыми окруженъ, совершенства ни понять, ни опредѣлить не въ состояніи; и наконецъ, что это совершенство стоитъ выше человѣческой при-

роды, выше его понятія, выше его сферы, и есть удѣломъ ему несвойственнымъ. Изъ чего само собою обнаруживается, что человѣчеству повторять эту истину, также точно неумѣстно, какъ если бы кому нибудь вздумалось твердить безпрестанно подобную же истину, что человѣкъ въ этой жизни не можетъ быть святымъ ангеломъ. 2) Вообще люди эту истину понимаютъ ошибочно, то есть опредѣляя, что на землѣ человѣкъ не можетъ быть счастливымъ совершенно, они думаютъ, что онъ вовсе не можетъ быть счастливъ; или, сказать другими словами: говоря о совершенномъ счастіи, никогда на землѣ (кромѣ развѣ земнаго рая) не бываломъ, и вовсе намъ несродномъ, они оплакиваютъ потерю нашего земнаго счастія, которое есть просто нашимъ удѣломъ, и для котораго, можно сказать, мы созданы. Къ тому же если бы на насъ, слабыхъ и несовершенныхъ созданій взвалить какое-то совершенное счастіе, чуждое самой нашей природѣ, то мы должны бы были или тотчасъ

же измѣнить нашу натуру, или быть раздавленными подъ громадною тяжестію излишняго, вовсе намъ несвойственнаго, совершеннаго счастія, о которомъ мы не имѣемъ даже никакого понятія. 3) Люди сознающіе въ себѣ самихъ, что они, отъ своихъ собственныхъ заблужденій въ этой жизни дѣйствительно не могутъ быть счастливыми, твердятъ эту истину какъ бы въ оправданіе своего горестнаго состоянія тѣмъ, что человѣку на землѣ не суждено быть счастливымъ, и это-то самое, какъ мнѣ кажется, есть главная побудительная причина къ безполезному и вредному повторенію сказанной истины. 4) Повторяя такимъ образомъ эту истину, съ совершенно превратнымъ объ ея смыслѣ понятіемъ, люди укрѣпляются и коснѣютъ въ отчаянной и безотрадной мысли, что въ этой жизни они не могутъ найти счастія, а только однѣ горести. Отъ такого убійственнаго своего понятія, они не только небрегутъ своими обязанностями, своими дѣлами, но даже презираютъ свою соб-

ственную жизнь, и тѣмъ тяжко грѣшатъ передъ своимъ милосердымъ Создателемъ. Сверхъ того они этою фразой сбиваютъ съ толку не только шаткіе умы, но и самыхъ разсудительныхъ людей, порождая въ нихъ ложное понятіе, что для человѣка на землѣ счастія нѣтъ, и 5) если бы кому нибудь пришла фантазія повторять безпрестанно, что отъ пресыщенія, отъ чудовищныхъ желаній и отъ превратныхъ понятій, много людей въ этой жизни не могутъ быть счастливыми, а напротивъ, должны быть несчастны, то это была бы сущая правда; но чтобы никто на землѣ не понималъ, не чувствовалъ и не вкушалъ своего счастія, этого быть не можетъ.

Великая тайна жизни заключается въ познаніи, что самыя обыкновенныя, всегда насъ окружающія вещи, какъ твореніе Господне, переполнены совершенствомъ, поэзіею, красотою, очарованьемъ и счастіемъ. Свѣтъ дневной, напримѣръ, есть прелесть всѣхъ прелестей, всѣхъ гармоній, созвучій, соглашеній, всякой мечты, вся-

кой фантазіи; и мы имъ пользуемся какъ своимъ добромъ, какъ чѣмъ нибудь самымъ простымъ, безъ всякаго вниманія, не удивляясь, не оцѣняя и не чувствуя того; между тѣмъ какую нибудь ничтожную панораму величаемъ и превозносимъ до небесъ; а это оттого, что свѣтъ этотъ данъ намъ безплатно, даромъ, безъ малѣйшаго труда нашего, по одному милосердію Божію, и что пользуясь имъ безпрестанно, мы теряемъ ему цѣну. Не должно ли человѣчество удивляться поражающимъ чудесамъ стихій, въ которыхъ мы плаваемъ, которыми согрѣваемся, живемъ и дышемъ? А оно бѣдное о томъ вовсе и не помышляетъ. Можетъ ли быть что нибудь очаровательнѣе безконечнаго разнообразія временъ года, въ которыхъ двухъ дней нѣтъ равныхъ, и какое воображеніе въ состояніи представить себѣ что нибудь подобное? А много ли людей то понимаютъ и чувствуютъ!

Это обстоятельство привело мнѣ на память разсказъ моего умнаго товарища о

томъ, какъ одна хорошенькая женщина, въ прекрасное майское утро, войдя съ нимъ въ премиленькій садикъ, перечитала ему вдругъ всѣ, почерпнутыя ею изъ разныхъ романовъ, прелести природы, указывая то на птичку, то на цвѣтокъ, то на бирюзовое небо, и какъ она, казалось, хотѣла поглотить всю природу. «Но неспосные мои глаза», говорилъ онъ, «ясно видѣли, что она ничего этого не понимала и не чувствовала».

Какое упоеніе и какія наслажденія могутъ сравняться съ отдохновеніемъ, которому человѣкъ предается послѣ утомленія отъ трудовъ? Можно ли вообразить и представить себѣ болѣе счастія, какъ добрая жена, улыбающаяся мужу, и малютка на ея рукахъ, обвивающій своими ручонками шею отца, и голосомъ херувима произносящій: «папа»! Нѣтъ жаворонка, напримѣръ, я готовъ слушать цѣлый день съ наслажденіемъ; сигара моя и мой чай, для меня лучше амврозіи и нектара, дороже милліона рублей годоваго дохода; а

мой комелекъ интереснѣе для меня всѣхъ блестящихъ дворцовъ. Тысяча другихъ живыхъ радостей и обольщеній нашей жизни истинно прекрасны, обворожительны, исполнены изящнѣйшей поэзіи, если только человѣкъ ихъ понимаетъ, объ нихъ думаетъ, ихъ цѣнитъ и умѣетъ ими наслаждаться.

Но люди, къ несчастію, пользуются ими не обращая на нихъ никакого вниманія, безъ всякаго чувства; и вовсе не помышляя возсылать за нихъ молитвы благодарности къ своему Создателю, облекаются грубою корою равнодушія, и посреди прелестей и очарованія, безчувственные, ищутъ какой-то химеры, вздыхаютъ къ идолу, сами не зная какому, и такимъ образомъ разъуничтожаютъ свою наилучшую жизнь.

Не ищи, прекрасный юноша, того неизвѣстнаго счастія, къ которому могутъ уносить тебя сумасбродные люди и твоя собственная фантазія; его нѣтъ, оно не существуетъ, это вздоръ, небывальщина!

И всегда помни, что нашъ міръ и наша жизнь составлены изъ наилучшихъ прелестей и очарованій, уготованныхъ для насъ самимъ Господомъ, и что они слишкомъ достаточны для твоего счастія, только умѣй ихъ понять и ими пользоваться. Откажись навсегда отъ мнимаго–совершеннаго, а ищи нашего природнаго, несовершеннаго, свойственнаго намъ счастія. Его же искать недолго и недалеко: оно во всемъ, что насъ окружаетъ, оно въ нашихъ головахъ, въ нашихъ понятіяхъ, въ насъ самихъ, если только мы его будемъ искать въ томъ, что имѣемъ и понимаемъ, а не въ томъ, чего не разумѣемъ, или чего имѣть не можемъ.

Чувства.

Какъ въ человѣкѣ разсудокъ есть образованіе нравственное, самое благороднѣйшее и самое совершенное, частичка премудрости Божіей, которою Господь сподобилъ надѣлить его; и какъ въ немъ все

остальное есть организація чисто физическая; то само собою разумѣется, что всѣ его дѣйствія и направленія должны исходить изъ его разсудка, какъ изъ сотворенія нравственнаго, разумнаго.

На этомъ законѣ чувства и желанія человѣческія, какъ движенія немыслящія, физическія, плотскія, не могутъ блуждать по своему неразумному, такъ сказать животному влеченію, а должны идти по рельсамъ, укладываемымъ для нихъ, ихъ разумнымъ повелителемъ — разсудкомъ. Отъ этого же и люди всякое неправильное дѣйствіе и чувствованіе ближняго называютъ безразсудствомъ. Между тѣмъ сами, отвергнувъ всякое вмѣшательство разсудка, служатъ одной чувственности: захотятъ пить, — пьютъ сколько могутъ въ себя вмѣстить; пожелаютъ кушать, — ѣдятъ пока не опротивитъ; придетъ сонъ, — спятъ пока пролежатъ бока; взбредетъ на мысль сладкое и пріятное, — тонутъ въ сладостяхъ, утопаютъ въ мягкомъ, въ нѣжномъ, въ бархатахъ, въ пуху, въ ду-

хахъ, въ цвѣтахъ, въ куреньяхъ до того, что наконецъ нечего желать, нечего хотѣть, всѣмъ упитались, всѣмъ умастились и потеряли всякое чувство. Тутъ и пошло для нихъ все худо, все глупо, не вкусно, жалко, гадко, потому, что обыкновенное для нихъ уже не годится, а надобно имъ чего нибудь всегда новаго, всегда вновь очаровательнаго, чрезвычайно-пріятнаго, ужаснѣйше-веселаго и пресильнѣйше-ощутительнаго; и какъ они всего этого найти не могутъ, то ничто не въ состояніи ни занять ихъ, ни развеселить, ни доставить имъ ни малѣйшаго удовольствія; и они дѣлаются ничѣмъ недовольными, все отвергающими, попирающими, такъ сказать, бисеръ ногами и наконецъ несносными какъ для другихъ, такъ и для самихъ себя.

Если бы эти люди вникли поближе въ свою собственную жизнь, то увидѣли бы, что она такъ таинственна, сокровенна, неуловима и измѣнчива, что нѣтъ, кажется, науки запутаннѣе и хитрѣе, какъ полное уразумѣніе и правильное направленіе жизни.

потому болѣе, что чувства наши будучи всегда болѣе наклонны къ худому, чѣмъ къ хорошему, часто сбиваютъ насъ съ настоящаго пути; и послѣ того, конечно, сами согласились бы, что человѣку немыслящихъ своихъ чувствъ и желаній распускать не должно, а надобно внимательно повѣрять ихъ, и дурныя изъ нихъ подавлять, порождать благородныя, давать ходъ только однимъ правильнымъ, и вообще управлять ими разсудкомъ съ величайшею строгостію; безъ чего они всегда ввергаютъ человѣка туда, куда ихъ тянетъ матушка физика; — такъ какого же можно отъ нихъ ожидать добра!

Здоровье.

Радость, счастіе и все, что мило и прекрасно, тогда только доступны для человѣка, когда онъ здоровъ; въ противномъ случаѣ всѣ выгоды, услуги, всѣ прелести и наслажденія несносны и нестерпимы. Изъ чего слѣдуетъ, что здоровье есть самое драгоцѣннѣйшее наше сокровище.

Чѣмъ богаче и знатнѣе человѣкъ, тѣмъ въ болѣзни жизнь его тягостнѣе, ненавистнѣе, потому, что всѣ его богатства и самыя огромнѣйшія средства не могутъ избавить его отъ страданія, которое для него, какъ для изнѣженнаго, гораздо несноснѣе, чѣмъ для бѣдняка къ нему привыкшаго. Богачъ въ такомъ случаѣ готовъ завидовать послѣднему нищему и согласился бы помѣняться съ нимъ состояніемъ, чтобы только быть здоровымъ. Но, увы! и того сдѣлать невозможно.

Никто въ молодости, въ цвѣтѣ лѣтъ, не занимается своимъ здоровьемъ, считая его дѣломъ совершеннымъ, не требующимъ никакой заботы и никакого вниманія, потому, что оно, будучи исправнымъ и сильнымъ, переноситъ и трудное и обременительное; а молодой человѣкъ отъ безпечности не бережетъ его ни сколько, такъ, что нерѣдко для какого нибудь фарса, для какой нибудь пустой молодецкой штуки, надрывается, получаетъ увѣчье, и потомъ страдаетъ всю жизнь.

Одинъ изъ моихъ военныхъ сослуживцевъ былъ такимъ надъ самимъ собою тираномъ, что въ большой холодъ надѣвалъ всегда лѣтнюю шинель, а въ лѣтній зной зимнюю, и какъ лѣтомъ, такъ и зимою носилъ сапоги на босую ногу. Вѣчно подшучивалъ надъ товарищами, что отъ холода надобно замерзнуть, растаять отъ жара, или размокнуть отъ дождя; въ большіе же холода въ насмѣшку переспрашивалъ всѣхъ товарищей, сколько кто подъ мундиръ надѣлъ фуфаекъ, и тому подобное. Когда же плоды тираніи его надъ самимъ собою созрѣли, и у него вдругъ отнялись ноги, и когда послѣ долгаго страданія онъ съ помощію медицины нѣсколько оправился, то самъ началъ кутаться до того, что смѣшно было на него смотрѣть. А благоразумные товарищи, оставаясь по прежнему здоровыми, не подшучивали, въ свою очередь, надъ нимъ, во уваженіе только его истинно-несчастнаго положенія.

Мысль о всегдашнемъ сбереженіи сво-

его здоровья, юноша, посади въ своей головѣ на первое мѣсто, и чтобы она оттуда не отлучалась ни на одну минуту, и сдѣлай это тотчасъ, непремѣнно тотчасъ, потому, что въ молодости только можно сохранить свое здоровье. На старости же тщетно люди стараются сберегать его, и всѣ успѣшнѣйшія старанія ихъ, какъ несвоевременныя, остаются безполезными. Какъ ни сберегай надломанный сосудъ, все онъ сломанъ и къ употребленію непроченъ.

Деньги.

Деньги сами по себѣ не имѣли бы никакого значенія, если бы люди, для облегченія взаимныхъ межъ собою сношеній, не наложили на нихъ самаго важнѣйшаго, какое только могъ придумать умъ человѣческій условія, то есть, что они должны быть представителями всего того, что потребно и необходимо, какъ для поддержанія самой жизни человѣка, такъ и для ея пріятностей. — Идея истинно геніальная!

пачка пестренькихъ лоскутковъ бумаги вмѣщаетъ у человѣка за пазухой и земли, и лѣса, и воды, и дворцы, и корабли, и хлѣбъ, и скотъ, однимъ словомъ все, что онъ только можетъ пожелать, и это все переноситъ онъ въ карманѣ за тысячи верстъ безъ всякаго обремененія.

Многіе благородные, неопытные молодые люди, слыша о безмѣрной человѣческой жадности къ деньгамъ, въ чистотѣ чувствъ своихъ, предаются страшнѣйшей къ нимъ ненависти, вводящей ихъ въ такую противоположную крайность, что они слову деньги придаютъ какое-то недостойное значеніе, что-то въ родѣ порока и укоризны для честныхъ людей,— значеніе, по ихъ мнѣнію, заслуживающее ненависть и проклятіе; и это свое ложное понятіе распространяютъ до того, что вовсе не защищаютъ и не отстаиваютъ своей законной собственности, и такимъ образомъ допускаютъ неблагонамѣренныхъ людей себя ограбить; и все это изъ одной боязни, чтобы въ свѣтѣ не считали ихъ интереса-

нами. Такая крайность противна здравому смыслу, и есть жалкое заблужденіе человѣческаго ума, потому, что въ людскихъ заботахъ ничего не можетъ быть важнѣе, какъ средства необходимыя для продолженія собственной жизни. Деньги же суть не что иное, какъ самыя тѣ средства, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ жить. А потому, чтобы вывести этихъ поверхностныхъ людей изъ такого непростительнаго заблужденія, и для лучшаго озаренія ихъ умовъ надлежащимъ свѣтомъ, совѣтую имъ подъ названіемъ денегъ не разумѣть собственно чеканенный металлъ и государственныя бумаги, а понимать ихъ тѣмъ, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ, то есть какъ средствами, безъ которыхъ на свѣтѣ жить невозможно.

Какъ человѣчество для продолженія своего существованія должно непремѣнно трудиться, и какъ ни одинъ человѣкъ самъ не въ состояніи ни произвести, ни доставить себѣ всего потребнаго для своей жизни; то всѣ люди трудятся во-

обще; и каждый преимущественно надъ тѣмъ, къ чему имѣетъ особенную способность или легчайшее удобство; потомъ чрезъ посредство общихъ представителей всего для человѣчества потребнаго (денегъ) пріобрѣтаютъ они одинъ отъ другаго все, что кому требуется. Этотъ способъ пріобрѣтенія называется коммерціею и составляетъ благоденствіе народовъ всего міра. Безъ денегъ же совершать это было бы очень затруднительно и почти невозможно. Стало быть деньги, или какъ мы ихъ выше назвали, средства, безъ которыхъ жить невозможно, суть величайшая благодать, открытая геніальнымъ умомъ.

Можно ли послѣ этого удивляться, когда люди провѣдавъ, что у кого нибудь есть много средствъ къ жизни (денегъ), хотя бы безъ всякой надежды получить изъ нихъ и самомалѣйшую частицу, низко тому кланяются и оказываютъ величайшее уваженіе? Не только не возможно, но по самой строгой справедливости

пельзя не уважать того, у кого много средствъ къ жизни, потому, что если онъ пріобрѣлъ эти средства, или, лучше сказать, этихъ свидѣтелей ума самъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ человѣкъ умный, а умныхъ людей должно уважать. Если же эти средства къ жизни онъ не самъ пріобрѣлъ, а получилъ ихъ по наслѣдству; то изъ уваженія какъ къ его умному дѣду или прадѣду, ихъ пріобрѣтшимъ, такъ равно и къ самымъ этимъ въ его распоряженіи находящимся средствамъ пельзя не уважать его.

Чрезвычайно много есть людей, пользующихся въ свѣтѣ репутаціею умныхъ, которые пройдя поприще своей жизни, живутъ въ большой бѣдности, то есть безъ средствъ къ жизни. Въ великость ума этихъ людей я вѣрить не могу, какъ потому, что истинно умный человѣкъ долженъ скорѣе и ловче найтиться къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни, какъ самой необходимѣйшей потребности къ существованію, чѣмъ глупый; такъ и оттого,

что гораздо легче прослыть въ свѣтѣ глупому — умнымъ, чѣмъ честнымъ образомъ нажить состояніе: только ловко пусти людямъ пыль въ глаза, то они тебя и запишутъ въ умницы, ибо имъ это ничего не стоитъ; но чтобы отъ нихъ получить средства къ жизни, то надобно по крайней мѣрѣ пустить имъ пыль въ глаза золотую. Я самъ не богатъ именно оттого только, что во время моей дѣятельной жизни недовольно былъ смѣтливымъ.

Крайне необходимо, юноша, трудиться всю свою жизнь къ благородному и безукоризненному пріобрѣтенію этихъ средствъ къ жизни (денегъ); а пріобрѣтенныя уже беречь и сохранять какъ свое здоровье, какъ свою жизнь, которая безъ нихъ также несносна и несчастна, какъ и безъ здоровья; но притомъ берегись, чтобы пріобрѣтеніемъ неправымъ, или основаннымъ на гибели ближняго, или вообще какимъ бы то ни было путемъ не безгрѣшнымъ, не замарать своей чести и своего добраго имени.

Также всегда помни, чтобы не завладѣла тобою страстная любовь къ деньгамъ, подобная видѣнной мною на одномъ перекрестѣ, который, любя деньги сердцемъ, душею и всѣмъ помышленіемъ, высыпавъ на столъ новые полуимперіалы, гладилъ и осязалъ ихъ руками, раздвигалъ врозь, сдвигалъ въ одно мѣсто, страстными глазами смотрѣлъ на нихъ, улыбался имъ, и, по реченію умнаго человѣка, глядѣлъ на нихъ, сохъ, и не могъ насытить своего взора. Такая душевная любовь къ деньгамъ есть заблужденіе, унижающее человѣка. Съ нею онъ неминуемо долженъ сдѣлаться скупцемъ, скрягою, безбожникомъ и, признавъ золото своимъ идоломъ, долженъ будетъ ему служить какъ демону; потеряетъ совѣсть, честь и самую вѣру, и заслуживъ ненависть и презрѣніе людей, за золото будетъ въ состояніи продать свою душу.

Я люблю деньги, не какъ деньги, а какъ представителей всего для жизни не-

обходимаго, и берегу ихъ какъ нельзя болѣе; но за мои потребности, за мою выгоду, плачу ихъ съ удовольствіемъ. Совѣтую и тебѣ, юноша, поступать также.

Расходы.

Расходы свои, юноша, веди по завѣту маменьки, которая отпуская въ свѣтъ своего сына, благословила его и сказала: «подними, сынъ мой, правой твоей руки два пальца, указательный и средній»; потомъ продолжала: «вотъ тебѣ мой завѣтъ, и мое наставленіе», и указавъ на средній палецъ — «это, чтобы всегда былъ твой приходъ» потомъ на указательный — «а это расходъ»; то есть, чтобы приходъ былъ всегда болѣе расхода.

Надобно всегда вести свои расходы съ величайшимъ расчетомъ, воздержностію и строгостію, удерживать всякій грошъ, каждую копейку до послѣдней возможности и расходовать только на то, безъ чего обойтиться невозможно, потому, что и

одно это необходимое требуетъ много денегъ. Притомъ никогда не должно забывать, что чѣмъ болѣе останется въ карманѣ денегъ, тѣмъ лучше, потому, что очень важно всегда имѣть ихъ сколько нибудь въ запасѣ, какъ говорится — на черный день, то есть на случай продолжительной болѣзни, или другихъ какихъ либо непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ въ жизни неблагопріятныхъ приключеній.

Первое мѣсто въ твоихъ расходахъ, юноша, должны занимать слуги. Они всегда должны быть сыты, хорошо одѣты, имѣть свои постели, и хотя немного карманныхъ денегъ, и быть своимъ положеніемъ вполнѣ довольными. Тогда только они могутъ служить тебѣ съ усердіемъ и любовію, и тѣмъ сберечь для тебя многое. Потомъ самому надобно одѣваться хорошо, прилично и скромно. Квартира у тебя должна быть сухая и чистая, пища свѣжая и сытная. За все это, какъ за главныя въ жизни потребности надо

платить деньги съ охотою. Кромѣ того есть много-премного мелочныхъ необходимостей, которыя также составятъ значительный расходъ. А всѣ расходы вмѣстѣ, при самомъ строгомъ расчетѣ, по истеченіи года покажутъ тебѣ такой итогъ, что ты удивишься.

Для расходовъ имѣй книгу, въ которую записывай всѣ выдачи денегъ, до послѣдней копейки каждый день. Это очень полезно и поучительно, какъ для того, чтобы по истеченіи каждаго года могъ видѣть ты сколько и на что именно израсходовано, и какимъ образомъ на будущее время предрасполагать правильнѣе свои расходы, безъ большихъ ошибокъ; такъ и къ тому, чтобы этимъ средствомъ пріучить себя знать цѣну вещамъ, и тѣмъ предохранить себя отъ значительнаго обмана.

Расходовать, или лучше сказать, жить съ расчетомъ и экономіею, значитъ удвоить свои средства для жизни. Дѣлать же то безъ расчета, значитъ безпорядоч-

но прожить и неминуемо потерять свое состояніе, какое бы оно ни было. Сверхъ того, хорошій расчетъ веселитъ человѣка, пріятно льститъ его самолюбію и водворяетъ во всей его жизни добропорядочность и согласіе, и напротивъ нерасчетливость печалитъ и мучитъ его: онъ тогда видитъ каждый день безполезные расходы, убытки, разорительныя потери, огорчается, досадуетъ, смѣняетъ ошибочный расходъ другимъ, еще болѣе ошибочнымъ, и такимъ образомъ, идя отъ потери къ потерѣ, совершенно портитъ свои обстоятельства, разстроиваетъ состояніе и наконецъ вовсе его лишается.

Вотъ нѣкоторыя понятія о хорошемъ расчетѣ: не имѣя своего обезпеченнаго состоянія, не жениться на бѣдной; всѣ необходимыя для жизни вещи покупать всегда въ хорошихъ лавкахъ, или у хорошихъ мастеровъ, лучшаго качества, а отнюдь не дурныя — дешевыя, потому, что эти послѣднія всегда бываютъ къ продолжительному употребленію мало-

годны. Прислуги держать какъ можно менѣе, но хорошую, и содержать ее наилучшимъ образомъ. Всю свою одежду для презентабельныхъ мѣстъ имѣть новую, сообразную съ модой, а для мѣстъ невидныхъ и для ненастной погоды — постарѣе и попроще. Затѣй не по силамъ не допускать, а что допущено, должно быть всегда прилично и хорошо, но отнюдь не скудно. Ни въ чемъ ни на одинъ день не терпѣть никакой порчи, а тотчасъ чинить и исправлять; не заводить никакихъ вещей, безъ которыхъ можно обойтись, какъ бы дешево ни было ихъ пріобрѣтеніе, а имѣть только однѣ необходимыя. Сберегать какъ можно деньги, и прочее.

Совѣтую тебѣ еще, юноша, при первомъ полученіи твоемъ дохода или жалованья, отдѣлить хотя маленькую частичку и положить въ видѣ неприкосновеннаго капитала въ кредитное установленіе для приращенія процентами, и впослѣдствіи, при каждомъ новомъ полученіи, по воз-

можности, дѣлать то же и дать себѣ слово, безъ крайней нужды изъ этой суммы не брать ни копейки. Это будетъ для тебя собственная твоя эмеритура, то есть, деньги для обезпеченія твоей старости отъ нужды и бѣдности; это же самое пріучитъ тебя къ необходимой бережливости.

Чтеніе.

Будь, юноша, всегда во всемъ любознательнымъ, и все свободное отъ занятій и дѣлъ твоихъ время употребляй на чтеніе, крайне въ жизни необходимое, которое болѣе всего обогащаетъ умъ нашъ полезными свѣдѣніями. Въ выборѣ книгъ имѣй одно въ предметѣ, чтобы почерпать изъ нихъ какое нибудь для тебя новое познаніе. Современныхъ же, пресыщенной Западной Европы романовъ, наполненныхъ изысканными, уродливыми, отчаянными чувствами и возмущающими духъ кровавыми картинами, убивающими все отрадное, все утѣшительное въ жиз-

ни, не бери и въ руки, какъ произведеніе ядовитое, могущее отравить жизнь твою.

Изъ всего, что будешь когда либо читать, дѣлай самыя краткія выписки и вноси ихъ въ нарочно заведенную для того книгу, чтобы по временамъ могъ ты перечитывать и такимъ образомъ освѣжать ихъ въ своей памяти. Безъ этого пособія, при малѣйше слабой памяти, въ головѣ твоей отъ продолжительнаго и разнообразнаго чтенія, сдѣлается такой хаосъ, что начавъ разговоръ объ одномъ авторѣ или книгѣ, будешь ты ихъ смѣшивать и оканчивать другими, что производитъ непріятное замѣшательство.

Поле житія.

Вотъ мы уже, юноша, разобрали и разсмотрѣли, съ посильнымъ вниманіемъ и усердіемъ, значительную часть правильныхъ и неправильныхъ понятій, влеченій, наклонностей и обстоятельствъ нашей жизни, и основываясь на новыхъ своихъ

убѣжденіяхъ, отринувъ отъ себя все худое и водворивъ въ себѣ все хорошее, совершимъ тѣмъ предпринятое нами сформированіе и переформированіе самихъ себя. Потомъ съ молитвою и вѣрой, подъ кровомъ законной власти, съ пламеннымъ стремленіемъ къ добру, съ полною готовностію принимать все непріятное мягкимъ сердцемъ, съ огромнымъ запасомъ терпѣнія, вступимъ рѣшительно, на зыблемое хитростями поле-житейское, на которомъ должны дѣйствовать и трудиться.

Что же такое есть это хитрое поле житейское? — Поле житейское, есть вся наша жизнь, которую мы должны пройдти въ полной и непосредственной зависимости отъ людей, нашихъ, какъ мы уже видѣли, непостижимыхъ братьевъ, и непремѣнно по ихъ кодексу называемому общежитіемъ, потому, что эти наши братья, то есть люди, въ томъ вниманіи, что человѣчество вообще, по несовершенству своей природы, не могло бы переносить

всегда колючей, голой правды не возмущаясь, для болѣе кроткаго и ласковаго, взаимнаго межъ собой обращенія, основали науку жизни на этомъ общежитіи. Это хитрое общежитіе, базисъ нашей жизни, есть тончайшее, какое только могъ придумать людской умъ, поведеніе человѣка, въ отношеніяхъ его къ людямъ всѣхъ сословій и состояній. Общежитіе, или иначе сказать, человѣческій умъ, который трудится неусыпно на томъ, чтобы для успѣшнаго дѣйствія съ людьми, приноровляясь къ ихъ понятіямъ, къ ихъ нраву и къ ихъ желаніямъ служить имъ и дѣлать для нихъ всевозможное угожденіе, и такимъ образомъ снискать себѣ ихъ доброе расположеніе. Вотъ, любезный юноша, что такое есть поле житейское! И хотя по истинѣ оно очень хитро и тернисто, но именно по немъ проходитъ жизнь всѣхъ людей, на немъ же и ты долженъ совершить свою.

Боюсь я, чтобы ты, юноша, будучи можеть быть очень юнымъ, этого всѣми принятаго общежитія не понялъ превратъ-

но и не подумалъ, что надобно сдѣлаться обманщикомъ или коварнымъ лицемѣромъ. Нѣтъ, это двѣ вещи совершенно разныя. Для лучшаго твоего уразумѣнія привожу тебѣ примѣръ: встрѣчаешь ты, положимъ, отъявленнаго недоброжелателя и во всемъ дурнаго человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его отношеніямъ и степени, на которой онъ стоитъ, человѣка сильнаго; то вмѣсто того, чтобы обнаружить къ нему явную ненависть и отвернуться отъ него, ты долженъ, не показывая къ нему ни малѣйшаго перасположенія, обойтись съ нимъ учтиво и вѣжливо. Это есть общежитіе. Безстыдные же и безчестные — обманъ и коварство суть слишкомъ извѣстные пороки, чтобы имъ приводить примѣры.

Знаніе общежитія не только не считается порокомъ, но большимъ достоинствомъ.

Состояніе.

Теперь слѣдуетъ объяснить: что именно заставляетъ насъ такъ низлагаться передъ

людьми, угождать имъ и дѣйствовать несообразно ни съ нашими идеями, ни съ нашими правилами, ни съ нашимъ желаніемъ; чего намъ надобно отъ людей, о чемъ хлопочемъ мы, къ чему стремимся, что составляетъ предметъ, цѣль нашихъ исканій? Вотъ что: нельзя не согласиться, что весь міръ, весь земной шаръ, и все что на немъ и въ немъ создано собственно для человѣка, потому, что люди, одни люди, наши ближніе и братья, суть повелителями и обладателями всей земли, всѣхъ ея сокровищъ и всего того, безъ чего мы не можемъ существовать. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ со всѣмъ міромъ и мы никакъ не можемъ избѣжать отъ ихъ зависимости; да и самая наша жизнь находится въ ихъ власти. Притомъ еще надобно знать, что за исключеніемъ очень малаго числа прямо родившихся богатыми, всѣ люди должны безпрестанно трудиться для того, чтобы сдѣлать свою карьеру, то есть, чтобы въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ честнымъ

образомъ пріобрѣсти состояніе, которое дало бы человѣку возможность жить прилично съ его семействомъ; а на старости, когда уже онъ не будетъ въ состояніи болѣе дѣйствовать и пріобрѣтать, жить независимо, безъ нужды и наконецъ, чтобы умирая оставить свою семью съ благороднымъ обезпеченіемъ. Безъ состоянія же, человѣкъ не только ничего этого сдѣлать не можетъ, но на старости своей испивъ горькую чашу нищеты, крайней зависимости и всевозможныхъ лишеній, долженъ погибнуть преждевременно въ самомъ жалкомъ положеніи. Да, точно, состояніе есть самый существенный предметъ, самая главная цѣль всѣхъ нашихъ трудовъ, всѣхъ нашихъ исканій и заботъ. Изъ этого обнаруживается, что кромѣ безусловной нашей личной отъ людей зависимости, если притомъ мы не имѣемъ независимаго состоянія, для насъ какъ самая наша жизнь необходимаго, то ни отъ кого болѣе не можемъ пріобрѣсти его, какъ только отъ нихъ.

Вотъ почему, юноша, мы не можемъ миновать людей, а должны волею или неволею изучать и исполнять ихъ уставы, законы, прихоти, переносить ихъ своеволія, капризы, несправедливости, и угождать имъ безусловно; и въ этомъ-то именно заключается умѣнье жить на свѣтѣ.

Обезпеченіе.

Какъ намъ, юноша, уже извѣстно, что пріобрѣтеніе состоянія есть самый важнѣйшій предметъ нашихъ трудовъ и нашихъ стараній, то и долженъ ты денно и нощно, на службѣ и на досугѣ, всякій часъ, всякую минуту помнить и стремиться къ тому, чтобы благороднымъ и честнымъ образомъ обезпечить себя состояніемъ, не пропуская ни одного благопріятнаго къ тому случая. Бодрствуй какъ часовой на стражѣ, подсматривай, зыкапывай, создавай себѣ случаи, и первымъ представившимся воспользуйся, не забывая никогда о томъ, что возмож-

ное сегодня, завтра можетъ сдѣлаться невозможнымъ.

Большая часть молодыхъ людей, выйдя въ свѣтъ, въ чаду своего юнаго воображенія, строятъ въ головѣ своей воздушные замки, предаются самымъ несбыточнымъ надеждамъ, и погребая въ нихъ, такъ сказать, свои мысли, презираютъ представляющееся существенное, не обращаютъ на обыкновенныя дѣла никакого вниманія, упускаютъ благопріятные къ обезпеченію себя состояніемъ случаи, небрегутъ своею службой, своими обстоятельствами, какъ дѣлами ничтожными, недостойными ихъ; и заслуживъ такимъ образомъ справедливую у своего начальства репутацію — нерадивыхъ, теряютъ службу, а съ нею свою карьеру и свою будущность. Тогда только открываютъ они глаза и видятъ свою гибель; но благопріятное время уже прошло, случаи пролетѣли, службы и состоянія нѣтъ, и они погибаютъ.

Я самъ, будучи зеленымъ прапорщи-

комъ, подобно имъ, сознавалъ въ себѣ самомъ слишкомъ много силы и способностей, чтобы могъ тогда помышлять о малозначащемъ своемъ обезпеченіи, и разсуждая со своими товарищами о предстоящей намъ будущности, мыслилъ про себя: разсказывайте, друзья мои, что хотите, но я вижу ясно, что вы ничего не понимаете и ни чѣмъ не занимаетесь, а проводите дни въ лѣни, въ пустой болтовнѣ, играете въ карты, кутите и бьете баклуши. Я же буду трудиться безпрестанно всю свою жизнь, не потеряю ни одной минуты безполезно, не истрачу ни одного гроша попусту, а въ дѣлахъ важныхъ и трудныхъ буду крѣпко смѣкать, и надѣюсь найтиться съ умомъ и характеромъ; такъ не можетъ быть чтобы я не дослужился и не сдѣлался великимъ человѣкомъ, полнымъ генераломъ, фельдмаршаломъ, не нажилъ бы огромнаго состоянія, и наконецъ не сталъ бы государственнымъ, необходимымъ для отечества, человѣ-

комъ. И въ эту свою сладкую мечту вѣровалъ я до такой степени, что если бы дѣйствительно мнѣ въ то время предложили чинъ фельдмаршала, и по чину состояніе, съ однимъ условіемъ отказаться отъ всѣхъ моихъ блестящихъ надеждъ и отъ моей прапорщичьей службы, то я бы, кажется, на то не согласился. Прослуживъ послѣ того двадцать лѣтъ, я уже не мечталъ быть и простымъ генераломъ, а трудился и думалъ только объ исполненіи моихъ обязанностей и объ обезпеченіи своей старости.

Такъ опытъ и зрѣлость перемѣняютъ наши идеи, а съ ними вмѣстѣ и наши желанія!

Не заносись, юноша, твоей мечтой слишкомъ высоко, не ослѣпляйся твоими надеждами, которыя неопытное твое воображеніе будетъ переносить за предѣлы возможности и благоразумія. Не довѣряй имъ, не ищи огромнаго; но обезпечь себя прежде необходимымъ, которое не только не помѣшаетъ твоимъ

гигантскимъ надеждамъ, но напротивъ, дастъ тебѣ возможность дѣйствовать смѣлѣе и съ бо̀льшею увѣренностію. Самое небольшое состояніе, вѣрно обезпечивающее тебѣ и твоему семейству благородное существованіе, достаточно для твоего счастія. Мирись на немъ смѣло, и знай, что имѣя въ рукахъ маленькое состояніе, гораздо легче и вѣрнѣе его увеличить и удвоить, чѣмъ не имѣя ничего и презирая малое, искать многаго въ пространномъ мірѣ. Однимъ словомъ, не теряя ни одной минуты старайся обезпечить себя состояніемъ: остальное все придетъ само собою. Притомъ не забывай никогда, что во всякое время ты можешь подвергнуться тяжкой и продолжительной болѣзни, лишиться не только дѣйствія, но и самаго движенія. Въ такомъ случаѣ всѣ твои сладкія мечты лопнули бы какъ мыльный пузырь, а ты самъ могъ бы очутиться въ нищетѣ.

Привычка.

Ознакомясь съ побудительными къ предстоящему намъ дѣйствію причинами, обратимся теперь къ средствамъ вспомогательнымъ.

Господи! Какихъ средствъ не даровалъ Ты, Милосердый, человѣку для того, чтобы онъ могъ владѣть собою и, по указанію своего разсудка, направлять себя прямо къ своему счастію!

Возьмемъ напримѣръ привычку. Къ чему нельзя привыкнуть, и чего не можетъ сдѣлать изъ себя человѣкъ одною привычкой? Привыкнуть можно ко всегдашнему угожденію другимъ, къ терпѣнію, къ умѣренности, къ дѣятельности, къ трудамъ. Можно также пріучить себя любить людей, свои обязанности, свое, какое бы оно ни было, состояніе, свою прислугу, свою комнату, кресло, чашку и всю свою мелочь до послѣдней бездѣлки. Даже можно привыкнуть къ бѣд-

ности, къ шуму, крику, къ тревогѣ, къ самымъ тяжкимъ трудамъ, къ величайшимъ непріятностямъ, и наконецъ къ самой неволѣ. Съ другой стороны, можно привыкнуть къ роскоши, къ мотовству, къ презрѣнію всѣхъ благъ, къ бездѣйствію, къ лѣни, ко лжи, къ пьянству, къ буйству, къ воровству, къ грабежу, къ разбою. Однимъ словомъ, человѣкъ привычкою можетъ дойдти до величайшихъ добродѣтелей, и черезъ нее же онъ можетъ низойдти до самыхъ ужасныхъ пороковъ, отчего и пословица: «Привычка — вторая натура».

Вникни только хорошенько твоею мыслію, юноша, въ эту дѣйствительно чудную и всесильную привычку, и ты будешь пораженъ необъятнымъ полемъ ея владычества и самъ удостовѣришься, что съ помощію одной привычки можно сдѣлаться достойнѣйшимъ и счастливѣйшимъ, или самымъ негоднымъ и несчастнымъ человѣкомъ.

Сверхъ того постояннымъ, тихимъ и

услужливымъ своимъ обхожденіемъ можешь ты заставить привыкнуть къ себѣ людей, для тебя чужихъ, до такой степени, что сдѣлаешься у нихъ домашнимъ человѣкомъ.

Привычка есть самое сильнѣйшее для твоего преуспѣянія вспомогательное средство, можно сказать, удивительнѣйшее изъ всѣхъ, и такое могучее, что если ты его поймешь и воспользуешься имъ во всей полнотѣ, то можешь изъ себя сдѣлать прекраснѣйшаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ.

Не смотря на то, что люди или отъ непонятія, или отъ невниманія, очень мало и почти вовсе не пользуются этимъ всесильнымъ даромъ Божіимъ, ты имъ къ этомъ не подражай, и трудись надъ тѣмъ, чтобы безцѣнною привычкой идти вѣрно къ своему совершенствованію и къ своему благополучію.

Примѣры: 1-й) Для того, чтобы свои утреннія дѣла исполнять покойно, безъ всякой торопливости и тревоги, и что-

бы никогда ни къ какому дѣлу не опаздывать, добропорядочность требуетъ каждый день вставать рано. На этотъ конецъ, сообразно со своими обстоятельствами, назначь себѣ, юноша, часъ, въ который ты долженъ вставать рано каждое утро, и вели себя въ тотъ часъ будить силою. Сначала, вставать не выспавшись вдоволь, покажется для тебя непріятнымъ, но это будетъ продолжаться весьма недолго, такъ что послѣ нѣсколькихъ дней ты удивишься, какъ по силѣ привычки станешь самъ въ назначенный часъ просыпаться и вставать съ удовольствіемъ.

2-й) Въ домѣ тебѣ знакомомъ любятъ чтеніе. Узнавъ то, ты самымъ нечувствительнымъ и незамѣтнымъ образомъ дай понять, что любишь читать вслухъ, и когда тебѣ то будетъ предложено, то читай внятно, со вниманіемъ, останавливаясь кстати для разсужденія о прочитанномъ. Въ случаѣ недостатка въ томъ домѣ книгъ, старайся ихъ доставить, и

читай какъ можно чаще. При чемъ всегда помни, что какъ только чтеніе слушателямъ начнетъ надоѣдать, то подъ благовиднымъ предлогомъ тотчасъ его прекращай до другаго раза. Продолжая такимъ образомъ читать, ты ихъ заставишь привыкнуть къ себѣ, какъ къ родному, непремѣнно. Точно также можно располагать къ себѣ людей музыкою, гуляньемъ, пріятнымъ разговоромъ и прочимъ.

Искуственная помощь.

Еще вспомогательныя средства, могущія для тебя, юноша, быть полезными, состоятъ въ искуственной, въ случаѣ нужды, поддержкѣ твоей человѣческой слабости, и въ облегченіи твоей несовершенной памяти.

Въ жизни человѣка случаются иногда минуты слабости и изнеможенія, въ которыхъ самые сильные волею и духомъ люди бываютъ не въ состояніи противо-

стать своей слабой природѣ. Для этого, конечно, лучше всего имѣть добрыхъ друзей, которые могли бы насъ въ такомъ случаѣ поддержать. Сверхъ того, можно укрѣплять себя искуственною помощію, какъ-то дѣлалъ, напримѣръ, нашъ незабвенный Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, который, при всей своей желѣзной волѣ, нашелъ нужнымъ приказать человѣку, одинъ разъ навсегда, будить его не иначе, какъ произнося громко и внятно: «Извольте вставать; фельдмаршалъ приказалъ» (фельдмаршалъ этотъ былъ онъ самъ). При этихъ словахъ Генералиссимусъ въ ту же минуту вскакивалъ и говорилъ: «Какъ, фельдмаршалъ? Ну такъ давай скорѣе одѣваться». Такимъ образомъ этотъ необыкновенный человѣкъ искуственно помогалъ своей безпримѣрной волѣ. Въ томъ же смыслѣ, другой нашъ знаменитый Фельдмаршалъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій приказалъ нарочно въ своемъ дворцѣ, межъ рос-

кошныхъ мебелей, поставить простыя дубовыя скамейки, и садился на нихъ, какъ самъ говаривалъ, для того, чтобы не забывать, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

Такъ если эти геніальные люди находили надобность употреблять искуственную помощь, то какъ же намъ, юноша, людямъ обыкновеннымъ, не прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ искуственнымъ пособіямъ для поддержанія нашей слабости и нашего несовершенства!

Другая искуственная помощь состоитъ въ облегченіи своей памяти. Чтобы помнить время происшествій, имена и отчества людей, названія вещей и дѣлъ, надобно относить ихъ къ тѣмъ своимъ собственнымъ или общественнымъ событіямъ, которыя не могутъ никогда изгладиться изъ нашей памяти, какъ напримѣръ: въ какое время ты былъ отданъ въ учебное заведеніе или пансіонъ, когда поступилъ на службу, когда ѣздилъ въ отпускъ, когда были кампаніи Венгер-

ская, Крымская, и тому подобныя событія; и потомъ припоминать себѣ, прежде или послѣ ихъ совершилось то произшествіе, о которомъ идетъ вопросъ.

Я, напримѣръ, не могъ помнить слова автоматъ, и чтобы не забывать его, обратилъ особое вниманіе на то, что оно начинается буквою *а*, и что за нею тотчасъ же слѣдуетъ буква *в*; вспомнивъ то, всегда легко припоминаю себѣ это слово. Также, чтобы вспомнить битву подъ Ульмомъ, которой названіе всегда забывалъ, замѣтилъ я, что отъ Кульма отнявъ первую букву *К*, останется ульмъ; и помня это, теперь Ульмской битвы никогда забыть не могу. Или въ именахъ, напримѣръ, моихъ знакомыхъ замѣчаю всегда, что такой-то имѣетъ одинакое имя съ такимъ-то и прочее.

На все это могъ я тебѣ, юноша, только дать, такъ сказать, канву, а твоимъ уже будетъ дѣломъ шить по этой канвѣ такъ, какъ то тебѣ позволятъ дѣлать твое стараніе и твоя смышленость.

Веселая шутка.

Прелесть нашего міра, необъятная масса его сокровищъ, очевидно приноровленныхъ къ человѣческой природѣ и къ его чувствамъ, владычество человѣка надъ міромъ, и неизчислимыя средства, дарованныя ему для пріятности и услажденія его жизни, все это доказываетъ ясно, что человѣческая жизнь на землѣ должна быть полна радости, веселія и счастія.

Въ ряду этихъ неизчислимыхъ средствъ, данныхъ человѣку къ его счастію, важное мѣсто должна занимать веселая шутка, очень немногимъ изъ людей знакомая.

Для познанія этой веселой шутки надобно, прежде всего, представить себѣ, какъ вообще веселый человѣкъ пріятенъ въ жизни, и какое великое наслажденіе жить съ такимъ человѣкомъ въ близкихъ сношеніяхъ. Потомъ надобно всмотрѣться въ людей веселыхъ, такъ мило зани-

мающихъ общество, которые не только развеселяютъ печальныхъ, но низводятъ улыбку на чело самыхъ смутныхъ, понурыхъ и суровыхъ людей, и заставляютъ ихъ выходить изъ своего вѣчно-тяготѣющаго и угнетеннаго состоянія. Смотрите, какъ они всегда милы и пріятны, какъ вокругъ ихъ все смѣется, улыбается, радуется, и какъ изъ ихъ бесѣды несносная скука исчезаетъ подобно дыму! Люди эти суть истинные властелины человѣческихъ сердецъ. Это просто для человѣчества благодатные духи радости.

Но чѣмъ именно эти люди такъ благодѣтельно дѣйствуютъ на человѣчество?— Ни чѣмъ болѣе, какъ веселою шуткой, которая одушевляетъ всякое общество, наводитъ на безконечные предметы къ разговору, равно властвуетъ надъ добрымъ и надъ злымъ, заставляетъ забывать всѣ горести жизни, и выводя изъ дурнаго, ставитъ каждаго въ наилучшее расположеніе духа.

Совѣтую тебѣ, юноша, изучить эту ми-

лую веселую шутку, и водворить ее въ самомъ себѣ вотъ какимъ образомъ: начни отдаленіемъ отъ себя всего угрюмаго и въ особенности всякой *важности;* потомъ съ легкостію и веселымъ духомъ, заставь себя насильно играть въ обществѣ, какъ на театрѣ, ролю весельчака; вникай во всѣ подробности и оттѣнки этой роли, чтобы какъ можно лучше и натуральнѣе выполнять ее, и дѣлай то сегодня, завтра, мѣсяцъ, годъ и всю свою жизнь. Сначала, безъ сомнѣнія, это будетъ для тебя трудно, непріятно и неудобоисполнимо; но при твоемъ твердомъ постановленіи и настойчивости, это твое дѣйствіе съ каждымъ днемъ будетъ для тебя становиться легче и пріятнѣе. Для лучшаго себя къ этому предрасположенія надобно пріучаться къ веселости всегда и вездѣ, какъ только позволяетъ возможность. У себя дома, напримѣръ, всегда пой, насвистывай, шути со всѣми, и въ особенности со своими людьми, а на воздухѣ бѣгай, рѣзвись, садись на

траву; однимъ словомъ шали съ безпечностію и легкостію ребенка. Дѣйствуя такимъ образомъ, ты непремѣнно сдѣлаешься веселымъ и пріятнымъ человѣкомъ, и всѣ люди будутъ тебя любить и радоваться твоему сообществу.

Прошу не затрудняться.

Ничто, кажется, столько не губитъ преуспѣянія нашего въ дѣлахъ, какъ наше собственное затрудненіе, къ которому мы по природѣ своей наклонны до того, что достаточно не обратить на эту дурную наклонность особеннаго вниманія, чтобы водворить въ себѣ несчастную привычку во всемъ затрудняться и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлаться неспособнымъ ни къ какому дѣлу.

Затрудненіе это очень часто дѣлаетъ намъ великія пораженія и несчастія, напримѣръ: заболѣвъ, хотя бы отъ простуды, затруднился я принять тотчасъ мѣры къ выздоровленію и думаю — пройдетъ, или еще успѣю, а болѣзнь вдругъ обра-

тилась въ неисправимую. Надобно въ домѣ починить печки, я затруднился приказать то сдѣлать немедленно, и мой домъ сгорѣлъ. Надо записать дневной расходъ, я затруднился исполнить то сегодня, а завтра позабылъ объ немъ, и мои счеты невѣрны.

Затрудняющійся человѣкъ находитъ безчисленныя препятствія во всемъ. Надобно, положимъ, похлопотать ему о важнѣйшемъ для него дѣлѣ; онъ, вмѣсто того, чтобы не смотря ни на какія преграды и неудобоисполненія приняться за него тотчасъ какъ можно плотнѣе, начинаетъ затрудняться: то нежеланіемъ ставить себя въ непріятное положеніе просителя, то увѣренностію не застать такого-то дома, то погодою, то поздною порою, то вѣчнымъ *не хочется*, а чаще всего онъ упираетъ на то, что еще успѣетъ, и такимъ образомъ упускаетъ благопріятное время; а дѣло между тѣмъ не ждетъ его, идетъ себѣ, идетъ, да и прошло безвозвратно.

Къ несчастію знаю я, что для возбужденія въ легкомысленномъ юношествѣ особеннаго къ чему нибудь вниманія надобно, по крайней мѣрѣ, поразить его воображеніе, безъ чего оно все, что ему ни пиши, прочтетъ, да и положитъ безъ всякаго исполненія. И отъ этого моего знанія придумать не могу достаточнаго убѣжденія къ тому, чтобы вопіющую необходимость — сдѣлать привычку никогда ни чѣмъ не затрудняться, сперва тебѣ, юноша, живо и ясно передать, а потомъ, къ этому важнѣйшему откровенію нашей жизни вызвать все твое вниманіе и всю твою дѣятельность; а потому, опираясь на слабую надежду, что авось, читая эту мою книгу, ты можешь возъимѣть ко мнѣ столько довѣрія, что послѣдуешь мнѣ, рѣшаюсь представить тебѣ самого себя въ руководство и объяснить, какъ я самъ поступаю въ этомъ случаѣ.

Постигнувъ величайшую пользу этого важнаго откровенія, изъ опыта узналъ я, что не имѣю ни довольно силы, ни доста-

точно воли для того, чтобы могъ никогда ни чѣмъ не затрудняться; почему и прибѣгъ я къ маленькой противъ самого себя сноровкѣ, то есть при встрѣчѣ какъ въ важныхъ, такъ и въ самыхъ малѣйшихъ дѣлахъ, преграды и неудобоисполненія немедленно произношу я громогласно: «N. N. (мое имя и отчество) прошу не затрудняться»! и съ этими словами бросаюсь на затрудненія, какъ говорятъ Французы, обѣими ногами. Шутка эта, къ которой я привыкъ, такъ сильно движетъ моимъ бездѣйствіемъ, что всякій разъ вырываетъ меня, можно сказать, изъ самаго лѣниваго и нерѣшительнаго расположенія, и съ ея же пособіемъ достигъ я до того, что теперь считаю удовольствіемъ встрѣчать и преодолѣвать всякое затрудненіе.

Если ты, юноша, дѣйствительно надѣленъ тѣмъ зоркимъ вниманіемъ и тою умственною легкостію обнимать вещи, которыми отличается умный человѣкъ отъ ограниченнаго, то поймешь вполнѣ

всю важность этой благой шутки и не замедлишь ее себѣ усвоить; а дѣла твои послѣ того не пойдутъ, а полетятъ, и ты самъ удивишься огромнѣйшему своему во всемъ преуспѣянію.

Девизъ.

Изъ всѣхъ земныхъ существъ человѣкъ родится на свѣтъ самымъ безпомощнымъ, самымъ беззащитнымъ и самымъ слабымъ, очевидно для того, чтобы къ сохраненію и продолженію своего существованія онъ былъ вынужденнымъ, руководствуясь непрестанно даннымъ ему отъ Бога единственнымъ его средствомъ— умомъ, проводить жизнь свою въ трудахъ, и чтобы онъ, какъ гласитъ святое писаніе, стяжалъ насущный хлѣбъ свой, то есть средства къ жизни въ потѣ лица.

А какъ всѣ рѣшительно эти средства къ жизни находятся въ рукахъ обладателей міра — людей, то весьма естественно мы, какъ было уже сказано выше, не

можемъ ихъ пріобрѣтать ни отъ кого болѣе, какъ отъ нихъ. Для чего, само собою разумѣется, надобно съ ними ладить, то есть, во всемъ имъ помогать, дѣлать имъ добро, сберегать ихъ интересы, трудиться для нихъ въ потѣ лица своего, и наконецъ всегдашнимъ угожденіемъ снискивать ихъ любовь и ласку.

Угожденіе, угожденіе! Божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачь и препятствій, нектаръ отъ жажды, небесная манна отъ голода, всесильное оружіе, равно побѣждающее и сильнаго и слабаго, и добраго и злаго, для котораго нѣтъ ни врага, ни мстителя!

Вотъ въ чемъ, юноша, заключается средство самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ, ключь, свѣтъ, истинный генералъ-басъ науки жизни. Крѣпко и долго подумай надъ нимъ; и если ты будешь въ состояніи вполнѣ его постигнуть и вполнѣ имъ воспользоваться, то въ преуспѣяніи твоемъ я тебѣ порукою.

Для угожденія людямъ не возможно дать тебѣ, юноша, полнаго наставленія, пото-

му, что каждому человѣку нужно угождать особеннымъ образомъ, соображаясь съ его умомъ, характеромъ и чувствами; отъ чего одному угодить легко, а другому чрезвычайно трудно. Я тебѣ укажу только нѣкоторыя общія мѣры, по которымъ ты собственнымъ своимъ умомъ и смѣтливостію долженъ будешь для всякаго составлять особый способъ угожденія.

Угождать надобно начальнику и подчиненному, сильному и слабому, умному и глупому, тому, съ кѣмъ дѣлаешь дѣла, и съ кѣмъ можетъ быть болѣе не встрѣтишься, своему слугѣ, мужику, всѣмъ и каждому; въ томъ святомъ убѣжденіи, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, лучше припасти для себя доброе расположеніе, чѣмъ ненависть. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы ихъ превратить въ своихъ друзей.

Ты будешь въ отношеніяхъ, а можетъ быть и въ зависимости у гордеца, обнаруживающаго къ тебѣ, въ присутствіи всѣхъ, явное презрѣніе; у недоброжелателя, над-

рывающагося на твою пагубу; у завистливаго, который будетъ сохнуть отъ твоихъ удачъ; у чудака, упорствующаго въ самыхъ безумныхъ и вреднѣйшихъ сужденіяхъ и поступкахъ; однимъ словомъ у людей переполненныхъ такими чудовищными, уродливыми и даже иногда злодѣйскими влеченіями (къ счастію, такіе люди довольно рѣдки), что они тебя сначала поразятъ, и отнимутъ у тебя къ угожденію имъ всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй, и къ принятію отъ такихъ людей всевозможныхъ непріятностей приготовь и предрасположи себя заблаговременно и рѣшительно, на тотъ конецъ, чтобы никакое зло, какъ уже предвидѣнное, не могло тебя поразить. Потомъ дай съ твердостію самому себѣ такой обѣтъ: «чѣмъ злѣе человѣкъ и его дѣйствіе, тѣмъ болѣе я долженъ изыскать мѣръ и приложить старанія къ тому, чтобы заслужить его къ себѣ доброе расположеніе непремѣнно, и тѣмъ отвратить отъ себя всякій, могущій произойти отъ его злости вредъ.»

Наконецъ вмѣни своему самолюбію въ торжество и славу, снискать расположеніе къ себѣ именно того, кому напруднѣе угодить.

Съ такимъ предрасположеніемъ самого себя, принявъ девизомъ: угодить — побѣдить, начинай дѣйствовать.

Обязанности.

Начало науки жизни составляютъ твои обязанности; а изъ нихъ самая святая есть твоя обязанность къ нашему благому Правительству, которому мы должны всѣми силами во всемъ вспомоществовать, хранить его и защищать жизнію и кровію, на службѣ и внѣ ея, въ дѣлахъ серьёзныхъ и въ забавахъ, утромъ и вечеромъ, всегда, вездѣ. Однимъ словомъ, послѣ Господа— Царю. Потомъ слѣдуетъ важнѣйшая и первѣйшая твоя обязанность, исключительно на тебя возложенная, то есть твоя служба.

Какъ въ хорошихъ часахъ, если каждая пружина, каждое колесо — весь составъ механизма, выполняетъ свое назначеніе

исправно, то они идутъ хорошо и вѣрно, такъ и въ образованномъ государствѣ, если многочисленные исполнители общественной службы, всѣ единодушно выполняютъ свои обязанности съ величайшимъ усердіемъ и совершеннымъ посвященіемъ себя своему долгу, тогда всякое предначертаніе Правительства осуществляется легко и скоро, всѣ дѣла идутъ успѣшно, своевременно и правильно. Если же, хотя часть изъ нихъ, станетъ исполнять долгъ свой слабо или недобросовѣстно, подобно испорченнымъ въ часахъ пружинамъ, то вся гармонія теряется, весь государственный механизмъ разстроивается и самое государство существовать не можетъ. Вотъ почему, юноша, государственная служба есть дѣло самое серьёзнѣйшее, которое всякій чиновникъ долженъ выполнять строже и святѣе, чѣмъ свои собственныя дѣла, тѣмъ болѣе, что упущенія въ своихъ дѣлахъ убиваютъ только одно семейство, а небреженіе общественной службы губитъ цѣлое общество.

Стало быть въ жизни человѣка строгое выполненіе службы должно быть первѣйшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ; остальное все второстепеннымъ.

Часто видишь на людяхъ, что человѣкъ съ весьма посредственнымъ воспитаніемъ и способностями, въ обязанности своей при самомъ началѣ службы, обращаетъ на себя особенное вниманіе начальства, и вскорѣ за тѣмъ пріобрѣтая значенія болѣе и болѣе, становится на своемъ мѣстѣ необходимымъ человѣкомъ, а потомъ вѣрнымъ ходомъ достигаетъ важныхъ степеней. Рядомъ же съ нимъ его товарищи и съ лучшимъ воспитаніемъ и съ большими способностями послужатъ, послужатъ, да и въ отставку, если имѣютъ наслѣдственное состояніе, а если его не имѣютъ, то перемѣняютъ мѣсто служенія, и потомъ опять его перемѣняютъ, а тамъ и совсѣмъ сходятъ со службы—Богъ знаетъ куда. Это происходитъ оттого, что первый началъ и продолжаетъ службу, что называется, труженикомъ, то есть служитъ съ любовію

къ своему дѣлу, съ полнымъ посвященіемъ себя своей обязанности, и трудится на ней усердно, преданно, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ умомъ. Онъ вѣкъ копается въ своихъ дѣлахъ; исполняетъ то, что велитъ долгъ, и что самъ можетъ придумать лучше для того, чтобы все выполнить точно, вѣрно, добросовѣстно, честно и скоро. Послѣ чего весьма натурально, что какъ начальники его и подчиненные, такъ равно и посторонніе люди, причастные къ совершающимся по его должности дѣламъ, имъ интересуются, къ нему прибѣгаютъ, его превозносятъ и величаютъ по отчеству. Въ это же самое время воспитанные лучше его товарищи, хотя также какъ и онъ постоянно являются на службу, и сходятъ съ нее въ назначенные часы, да они исполняютъ только то, чего не исполнить невозможно, и что именно прикажетъ начальникъ; сами же, какъ люди образованные, преимущественно занимаются своимъ умомъ, воспитаніемъ, нарядомъ, политикой, дипломаціей, отношеніями большаго свѣта и прочее. И какъ

все это въ прямыя ихъ обязанности вовсе не входитъ, то и не ведетъ ихъ ни къ чему, и они никогда не выходятъ изъ многолюдства. Какой же нибудь Григорій Ивановичъ, хотя и не съ блестящимъ воспитаніемъ, да какъ труженикъ самъ себѣ проложилъ дорогу, всѣ его знаютъ, и далеко онъ опередилъ всѣхъ своихъ товарищей. Самая протекція и связи, безъ сомнѣнія, въ нашъ вѣкъ многозначащія, могутъ, конечно, крѣпко буксировать человѣка по его пути; но никогда не сильны дать ему значенія и хода пріобрѣтаемыхъ труженикомъ, собственными трудами, и забраніемъ серіёзныхъ дѣлъ въ свои руки.

Изъ всего вышесказаннаго обнаруживается, что самое главнѣйшее въ жизни, есть труженическое выполненіе своей служебной обязанности, и что вмѣстѣ съ тѣмъ оно же есть самое важнѣйшее дѣйствіе, котораго важнѣе ничего быть не можетъ. А потому служить надобно труженикомъ съ любовію, уваженіемъ и страхомъ къ своей обязанности. Да, точно, надобно служить со стра-

хомъ, потому, что отъ службы зависитъ наша честь, наша репутація, нашъ умъ, наше самолюбіе и наши почести: а для бѣднаго человѣка сверхъ того служба есть его состояніе, его насущный хлѣбъ, его будущность, вещи, для которыхъ очень стоитъ трудиться съ полнымъ усердіемъ, тѣмъ болѣе, что полнѣйшимъ, труженическимъ выполненіемъ лежащей на насъ исключительной нашей обязанности, мы можемъ заставить уважать себя не только своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, но и самыхъ отъявленныхъ нашихъ недоброжелателей.

Потомъ идутъ твои обязанности къ подчиненнымъ, къ роднымъ, къ бѣднымъ, къ ближнимъ, или, лучше сказать, ко всему человѣчеству, которое въ какой бы горькой долѣ тебѣ ни представлялось, всегда должно быть тобою уважаемо съ живѣйшимъ участіемъ. Мѣру и образъ выполненія этихъ твоихъ обязанностей укажетъ тебѣ труженическое исполненіе исключительной или первѣйшей твоей обязанности.

Помни, юноша, что точное и полное выполненіе твоей службы, есть всесильное оружіе, которымъ ты можешь пробить себѣ дорогу, на какомъ угодно поприщѣ, безъ всякой другой помощи и покровительства.

Вниманіе.

Ничто такъ легко не располагаетъ людей въ нашу пользу, какъ наше къ нимъ вниманіе. Вниманіе, вниманіе! Хотѣлось бы мнѣ сто разъ повторить это слово для того, чтобы ты, юноша, никогда объ немъ не забывалъ. Вниманіе, эта магическая способность человѣка, этотъ несомнѣнный свидѣтель человѣческаго ума — всегда мило и пріятно для каждаго: оно ласкаетъ самолюбіе великихъ и привязываетъ къ намъ сердца малыхъ.

Внимательный есть самый пріятнѣйшій человѣкъ, на котораго всякій смотритъ съ удовольствіемъ и къ которому всѣ съ первой встрѣчи располагаются наилучшимъ образомъ.

Невнимательный человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о вниманіи къ людямъ и ко всему, что вокругъ его происходитъ. Для него самый опытъ не существуетъ, потому, что онъ ничего не замѣчаетъ, ничему не внемлетъ. Бѣдные его мозги въ сонномъ своемъ невниманіи, отъ бездѣйствія до того заплѣснѣютъ и закорѣютъ, что наконецъ почти совсѣмъ прекращаютъ свое отправленіе. Онъ никогда никого не знаетъ, ничего не помнитъ, ни о чемъ не вѣдаетъ, и жалуется на то, что никто въ немъ не беретъ участія, что никто на него, въ свою очередь, тоже не обращаетъ никакого вниманія.

Для вѣрнѣйшаго пользованія обворожительнымъ вниманіемъ, совѣтую тебѣ, юноша, завести, непремѣнно завести книгу, въ которую долженъ ты вписывать по алфавитному порядку имена и отчества всѣхъ твоихъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ, на тотъ конецъ, чтобы перечитывая ихъ отъ времени до времени, могъ ты каждаго называть по имени и отчеству;

что съ твоей стороны будетъ очень учтиво и внимательно, а для тѣхъ, которыхъ ты будешь такъ величать, чрезвычайно пріятно. Сверхъ того знаніе именъ и отчествъ будетъ тебя часто выводить изъ затрудненія при надобности писать письма къ старымъ своимъ знакомымъ, которыхъ долго не видалъ.

Примѣръ: Обѣдаешь ты у знатнаго лица и за столомъ, въ общемъ разговорѣ, какой нибудь значительный человѣкъ, съ которымъ ты никогда не имѣлъ и не имѣешь прямыхъ сношеній и самъ не знаешь его имени и отчества, вдругъ при всѣхъ называетъ тебя, человѣка малозначащаго, по имени и отчеству. Вообрази себѣ это живо, и ты поймешь, какъ было бы оно лестно и пріятно для твоего благороднаго самолюбія.

Никогда не долженъ ты, юноша, мыслію и взглядомъ своимъ по людямъ и обстоятельствамъ, такъ сказать, скользить; но всегда и вездѣ обращай какъ на людей безъ исключенія, такъ и на всѣ дѣла и

обстоятельства, какъ можно болѣе вниманія. Какъ бы ни было представляющееся тебѣ обстоятельство маловажно, не пропускай его никогда безъ вниманія; но остановясь на немъ, подумай и сообрази, отъ чего оно происходитъ, что значитъ и къ чему можетъ послужить; и если оно не представляетъ тебѣ ничего особеннаго, то пусть себѣ проходитъ, но оно всегда останется у тебя въ памяти.

Снисхожденіе.

Безъ снисхожденія жить и дѣйствовать съ людьми рѣшительно не возможно. Дѣйствующій человѣкъ немнуемо долженъ иногда встрѣчать въ людяхъ противъ себя невниманіе, неосторожность, или другіе какіе малые проступки. И если онъ въ такихъ случаяхъ не будетъ снисходить и великодушно прощать, то надѣлаетъ себѣ кучу враговъ.

При появленіи его, положимъ, въ гостиной, кто нибудь не оказалъ ему довольно вниманія; онъ въ отмщеніе за то явно по-

вернулся къ тому спиною, а тотъ этимъ обидѣлся — вотъ врагъ и готовъ. Въ театрѣ, напримѣръ, въ тѣснотѣ какой нибудь неловкій господинъ, отъ неосторожности, слегка его коснулся; онъ за то назвалъ господина невѣжею, а тотъ далъ ему пощечину — вотъ оба и погибли.

Къ подчиненнымъ надобно имѣть особенное снисхожденіе, потому, что они не только отъ невниманія и неосторожности, но отъ неспособности и лѣни, и даже отъ одной своей странности нерѣдко будутъ передъ тобою неправы. Такъ если ты имъ не будешь снисходить и сколько возможность позволитъ прощать, то или ты ихъ разгонишь, или подѣлаешь своими врагами.

У меня былъ одинъ подчиненный, преусердный и прекрасный исполнитель своей обязанности, но, по своему странному характеру, такой обидчивый, что трудно было съ нимъ говорить даже по службѣ. Я понялъ это, и всегда самымъ дружескимъ образомъ объяснялъ ему, что онъ

обижается вовсе несправедливо. Послѣ чего онъ каждый разъ хотѣлъ, казалось, надорваться, чтобы сдѣлать мнѣ угодное.

Снисходи и прощай непремѣнно, юноша, и вѣдай, что какъ бы ты ни былъ уменъ, добръ, внимателенъ и остороженъ, но по общему нашему несовершенству, ты передъ людьми не можешь быть всегда свято правымъ; а стало быть и другіе тебѣ должны будутъ снисходить столько же, сколько ты обязанъ то дѣлать для нихъ.

Талисманъ.

Всемірный приговоръ: «осторожность есть дочь премудрости» указываетъ людямъ, что для постоянной и всегдашней осторожности надобно величайшаго ума — свойства премудрости. Доказательствомъ тому служитъ то, что нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы сказать по совѣсти, что будучи въ продолженіе всей своей жизни достаточно осторожнымъ, онъ никогда ни кѣмъ не былъ обманутъ.

Осторожность въ практической жизни

болѣе необходима для человѣка, чѣмъ самое угожденіе, потому, что угожденіе служитъ человѣку къ его преуспѣянію, а осторожность къ сохраненію его самого. Она столько же потребна для человѣка, какъ самый его умъ, и безъ нее, какъ безъ ума, онъ жить не можетъ, а долженъ погибнуть.

Осторожность требуется въ дѣлахъ, въ сужденіяхъ, въ разговорахъ, въ пищѣ, въ питьѣ, во всемъ безъ исключенія; чаще же и болѣе всего она должна бодрствовать противъ обмана.

Жертвою обмана по большей части бываютъ люди честные, добрые, прямые, довѣрчивые, и обманъ этотъ, кажется, существуетъ преимущественно для нихъ, какъ для людей, которые, по своему благородству не подозрѣвая въ своихъ ближнихъ ничего предосудительнаго, не только вѣрятъ притворнымъ клятвамъ и слезамъ обманщиковъ, но и сами ввѣряются людямъ хитрымъ, низкимъ и безчестнымъ, безъ всякой осторожности.

Обманъ столько же изобрѣтателенъ и разнообразенъ, какъ самый умъ человѣческій; отъ чего нѣтъ никакой возможности ни описать необъятнаго круга его дѣйствія, ни изобразить всѣхъ его видовъ. А потому укажу я тебѣ, юноша, только нѣкоторые примѣры обмана.

Недавно видѣлъ я поразительный обманъ, котораго жертвою былъ прелюбезный и преблагородный молодой чиновникъ, занимавшій въ одномъ губернскомъ городѣ довольно почетную должность.

Винный откупщикъ, еврей, обдумавшій заблаговременно банкрутство, прибѣжалъ къ нему со слезами, какъ бы подъ его защиту отъ притѣсненій; разжаловался, что его угнетаютъ со всѣхъ сторонъ, въ особенности такой-то (называя значительное лицо, съ которымъ этотъ чиновникъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ) до того, что теперь за ничтожную сумму — двѣ тысячи рублей серебромъ, которыхъ не успѣли ему доставить въ эту минуту для взноса въ назначенный срокъ, хотятъ отнять у

него откупъ, и страшными взысканіями за неустойку лишить его имѣющагося у него значительнаго состоянія, и разорить въ конецъ. Почему молитъ его, одолжить ему эти деньги только на два дни, потому, что онъ съ минуты на минуту ожидаетъ присылки изъ уѣздовъ десяти тысячь рублей серебромъ, и тѣмъ спасти его со многочисленнымъ семействомъ отъ гибели. Неопытный молодой чиновникъ этотъ, въ благородствѣ и прямотѣ своего сердца, повѣрилъ плутовскому разсказу, и подстрекаемый ловко затронутымъ его самолюбіемъ, что имѣетъ случай сдѣлать перекоръ тому значительному лицу, съ которымъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, изъ состраданія къ критическому положенію откупщика, далъ ему взаймы двѣ тысячи рублей, безъ всякой корысти. Спустя послѣ того нѣсколько дней, имѣя уже этого чиновника въ рукахъ, еврей выманилъ у него опять двѣ тысячи; потомъ, стращая потерею занятыхъ прежде, вытянулъ еще пять тысячь, потомъ еще и еще.

Такимъ образомъ этотъ благороднѣйшій человѣкъ, не имѣя своихъ собственныхъ денегъ, задолжалъ болѣе пятнадцати тысячь рублей серебромъ, отдавъ ихъ всѣ обманщику-еврею, который вслѣдъ за тѣмъ объявилъ себя банкротомъ и — деньги пропали безвозвратно. Сверхъ того, дошло до свѣдѣнія начальства, что чиновникъ этотъ замотался, и онъ потерялъ мѣсто, а съ нимъ и свою карьеру.

Тотъ же самый еврей подослалъ своего клеврета къ одному старику-чиновнику, собравшему сорокалѣтнею своею службою и величайшею бережливостію капиталъ въ три тысячи рублей серебромъ, чтобы указать ему ловкимъ образомъ, что богачь-откупщикъ беретъ у всѣхъ, кто его попроситъ, капиталы на проценты и платитъ по десяти и болѣе процентовъ въ годъ. Чиновникъ этотъ, соблазнясь большими процентами, упросилъ откупщика, не желавшаго будто бы брать на проценты такой незначительной суммы, взять его тысячу рублей сереб-

ромъ; но вскорости послѣ того слыша, что этотъ откупщикъ находится въ худыхъ обстоятельствахъ, потребовалъ свои деньги назадъ. — Еврей съ улыбкою отвѣчалъ, что онъ для того только согласился взять у чиновника эти ничтожныя деньги, чтобы ему тѣмъ сдѣлать помощь, но что онъ въ нихъ вовсе не имѣлъ нужды, да и теперь не нуждается. Потомъ велѣлъ позвать своего кассира и спрашиваетъ: «Сколько теперь у насъ въ кассѣ на лицо денегъ»? На что кассиръ, такой же обманщикъ какъ и его хозяинъ, отвѣчаетъ: «тридцать тысячь рублей серебромъ». — «Такъ прошу тотчасъ же выплатить этому господину его тысячу рублей съ процентами, хотя по условію проценты ему не слѣдуютъ; но онъ человѣкъ небогатый, а мы отъ этого не разоримся». Чиновникъ, получа свой капиталъ, возвратился къ женѣ съ сожалѣніемъ, что взялъ назадъ отъ еврея свои деньги, лишась чрезъ то хорошихъ процентовъ. За тѣмъ, послѣ долгихъ раз-

суждений и толковъ, мужъ и жена увѣрились, что слухи о несостоятельности откупщика распускаются людьми изъ зависти, и рѣшили отдать ему на проценты весь свой капиталъ—три тысячи рублей. — Съ большимъ трудомъ уговорилъ чиновникъ разгнѣваннаго будто бы прежнимъ его поступкомъ откупщика, взять его капиталъ. А черезъ нѣсколько дней послѣ того этотъ откупщикъ былъ объявленъ банкрутомъ, и чиновникъ потерялъ всѣ свои деньги.

Сверхъ того я самъ зналъ нѣсколькихъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ и очень неглупыхъ людей, которые будучи соблазнены большими процентами, потерявъ свои капиталы отъ банкрутства того же откупщика, платили еще ему деньги за то, чтобы въ отвращеніе безславія не объявлялъ онъ о томъ, что имъ долженъ.

Послѣ этихъ примѣровъ, не трудно для тебя, юноша, вообразить себѣ тысячу способовъ, которыми безчестный чело-

вѣкъ можетъ тебя на всякомъ шагу обмануть. Почему хочу я указать тебѣ какъ противъ обмана, такъ и для собственнаго твоего сохраненія, общія мѣры осторожности.

Прежде всего сдѣлай себѣ всегдашнымъ правиломъ, никогда не предаваться своему первому движенію какъ въ отношеніи людей, такъ и во всѣхъ твоихъ дѣлахъ. Потомъ вмѣни себѣ въ неизмѣнный законъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, тотчасъ спросить себя самого и слѣдить внимательно о томъ, точно ли онъ тотъ, кѣмъ называется и кого собою представляетъ: можетъ быть это переодѣтый мошенникъ, плутъ, разбойникъ, неблагонамѣренный фискалъ, который хочетъ отъ тебя что нибудь выведать и вовлечь тебя въ худое дѣло, обыграть, или обворовать, или инымъ какимъ нибудь образомъ сдѣлать тебѣ несчастіе. За тѣмъ не обольщайся никакими золотыми обѣщаніями, въ особен-

ности большими процентами, чтобы не заслужить презрѣннаго названія ростовщика. Евреи, въ мѣстахъ ихъ жительства, грабятъ вѣкъ цѣлыя провинціи, соблазняя и обольщая людей большими процентами, и выдавая ихъ заимодавцамъ за нѣсколько лѣтъ впередъ изъ получаемыхъ отъ нихъ же вдолгъ денегъ, такимъ образомъ, что кредиторы, за полученіемъ изъ своихъ же капиталовъ, занимаемыхъ у нихъ евреями, большихъ процентовъ, впослѣдствіи, отъ банкрутства или несостоятельности евреевъ, теряютъ цѣликомъ самые капиталы.

Также если не желаешь нажить себѣ враговъ, то не смотря ни на какія просьбы, увѣренія, клятвы и распинанія, тѣмъ, которыхъ достовѣрно не знаешь за честнѣйшихъ и добропорядочнѣйшихъ людей, не давай вовсе взаймы денегъ ни гроша, потому, что нѣтъ легче средства наживать себѣ враговъ, какъ давать взаймы деньги. А на всѣ неотвязчивыя просьбы (хотя бы у тебя были извѣстныя всѣмъ

деньги), говори смѣло: «съ удовольствіемъ одолжилъ бы вамъ денегъ, да къ сожалѣнію такихъ, которыми бы могъ располагать, не имѣю». Много есть нахаловъ, которые безъ всякой совѣсти будутъ у тебя настойчиво требовать взаймы денегъ, указывая на то, что очевидно они у тебя есть. Подобнымъ нахаламъ отказывай всегда, какъ то дѣлаю я, такимъ образомъ: «Деньги эти составляютъ все мое состояніе и все обезпеченіе моей жизни; а потому я не могу изъ нихъ дать ни кому вдолгъ ни одной копѣйки».

Не входи ни въ какія предлагаемыя тебѣ аферы и обороты; они хороши для тѣхъ, которые на нихъ стоятъ, ими только и занимаются, для тебя же это обманъ, ловушка — чтобы выманить деньги.

Въ предпріятіяхъ вообще, какъ бы они тебѣ съ перваго взгляда ни казались хорошими, вѣрными и прекрасными, прежде чѣмъ на нихъ рѣшиться, разсмотри ихъ со всѣхъ сторонъ нѣсколько разъ, представляя себѣ самый дурной, какой могутъ

они принять исходъ, и всѣ дурныя отъ того послѣдствія; и если будетъ оказываться, что и при такомъ худомъ ихъ исходѣ не выйдетъ бѣды, которой нельзя бы было помочь, тогда только на нихъ рѣшайся, но отнюдь не прежде.

Въ службѣ и винѣ ея, во всѣхъ своихъ обстоятельствахъ и во всей своей жизни, долженъ ты всегда помнить, предусматривать, и всѣ свои дѣла вести такъ, чтобы не могло произойдти какого нибудь большаго несчастія. Если въ твоемъ вѣдѣніи состоитъ много людей, то чтобы они не потонули, не замерзли, не задавило бы ихъ строеніемъ, на работѣ обваломъ земли, или другою какою тяжестію; чтобы не погорѣли люди, строеніе, порохъ, цейхаузъ, обозъ; не обворовали бы состоящей въ твоемъ вѣдѣніи казны и другаго имущества. Въ отправленіи самой службы,—чтобы не потерять мѣста и не попасть подъ судъ. Въ своемъ домѣ берегись отъ пожара, вора, обвала строенія; чтобы не сгорѣло дитя отъ камина, отъ печки, не

обожглось отъ самовара, утюга и прочее. Однимъ словомъ будь всегда какъ можно болѣе осторожнымъ съ людьми и во всѣхъ дѣлахъ. Но болѣе всего надобно осторожности въ словахъ: никогда ни съ кѣмъ не говори о политикѣ и не разсуждай о Правительствѣ; это самый опасный разговоръ; въ немъ могутъ представить твои слова со всѣмъ въ другомъ видѣ и оклеветать тебя, и черезъ то однимъ разомъ можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь. Осторожность въ словахъ такъ въ жизни необходима, какъ пища, если еще не болѣе, потому, что пищу принимаютъ въ извѣстное только время, а осторожность въ словахъ не должна оставлять насъ ни на одну минуту, по самой уважительной причинѣ, что за одно неосторожное слово можно поплатиться цѣлою головой.

Притомъ обязанъ я тебѣ сказать еще, что каждый человѣкъ болѣе или менѣе безпеченъ, и что эта убійственная безпечность заставляетъ иногда человѣка рѣшаться на видимо-дурныя предпріятія, не

входя ни въ подробности дѣла, ни въ послѣдствія, какія отъ него могутъ произойдти, довольствуясь одними самыми поверхностными разсужденіями въ родѣ этихъ: «не можетъ быть, чтобы такъ дурно вышло, или чтобы такой-то могъ это сдѣлать» и тому подобными.

Въ заключеніе всего этого, признаюсь тебѣ, юноша, откровенно, что я не надѣюсь, чтобы ты могъ обратить особенное свое вниманіе на эту, какъ воздухъ для насъ необходимую осторожность. А потому прибѣгаю къ крайнему, какимъ могу тебѣ служить, средству, а именно: чтобы тебѣ никогда ни на одну минуту объ осторожности не забывать, и всегда ею пользоваться, прикажи на какой нибудь вещи, которую носишь на себѣ, и которая могла бы быть всегда передъ твоими глазами, хотя бы на перстнѣ, напримѣръ, вырѣзать четкими буквами «осторожность», и носи его на пальцѣ никогда не снимая. Это талисманъ, который, отъ искренняго доброжелательства, предоставляю тебѣ на память обо мнѣ.

Самолюбіе.

Изъ опыта узнаешь ты, юноша, что всѣ человѣческія дѣянія и поступки наболѣе направляются и движутся ихъ самолюбіемъ, и что нѣтъ, кажется, ни одного человѣческаго дѣйствія, въ которое бы оно не входило. Самолюбіе движетъ людьми, правитъ ихъ интересами, трудами и занятіями, и, можно сказать, что оно есть главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ.

Самолюбіе въ людяхъ есть двухъ родовъ. Одно благородное,— необходимая принадлежность всякаго честнаго человѣка. Оно благоразумно, терпѣливо, и раздражается только явною обидой и грубымъ съ нимъ обращеніемъ, и никогда иначе не называется какъ благороднымъ самолюбіемъ.

Другое, именуемое просто самолюбіемъ, есть истинное наказаніе Божіе, и не имѣетъ никакихъ границъ. Человѣкъ съ такимъ самолюбіемъ есть точный муче-

никъ. Лесть и угожденіе суть единственныя средства къ удовлетворенію его. Малѣйшаго къ нему невниманія достаточно для того, чтобы его возмутить и сдѣлать своимъ врагомъ на всю жизнь; и напротивъ, онъ все проститъ, если ему угодить—вниманіемъ, похвалой и одобреніемъ.

Этотъ порокъ существуетъ почти равномѣрно въ благородномъ кругу и въ простомъ народѣ, хотя въ послѣднемъ не столько очевиденъ, какъ въ первомъ. Часто у человѣка ничего порядочнаго съ вида не представляющаго, грязнаго, дрянnаго, бываетъ наиболѣе самолюбія.

Предупреждаю тебя, юноша, что не возможно быть всегда довольно внимательнымъ, ни довольно осторожнымъ, чтобы иногда, самымъ невиннымъ образомъ, не оскорбить чьего нибудь самолюбія, доходящаго у другихъ до превосходящей всякое воображеніе степени, и которое они, по большей части, стараются скрывать. А потому при первомъ сближеніи твоемъ съ какимъ бы то ни было

человѣкомъ, и во все продолженіе твоихъ съ нимъ сношеній, всегда твердо помни, чтобы безъ намѣренія, невиннымъ образомъ не оскорбить его самолюбія.

Съ другой стороны, чтобы дать тебѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ можно владѣть людьми, угождая и лаская ихъ самолюбіе, предоставляю тебѣ самый простой примѣръ: У меня въ домѣ всѣ люди нанятые, — пожилая женщина, въ родѣ ключницы, кучеръ, поваръ и лакей. Чтобы удержать въ порядкѣ этихъ четырехъ человѣкъ, я долженъ часто ломать свою небезопытную голову. Женщина эта, съ претензіею на благородство и со злымъ своимъ сердцемъ, хочетъ надъ всѣми ими властвовать; но не имѣя необходимыхъ къ тому, ни ума, ни привычки, честитъ ихъ самымъ негоднымъ образомъ, отъ чего они возмущаются, и на зло ей дѣлаютъ все наперекоръ, а въ заключеніе, она же требуетъ, чтобы ее разсчитать и уволить отъ службы, потому, что, по ея словамъ, она не можетъ служить съ такими дурными

людьми. Кучеръ страшный спорщикъ, всегда найдетъ причину со всѣми перессориться, и потомъ, какъ обиженный, хочетъ отъ меня отойдти, прибавляя къ тому, что такое жалованье онъ найдетъ вездѣ. Поваръ не хочетъ исполнять приказаній объявляемыхъ ему черезъ лакея, считая свою должность выше лакейской, и оттого проситъ увольненія. Лакей презираетъ свою обязанность, никогда ничего не кладетъ на мѣсто, а бросаетъ, и служитъ небрежно, какъ бы въ одолженіе.

Зная всю невыгоду отъ частой перемѣны прислуги, удерживаю я въ домѣ этихъ людей, дѣйствуя на ихъ самолюбіе такимъ образомъ: Женщинѣ дружелюбно совѣтую не кричать, а всегда говорить тихо, и обращаться съ людьми, какъ я самъ, ласково, для того, чтобы пріятнымъ съ ними обращеніемъ сдѣлать ихъ во всемъ такими же исправными, какъ она сама. Кучеру говорю, что онъ славно ѣздитъ, что я радъ его держать вѣкъ, но что онъ обязанъ примириться съ поваромъ, потому, что иначе не

будетъ имѣть права въ день Святаго Христова Воскресенія съ нимъ христосоваться, и что за тѣмъ на первой исповѣди долженъ онъ непремѣнно сознаться духовному отцу въ своей несчастной наклонности спорить. Съ поваромъ соглашаюсь, что его должность дѣйствительно выше лакейской, и объясняю ему, что лакей не самъ приказываетъ, а передаетъ только ему мое приказаніе, и потому онъ не виновенъ. Лакею говорю, что онъ близкій ко мнѣ человѣкъ, знаетъ хорошо свое дѣло, но что долженъ притомъ всѣ свои легкія обязанности исполнять съ веселымъ духомъ и съ удовольствіемъ, чтобы я не имѣлъ безпрестанно передъ глазами недовольное лице, которое меня печалитъ. Такими и подобными угожденіями ихъ самолюбію я достигаю до того, что они мнѣ служатъ исправно, и привязаны ко мнѣ; а знакомые мои удивляются тому, что люди, у меня получая небольшое жалованье, живутъ постоянно, и ни чѣмъ ихъ сманить невозможно.

Самолюбивый человѣкъ крѣпче стоитъ за свое мнѣніе, чѣмъ за свое имѣніе, и скорѣе, кажется, согласился бы умереть, чѣмъ сознаться, что онъ думаетъ о чемъ нибудь ошибочно. Такъ сильна въ людяхъ эта непостижимая слабость!

Мое же самолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы открыто сознавать неправильность своихъ сужденій, если мнѣ то доказано ясно. Совѣтую и тебѣ, юноша, дать своему самолюбію подобное же моему направленіе. Такъ требуютъ разсудокъ и твое собственное спокойствіе.

Гордость.

Гордость почти то же, что тщеславіе, есть самый глупый и самый безотчетный изъ пороковъ. Всѣ пороки возбуждаются какимъ нибудь интересомъ и имѣютъ что нибудь въ виду. Гордость же предовольная сама собой, дуется себѣ какъ индѣйскій пѣтухъ, и устремлена только къ тому, чтобы имѣть возможность и случай еще болѣе

раздуваться; а плодъ отъ того пожинаетъ всегда одинъ — ненависть людей.

Вѣроятно ли это, чтобы здравомыслящій человѣкъ видя ясно, что гордость кромѣ бездны вреда и зла не можетъ принести ему ни малѣйшей пользы, могъ дѣлаться гордымъ? — Невѣроятно, очень невѣроятно. А посмотрите-ка на людей, сколько межъ нихъ гордецовъ, да еще какихъ! — такихъ, которые безумно расточаютъ все свое состояніе, изъ одной гордости и тщеславія. Вотъ каково совершенство человѣческаго разсудка!

Порокъ этотъ такъ безкорыстенъ и безуменъ, что если бы я его не видѣлъ въ людяхъ на каждомъ шагу, то не могъ бы допустить его существованія. Притомъ онъ до того отвратителенъ и человѣчеству не приличенъ, что такъ и хочется сказать гордому: «надменный, надутый гордецъ! къ чему ты гордишься? вразумись, заблудшій, и знай, что если ты передъ другими имѣешь какое нибудь преимущество, то оно дано тебѣ Господомъ не

для глупой гордости, ненавидимой людьми и портящей твои дѣла, но для твоей и другихъ пользы.»

Моя гордость не надутая, не пустая, ни для кого необидная, заключается въ томъ, чтобы вниманіемъ, ласкою, угожденіемъ и услугою заставить людей любить меня, и содѣйствовать къ моему преуспѣянію. Да и всякій разсудительный человѣкъ долженъ искать существеннаго, положительнаго, полезнаго, и никогда не станетъ такою вредною химерой, какова гордость, портить своихъ дѣлъ.

Если не хочешь быть ненавидимымъ отъ людей, юноша, то изгони изъ себя и самомалѣйшій признакъ гордости навсегда. А гордецами смѣло повелѣвай однимъ угожденіемъ; имъ же угождать не трудно: знай щедро передъ ними разсыпай пустую похвалу, и сдѣлаешь изъ нихъ что тебѣ угодно.

Корысть.

Корысть, иначе сказать, пища, одежда, все необходимое и приятное для человѣка.

Этого одного уже достаточно для того, чтобы люди, какъ существа разумныя, къ корысти стремились, а какъ слабыя и несовершенныя, перешли въ томъ всякую мѣру; отъ чего и поговорка: «человѣкъ ни чѣмъ не можетъ быть доволенъ», то есть, что онъ никогда не знаетъ мѣры своимъ желаніямъ. И дѣйствительно, нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который имѣя самое большое состояніе, не желалъ бы еще чего нибудь.

Древнія преданія, отъ незапамятныхъ временъ, передаютъ намъ много сказокъ о томъ, какъ люди за корысть продавали свои души сатанѣ. Преданія эти, объясняютъ намъ, что въ старину находились такіе люди, которые за корысть готовы были на все рѣшиться, все сдѣлать, не пощадить никого и ничего, ни даже самихъ себя. Эти басни не заслуживали бы никакого вниманія, если бы и въ наше время не было подобныхъ людей; но, къ несчастію, есть и теперь не мало таковыхъ, и они у насъ называются пре-

зрѣлымъ названіемъ ростовщиковъ или лихоимцевъ.

Какъ только ростовщикъ предастся своему злодѣйскому ремеслу, то немедленно измѣняетъ въ себѣ всю человѣческую натуру, и всѣ свои чувства заключаетъ въ одну жажду стяжанія; и съ того времени у него нѣтъ болѣе ни чести, ни самолюбія, ни состраданія, ни жалости, и никакихъ страстей, а самъ онъ дѣлается просто золотымъ тельцомъ, котораго ни чѣмъ, кромѣ корысти, не сдвинешь съ мѣста. Съ величайшимъ стараніемъ отыскиваетъ онъ людей угнетенныхъ несчастіемъ, безпомощныхъ и беззащитныхъ, и пользуясь бѣдственнымъ ихъ положеніемъ, даетъ имъ взаймы, подъ залогъ вещей, деньги, и беретъ съ нихъ такіе страшные проценты, что въ годъ или въ два однихъ процентовъ они ему заплатятъ вдвое болѣе стоимости самаго залога; и наконецъ все таки не будучи въ состояніи выкупить заложенныхъ вещей, теряютъ ихъ окончательно. Такимъ безчеловѣчнымъ образомъ, зло-

дѣй этотъ отнимаетъ послѣднее у вдовъ и сиротъ, и у самыхъ бѣднѣйшихъ людей.

Ростовщикъ! Это пьявица, высасывающая у страдающаго человѣчества послѣднюю каплю жизни. Онъ ничего не слышитъ, ни чему не внемлетъ: кровь, слезы, вопли человѣческія для него непонятны; самое угожденіе онъ презираетъ; одна корысть его движетъ, имъ повелѣваетъ и можетъ низлагать его до рабства, до болота: дай ему побольше денегъ, и онъ для тебя изорветъ въ куски и свою совѣсть и свою душу; онъ ляжетъ въ грязь, для того, чтобы ты перешелъ по немъ, не замочивъ своихъ ногъ. Его воздухъ корысть, его всегдашняя дума корысть, онъ самъ ничто болѣе, какъ олицетворенная корысть.

Евреи болѣе всѣхъ занимаются злодѣйскимъ ремесломъ ростовщика, и это есть, какъ мнѣ кажется, главнѣйшая причина отвращенія ихъ отъ хлѣбопашества. Да и къ чему имъ сѣять зёрна въ землю, когда они могутъ сѣять деньги на людяхъ, и по-

жинать на нихъ корысть (проценты) въ такомъ изобилiи, какого земля никогда дать имъ не въ состоянiи.

Къ несчастiю, теперь корысть сдѣлалась самымъ вѣрнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго рода. Да иначе и быть не можетъ въ наше мотовское время, въ которомъ чрезмѣрная роскошь поглощаетъ однимъ разомъ состоянiя, достаточныя для обезпеченiя человѣческаго счастiя на всю жизнь.

Въ знакомствахъ и отношенiяхъ съ людьми значительными можно съ умомъ и ловкостiю употреблять самую ничтожную корысть съ успѣхомъ, на примѣръ: приноровить кстати пріятный сюрпризъ ихъ дѣтямъ, поднести имъ какую нибудь бездѣлку новаго изобрѣтенiя, проиграть самыя незначительныя деньги въ коммерческую игру, и другими подобными угожденiями можно снискать расположенiе самаго безкорыстнаго человѣка.

Много жадныхъ людей, при всемъ своемъ сильнѣйшемъ желанiи получать

какъ можно болѣе прибыли, хотя бы, напримѣръ, со своихъ деревень, изъ скупости не хотятъ израсходовать на ихъ устройство ни гроша, и чрезъ то не получаютъ почти никакихъ доходовъ. Это есть большая ошибка, потому, что изъ дѣла вообще, какого бы рода оно ни было, тогда только можно получать порядочную пользу, когда прежде вполнѣ удовлетворишь всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ.

Похвала.

Похвала такъ пріятна для каждаго, что ею никогда нельзя вооружить противъ себя людей, ни испортить какого бы то ни было дѣла. А какъ во всемъ мірѣ нѣтъ, кажется, человѣка, который бы не имѣлъ какого нибудь хорошаго качества; то совѣтую тебѣ, юноша, эти качества въ людяхъ замѣчать, и въ случаѣ нужды, кстати, по твоему усмотрѣнію, въ глаза или за глаза ихъ похваливать. Не опасайся, чтобы кто ни-

будь могъ тѣмъ обидѣться, и будь увѣренъ, что какъ бы кто твои похвалы ни принималъ, но послѣдствія всегда выйдутъ одни и тѣ же, то есть, что онъ къ тебѣ будетъ расположенъ наилучшимъ образомъ. Къ этому еще надобно добавить, что если бы ты въ бесѣдѣ съ кѣмъ нибудь не находилъ предмета къ разговору, то начинай смѣло хвалить его самого, или его одежду, экипажи, лошадей, домъ, и все что у него знаешь хорошаго. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, всякій станетъ продолжать охотно, и всегда за него будетъ къ тебѣ признателенъ. Такова человѣческая природа!

Преданность.

Нерѣдко слышимъ мы разсказы бояръ, которыхъ доброта никому неизвѣстна, что ихъ люди преданы имъ удивительно, и готовы за нихъ идти въ огонь и въ воду. Разсказываютъ они это всѣмъ и каждому, въ полной увѣренности, что говорятъ су-

щую правду. Сами же, можетъ быть, ни разу не подумали хорошенько, на какомъ основаніи, по какому непостижимому закону, за что именно, эти люди могутъ быть имъ преданы до такой невѣроятной степени.

Что мужъ для жены, или жена для мужа, родители для дѣтей, или дѣти для родителей, могутъ иногда добровольно жертвовать своею жизнію — это понятно; но чтобы то дѣлали въ здравомъ разсудкѣ и по доброй волѣ зависимые люди для своихъ повелителей, безъ отчаянно-побудительной къ тому причины, — этого понять нельзя.

Безспорно однако же и то, что люди могутъ, до извѣстной степени, любить своего господина, но только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ ихъ любитъ, объ нихъ печется, ихъ защищаетъ, обходится съ ними не какъ съ слугами, а какъ со своими ближними, и когда имъ у него не жизнь (какъ они говорятъ), а масляница. Въ противномъ случаѣ не людьми они должны быть, чтобы могли для своего господина,

добровольно, безъ всякаго побужденія, такъ сказать, очертя голову, изъ какой-то чудовищной преданности приносить въ жертву свою собственную жизнь.

По долгу, по обязанности, можно отъ людей требовать многаго, и они все исполнятъ. Но по доброй волѣ, можно только отъ нихъ ожидать того, что ихъ господинъ отъ нихъ заслуживаетъ, не какъ баринъ отъ своихъ слугъ, но какъ человѣкъ отъ человѣка. Однимъ словомъ они его могутъ любить только тогда, когда за его доброту имъ его не любить не возможно. Всѣ же необыкновенныя и удивительныя приношенія и жертвы, въ томъ числѣ ни на чемъ не основанная самоотверженная, отчаянная преданность суть вздоръ, обманъ, притворство.

Знай и всегда помни, юноша, что люди, даже самые простые, хитры и въ притворствѣ очень искусны, и всѣмъ ихъ для тебя чрезвычайнымъ готовностямъ не вѣрь и не принимай ихъ, какъ необычайности, въ которыхъ ты не имѣешь ни-

какой надобности. Людей же вообще, какъ созданій слабыхъ, требующихъ помощи ближняго, въ особенности слугъ своихъ, которыхъ вся жизнь зависитъ отъ тебя, люби, великодушно имъ прощай, и всегда старайся облегчать ихъ участь сколько возможно. Это есть вѣрнѣйшее средство владѣть ими. Но за всѣмъ тѣмъ, не удивляйся и не сердись, если иногда найдешь межъ нихъ неблагодарныхъ, потому, что по несовершенству ихъ это имъ свойственно. И наконецъ, повѣрь мнѣ, что небесное чувство, которое испытаешь ты при встрѣчѣ съ тѣмъ, кому сдѣлаешь добро, безъ всякой его заслуги, по одной своей добротѣ, вознаградитъ тебя сто разъ милѣе всѣхъ возможныхъ благодарностей.

Фамиліарность.

Много видѣлъ я на молодыхъ людяхъ несчастій отъ излишней ихъ, въ обращеніи съ товарищами, фамиліарности; но

никогда не видалъ отъ нея ни малѣйшей для нихъ пользы.

Молодые люди, бывши школьными товарищами, очень часто поступаютъ на государственную службу въ одно и то же мѣсто служенія. А какъ на службѣ, даже съ самаго ея начала, положеніе каждаго изъ нихъ становится особеннымъ, и вскорѣ за тѣмъ нерѣдко отгѣняется очень рѣзко, такъ что одинъ дѣлается начальникомъ другаго; то вмѣстѣ съ тѣмъ каждый уже обязанъ вести себя, судить и дѣйствовать, сообразно со своимъ положеніемъ, а стало быть и со своими прежними товарищами долженъ обращаться, какъ начальникъ съ подчиненнымъ, или какъ младшій со старшимъ, а не какъ товарищъ съ равнымъ себѣ товарищемъ. Но они, молодые, неопытные, привыкшіе къ фамильярности, не обращая на свое новое, весьма серьёзное положеніе, никакого вниманія, допустить не могутъ, чтобы было возможнымъ перемѣнить вдругъ обращеніе свое съ дав-

ними товарищами, и продолжаютъ обращаться межъ собой, какъ прежде, очень фамиліарно. Изъ чего является неминуемая необходимость, для одного — дать чувствовать подчиненному, что онъ погрѣшаетъ противъ своего начальника; а для другаго — упрекнуть начальника, что онъ слишкомъ скоро зазнался. А за тѣмъ, этотъ толчокъ службы съ фамиліарностью, при взаимной неопытности, почти всегда кончается враждою, ненавистію и очень часто кровавою обидой.

Къ тому же и внѣ службы, въ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ, разсудительные молодые люди начавъ понимать вещи, и судить объ нихъ уже не по студенчески, а какъ зрѣлые мужи, нерѣдко открываютъ въ своихъ прежнихъ товарищахъ такія особенности, достоинства или пороки, а въ обстоятельствахъ ихъ такія поразительныя разности, что находятся вынужденными, иногда противъ своего желанія, установить съ ними рѣшительныя, совсѣмъ новыя отношенія,

не допускающія часто не только ни малѣйшей фамиліарности, но даже и самаго знакомства.

По силѣ этихъ обстоятельствъ, совѣтую тебѣ, юноша, во избѣжаніе могущаго произойти отъ того несчастія, ни съ кѣмъ никогда не обращаться слишкомъ фамиліарно. И при первыхъ отношеніяхъ служебныхъ или практическихъ житейскихъ, на прошедшее товарищеское *ты*, откѣчать всегда обязаннымъ *вы*, съ прибавленіемъ (только для одного перваго раза) какъ бы въ шутку, что мы теперь уже не воспитанники, а государственные сановники, или зрѣлые люди; и впослѣдствіи этого охраняющаго отъ пахальства и затруднительнаго положенія, *вы*, никогда не оставлять. За это *вы* никто кровно обидѣться не можетъ, но всякъ пойметъ свою къ тебѣ обязанность; а для тебя будетъ легче удержать себя передъ каждымъ такъ, какъ того требуютъ твой долгъ и твое въ свѣтѣ положеніе.

Служба.

Теперь приступаю я къ службѣ, о которой надобно бы было написать много, какъ о дѣлѣ величайшей важности и такого обширнаго объема, что я, по истинѣ, затрудняюсь въ выборѣ изъ цѣлаго моря обстоятельствъ, правилъ, сноровокъ и соображеній, именно такихъ, которыя бы, вмѣстясь въ тѣсныя рамы моего краткаго указателя, могли дать тебѣ, юноша, объ этомъ предметѣ достаточное и ясное понятіе.

Прежде всего не уклоняйся никогда отъ многотрудной обязанности, но, напротивъ, ищи ее. Одни трудныя должности выводятъ человѣка въ люди; въ легкихъ же всегда будешь находиться, что называется, на подножномъ корму, и ни до чего не достигнешь.

Въ службѣ, какова бы она ни была, надобно, какъ выше уже сказано, исполнять свою обязанность со всевозможнымъ усер-

дiемъ, думать объ ней безпрестанно, и на ней трудиться день и ночь, чтобы все требуемое службою всегда было выполнено наилучшимъ образомъ. А дабы при множествѣ разнообразныхъ дѣлъ имѣть ихъ всегда передъ глазами, и не дѣлать важныхъ пропусковъ, совѣтую тебѣ, юноша, завести себѣ маленькую памятную книжечку, въ которую долженъ ты своей рукой кратко вносить всѣ къ исполненiю подлежащiя дѣла, и исполненныя впослѣдствiи изъ нее вычеркивать, а вновь поступающiя вписывать. Безъ этой краткой замѣтки, никакая память не въ состоянiи упомнить всѣхъ подробностей многосложной обязанности. Памятную эту записку всегда носи при себѣ въ карманѣ и почаще перечитывай, чтобы какое нибудь важное дѣло не ускользнуло отъ твоего вниманiя и исполненiя.

Во избѣжанiе всякихъ недоразумѣнiй, при самомъ началѣ вступленiя твоего въ значительную должность, письменно объяви во всеобщую извѣстность, чтобы ни-

кто изъ твоихъ подчиненныхъ, никогда не представлялъ тебѣ лично никакихъ денегъ, безъ твоей росписки, и не получалъ бы ихъ отъ тебя не росписавшись въ твоей денежной книгѣ, и всегда наблюдай за этимъ строго.

Въ отправленіи своей обязанности безпрестанно помни, и всегда надъ ними трудись, два главныхъ обстоятельства: 1) безусловно угождать своему начальству и 2) держать всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ порядкѣ и повиновеніи.

Для этого первымъ твоимъ долгомъ будетъ, узнать въ точности и подробнѣйшимъ образомъ все свое начальство, порознь каждаго: ихъ методу по службѣ, характеръ, правила, образъ мыслей, ихъ слабости, семейную жизнь и связи. Потомъ, каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо, долженъ ты, соображаясь съ обстоятельствами, дѣйствовать такъ, чтобы всенепремѣнно снискать его доброе къ себѣ расположеніе, потому, что если начальство тебя не жалуетъ, или имѣетъ объ тебѣ

дурное мнѣніе, то твоя служба пропала, хотя бы ты былъ геніемъ своего дѣла, и исполнялъ его наилучшимъ образомъ. Болѣе всего въ этомъ случаѣ надобно ладить съ окружающими твоихъ начальниковъ, потому, что хотя и можно временно пріобрѣсти милостивое расположеніе начальника безъ ихъ пособія, но при малѣйшемъ ихъ къ тебѣ неблагопріятствѣ, какъ бы начальникъ твой ни былъ совершенъ, правдивъ и строгъ, они непремѣнно найдутъ случай его противъ тебя вооружить.

При первомъ твоемъ съ подчиненными знакомствѣ, лично и торжественно объяви передъ всѣми свое коренное и неизмѣнное правило, заключающееся въ томъ, что тотъ изъ нихъ, который исполняетъ службу хорошо, есть твой другъ, а кто худо, твой врагъ, не смотря ни на способности, ни на родство, ни на связи. За тѣмъ, долженъ ты знать каждаго изъ нихъ до послѣдняго сторожа во всей подробности: ихъ усердіе, образъ мыслей и жизни, покорность, бла-

гонамѣреніе, способности, состояніе и ихъ обстоятельства. При чемъ предостерегаю тебя, что какъ бы твой подчиненный ни казался простъ и чистосердеченъ, но ввѣряться ему слѣпо не должно никогда. Часто подъ корой простоты скрываются самыя тончайшія хитрость и лукавство. Есть люди, которые прикрываясь не только простотой, но даже полудурью, разыгрываютъ роль добряка, и этимъ простымъ способомъ проводятъ всегда своихъ начальниковъ такъ ловко, что благородное и прямое начальство того даже и не подозрѣваетъ.

Подчиненные должны къ тебѣ всегда быть съ особеннымъ вниманіемъ. Для чего надобно отличать хорошихъ отъ посредственныхъ, а этихъ отъ худыхъ; взыскивать за ошибки и упущенія по службѣ съ величайшею разборчивостію, такъ, что за одну и ту же вину, надобно сказать одному: «я отъ васъ этого не ожидалъ, удивляюсь, какъ могло это съ вами случиться; конечно, должна быть тому какая ни-

будь особенная причина; по вашимъ способностямъ, вашему усердію и вашимъ правиламъ допустить нельзя такого поступка, упущенія или ошибки. Разскажите мнѣ, какъ именно это случилось» — и кончить предостереженіемъ, чтобы впередъ подобнаго съ нимъ не случалось; а другаго посадить подъ арестъ или огласить по вѣдомству, или представить къ увольненію отъ службы — смотря по винѣ. У себя по службѣ надобно хорошихъ принимать ласково, дать руку, просить присѣсть; а съ плохими поступать сухо, коротко и строго. Никогда подчиненному, какъ бы онъ худъ ни былъ, не говорить дерзко и не показывать презрѣнія, и даже при самыхъ взысканіяхъ обращаться учтиво. Не вымѣщать на подчиненныхъ получаемыхъ по службѣ непріятностей, а умѣть ихъ перенести на себѣ. Зла подчиненнымъ за упущенія и ошибки, Боже сохрани, не помнить никогда: сегодня съ него взыскалъ строго, а завтра при случая сказать ему ласковое слово, чтобы онъ ясно ви-

дѣлъ, что ты взыскиваешь потому только, что долженъ то дѣлать по своей обязанности, но что самъ зла не помнишь. Если же въ комъ нибудь изъ твоихъ подчиненныхъ замѣтишь ты хотя малѣйшую тѣнь непокорности, неблагонамѣренія или невниманія къ твоей власти, то слѣди за всѣми его дѣйствіями особенно и неупустительно всякую минуту; и если онъ въ первой своей умышленной противъ тебя винѣ, сдѣлаетъ откровенно полное сознаніе, чистосердечно въ ней раскается, и всѣми силами станетъ впередъ стараться заслуживать твое доброе къ нему расположеніе, то можно со временемъ первый его неблагонамѣренный противъ тебя поступокъ простить и предать забвенію; но всегда должно смотрѣть на него съ величайшимъ вниманіемъ, потому, что онъ тебя можетъ обманывать ловкимъ притворствомъ, и подъ личиною преданности и доброжелательства, тайно искать твоей гибели и рыть подъ тобою яму. Есть такіе недоброжелательные и упрямые люди, ко-

торыхъ ни страхомъ, ни благодѣяніями, ни явною для нихъ гибелью, не заставишь отстать отъ своего врожденнаго недоброжелательства. Они передъ тобой станутъ клясться, молиться и плакать, а втайнѣ будутъ ломать себѣ голову, какъ бы тебѣ повредить. Не смотря ни на какую личину преданности, если ты замѣтишь за твоимъ подчиненнымъ самомалѣйшее недоброжелательство или непокорность въ другой разъ, то представь объ немъ начальству, какъ о человѣкѣ неблагонамѣренномъ и для службы вредномъ.

Во время моей службы былъ у меня одинъ подчиненный такой мятежный и упрямый, что на ввѣренную ему часть добровольно взводилъ клевету, подвергавшую его самого отвѣтственности, для того только, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ повредить и ближайшему своему начальству; умышленно старался передъ подчиненными показывать къ старшему невниманіе, съ тою же цѣлью, и имѣлъ всегда необузданное поползновеніе вредить и дѣлать затрудне-

нія своему начальнику. Я понялъ его вполнѣ, слѣдилъ за всякимъ его движеніемъ, и за самомалѣйшій не благонамѣренный поступокъ тащилъ его къ отчету, ставя ему на лицо всѣ его лукавства. Онъ всякой разъ запирался во всемъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, или распинался, что сдѣлалъ то безъ намѣренія; клялся женою и дѣтьми, что употребитъ всѣ свои силы, чтобы впередъ такихъ ошибокъ не дѣлать; и при первомъ случаѣ опять хитрилъ, опять лукавилъ. Не рѣдко призывалъ я его къ себѣ, пересчитывалъ ему каждый разъ всѣ неблагонамѣренные его поступки, отъ перваго до послѣдняго, внушалъ ему, что терплю его до сихъ поръ на службѣ не для него, а многочисленнаго его семейства и большой его бѣдности ради ; но все оставалось безъ пользы; и хотя онъ самъ видѣлъ, что можетъ потерять службу, а съ нею вмѣстѣ и свой хлѣбъ насущный, но врожденное недоброжелательство помрачало его разсудокъ, и онъ не переставалъ лукавить.

Подчиненные должны тебя уважать. Къ

этому нужно дѣльнаго и толковаго управленія, благоразумныхъ и точныхъ распоряженій и строжайшей справедливости. Часто случается видѣть и слышать, какъ начальникъ, не удостовѣрившись прежде въ томъ, что его подчиненный также ясно понимаетъ дѣло, какъ онъ самъ, отдаетъ приказаніе поверхностно, безъ обстоятельнаго и подробнаго указанія, какимъ именно образомъ оно должно быть исполнено, а потомъ сердится и взыскиваетъ за неисполненіе; а того не видитъ, что подчиненный вовсе не понималъ не только его приказанія, но и самаго дѣла. Почему во всякомъ дѣлѣ надобно прежде всего отдать положительное приказаніе исполнить его; потомъ съ величайшею точностію указать — какимъ образомъ и когда. Бываютъ подчиненные торопливые и робкіе, которые не понявъ хорошенько приказанія начальника, обыкновенно отвѣчаютъ — слушаю. Потомъ не зная какъ что дѣлать, тревожатся, мучатся, а дѣла все-таки сдѣлать не могутъ и не сдѣлаютъ.

Въ отвращеніе чего всякое приказаніе нужно отдавать хладнокровно, тихо, не торопясь, какъ можно яснѣе, и послѣ спросить того, кому отдается приказаніе, понялъ ли онъ и какъ именно. При неисполненіи какого бы то ни было приказанія, не убѣждайся безтолковымъ иногда, и часто выдуманнымъ оправданіемъ подчиненнаго, а ищи самъ настоящей тому причины: можетъ быть приказаніе было отдано неудобоисполнимое, неправильное, или вовсе къ исполненію невозможное; потомъ узнай подробное о томъ приказаніи мнѣніе самого подчиненнаго, и вмѣстѣ съ нимъ обдумай легчайшій къ исправленію неисполненнаго способъ. Однимъ словомъ въ дѣлахъ съ подчиненными надобно обращаться просто, ласково, сблизительно; а на взысканіе смотрѣть какъ на зло, и доходить до него только въ крайней необходимости.

Подчиненные должны тебя любить. Для этого надо всегдашней учтивости въ обращеніи, всегдашняго доброжелательства,

живѣйшаго участія въ положеніи каждаго; входить въ ихъ средства къ жизни, предоставлять каждому всевозможныя вознагражденія за труды, радоваться, такъ сказать, ихъ радостію, печалиться ихъ печалію, быть всегда веселымъ и пріятнымъ, шутить съ ними, — шутка привязываетъ подчиненныхъ къ начальнику; похваливать ихъ почаще, — похвала, торжественная благодарность и умѣнье подстрекнуть, повелѣваютъ сильнѣе самаго страха. Можно иногда, вмѣсто взысканія, надъ подчиненнымъ благородно и безобидно подтрунить: веселая насмѣшка исправляетъ лучше всякаго наказанія. Наконецъ надобно щадить самолюбіе подчиненныхъ, и быть для нихъ отцомъ, братомъ, защитникомъ и покровителемъ.

По службѣ никогда не малодушничай, никого не доводи до крайности, дѣйствуй съ величайшею осторожностію. Случаются подчиненные, у которыхъ дерзость доходитъ до забвенія, до сумасшествія; такіе люди для службы не годятся, ихъ нужно

представлять на усмотрѣніе начальства, а въ обращеніи съ ними всегда надобно помнить, что они, какъ бѣшеная собака, могутъ безразсудно тебя укусить зубами.

Дѣла исполняй всегда открыто, торжественно, сохраняя всѣ временемъ принятые обряды; это налагаетъ на исполнителей и удерживаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. Держись крѣпко формальности, она часто наводитъ на важныя обстоятельства и указываетъ ходъ дѣлу. Ничего не дѣлай на словахъ, а всѣ дѣла должны быть ясно изложены на бумагѣ и облечены въ законную форму, крайне необходимую для справокъ.

Еще надобно предупредить тебя, юноша, что къ стыду и униженію рода человѣческаго, иные исполнители государственной службы, забывъ святую присягу, честь, вѣру и самого Бога, берутъ взятки и дѣлаютъ разныя злоупотребленія, то есть воруютъ какъ воры, и грабятъ какъ разбойники казну и частныхъ людей. Это злодѣйство такъ преступно и ненавист-

но, что я тебѣ не хотѣлъ вовсе объ немъ говорить; но долженъ по неволѣ предостеречь тебя, чтобы ты, какъ отъ чумы, берегъ себя и подчиненныхъ своихъ отъ этого криминальнаго и мерзкаго злодѣянія.

Изъ всего вышесказаннаго ты видишь, юноша, что служба есть дѣло трудное, мудрое, требующее много умѣнья, воли и соображенія, и, безъ сомнѣнія, самъ оцѣнишь всю ея важность.

Брань.

Брань, по натурѣ своей, никого исправлять не можетъ, а только ожесточаетъ людей и возмущаетъ духъ ихъ. Это средство создано не разсудкомъ, но невоздержаніемъ, вспыльчивостью, малодушіемъ, и всегда въ человѣкѣ обнаруживаетъ дурное воспитаніе.

Хорошо рожденный и образованный человѣкъ не въ состояніи ни произносить, ни слушать грубой брани, и всегда отъ нее убѣгаетъ. Есть люди, которые въ душѣ своей такъ деликатны и благород-

ны, что ни чѣмъ на свѣтѣ нельзя заставить ихъ произнести ни одного браннаго слова. Тихость и деликатность этихъ людей, ставитъ ихъ выше нашей смертной натуры, это что-то небесное, доброе, ангельское, благое, передъ чѣмъ надо благоговѣть, чему надобно поклоняться. Я всегда имъ завидовалъ, и теперь завидую, и столько стремлюсь съ ними сравняться, сколько считаю себя выше тѣхъ, которые не ставятъ въ грѣхъ и въ стыдъ произносить самую отвратительную брань. Взгляни на торговокъ, публично бранящихся на рынкѣ; какъ онѣ отвратительны! Кто надъ ними не смѣется, кто ихъ не презираетъ! И какую онѣ отъ того имѣютъ пользу? Кромѣ народнаго презрѣнія и безславія, ровно никакой.

Сверхъ того брань влечетъ за собою явную опасность; самаго ничтожнаго человѣка на примѣръ я разругалъ, а онъ мнѣ отвѣчалъ тѣмъ же, что всегда легко можетъ случиться; тогда, какъ бы онъ за свою дерзость наказанъ ни былъ, мнѣ всегда

будетъ совѣстно встрѣчаться съ людьми, бывшими свидѣтелями, какъ разбранилъ меня простолюдинъ. Воспоминаніе же объ этомъ будетъ мучить меня во всю мою жизнь.

Одинъ военный командиръ, производя ученье, въ пылу своего увлеченія прискакавъ къ солдату закричалъ: «Я тебя съѣмъ». — А тотъ вдругъ громко ему въ отвѣтъ — «подавишься». Велика ли была для солдата въ этихъ словахъ обида? Просто никакой, потому, что это скорѣе была сказана шутка, чѣмъ дѣло.

Всякій, кому извѣстна безусловная покорность Русскаго солдата своему командиру, не можетъ не согласиться, что криминальный отвѣтъ этого рядоваго былъ произнесенъ имъ вовсе не за обиду, а невольно, нехотя, безъ произвола, безъ сознанія, Богъ знаетъ отчего, просто (какъ онъ самъ въ судѣ показывалъ) — слово сорвалось съ языка. Не менѣе того, онъ былъ наказанъ за явное нарушеніе военной дисциплины и имѣетъ за дерзость противъ своего начальника, стро-

жайшимъ образомъ. А несчастный его командиръ, виновникъ этого бѣдствія, будучи, впрочемъ, весьма добрымъ человѣкомъ, тщетно употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы спасти солдата отъ наказанія, и не могъ того сдѣлать, потому, что преступленіе было слишкомъ важно; и какъ неумышленный виновникъ гибели своего подчиненнаго, чрезъ одну свою горячку и непристойную брань, отъ угрызенія совѣсти, тяжко заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Примѣръ этотъ достаточно обнаруживаетъ, какъ опасна всякая брань.

Сохрани въ себѣ, юноша, благородную чистоту крови отцовъ твоихъ, и никогда не марай ее грязною бранью.

Бить рукою.

Ударить кого бы то ни было рукой, гораздо опаснѣе, чѣмъ самый поединокъ, въ которомъ могутъ тебя только убить, или тяжело ранить; а тутъ самый ничтожный человѣкъ, ударивъ тебя обратно, можетъ наложить на тебя печать безчестія и сра-

ма, никогда ничѣмъ неизгладимую. Много, премного видѣлъ я тому самыхъ поразительныхъ, самыхъ плачевныхъ примѣровъ! Это такая опасность, отъ которой человѣкъ въ одну минуту теряетъ все; и послѣ того ему не остается ничего болѣе, кромѣ плачевной смерти.

Грубость и дерзость надобно предвидѣть, предугадать издали, предотвратить, и ни въ какомъ случаѣ не допустить себя до того, чтобы кто нибудь могъ тебѣ ихъ сдѣлать. Съ пьянымъ, напримѣръ, не должно никогда ни шутить, ни говорить, а велѣть его тотчасъ убрать, или самому отъ него удалиться. Но если бы при всей твоей осторожности, кѣмъ нибудь была сдѣлана тебѣ грубость, дерзость и даже самая обида, то удержи первый пылъ твоего гнѣва и тужеминуту удались отъ зла,— успокойся, и тогда уже обсуди хладнокровно и здраво, что долженъ ты дѣлать.

Всегда свято помни, юноша, что во избавленіе своей чести и жизни, ни подчиненнаго, ни слугу, ни вора, ни мошенни-

ка, никакого человѣка, не долженъ ты никогда бить рукою.

Дружба.

Баснословная и восторженная древность представляетъ намъ дружбу, такою очаровательною, самоотверженною и безграничною, что мы не встрѣчая въ наше время подобной вовсе, или чрезвычайно рѣдко, приписываемъ то современной нашей испорченности, и какъ бы потерявъ къ дружбѣ всякую надежду, безпрестанно повторяемъ: «*какая теперь можетъ быть дружба*», обнаруживая тѣмъ сомнѣніе даже въ самой возможности ея у насъ существованія. Она же, напротивъ, не только никогда въ родѣ человѣческомъ не прекращалась, но и по сей день здравствуетъ преблагополучно, какъ и въ старину; только не сверхъестественная, не преувеличенная, а простая, натуральная, какою надѣлилъ насъ Господь. Его же надѣленіе не прекращается во вѣки.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія къ томъ, что человѣкъ одаренъ даромъ слова собственно для того, чтобы могъ передавать свои мысли и чувствованія себѣ подобнымъ; а стало быть, и жить съ ними въ сообществѣ. Притомъ онъ надѣленъ слишкомъ большимъ умомъ къ тому, чтобы могъ не сортируя и не разбирая людей, питать къ нимъ одно и то же чувство, одно и то же расположеніе. Эти два первоначальныхъ обстоятельства служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что для человѣка дружба не только необходима, но и неизбѣжна. Вслѣдствіе этого, человѣкъ сортируетъ людей по своимъ понятіямъ, чувствамъ и правиламъ, и однихъ изъ нихъ убѣгаетъ, о другихъ едва что нибудь знаетъ по слуху, съ иными ограничивается дальнимъ знакомствомъ, а съ остальными живетъ въ дружбѣ, то есть: посѣщаетъ ихъ, проводитъ съ ними свои досуги въ бесѣдѣ, въ сужденіяхъ, въ совѣщаніи, въ предостереженіяхъ и тому подобномъ, и это-то есть

рѣшительная, существенная и для человѣка необходимая дружба. Она, кромѣ пріятной и не рѣдко душеспасительной бесѣды, если только человѣкъ умѣетъ найти ее соотвѣтствующею своимъ понятіямъ, правиламъ и обстоятельствамъ, бываетъ для него очень полезною; а въ большихъ трудахъ, въ дѣлахъ многостороннихъ, головоломныхъ и опасныхъ, въ которыхъ самые сильные умомъ, волею и характеромъ люди, иногда утомляются, падаютъ въ изнеможеніе, нерѣшимость, въ бездѣйствіе и даже въ робость, всегда бываетъ неоцѣнима.

Какъ бы ты, юноша, ни былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, сколько бы ты ни надѣялся на свои собственныя силы, всегда ищи и сохраняй дружбу людей умныхъ, добрыхъ и благородныхъ. Но никогда не требуй, не ищи и не желай отъ людей какой-то сверхъестественной, самоотверженной, готовой для тебя жертвовать жизнію и всѣмъ своимъ состояніемъ дружбы, потому, что такая дружба есть дѣло

необыкновенное, чрезвычайное, мало намъ свойственное; и знай, что тотъ, кто тебѣ стремится доказывать такую дружбу, или тебя обманываетъ, или самъ обманывается.

Искательство.

Большая часть людей называетъ искательство дѣломъ безчестнымъ, не входя въ подробное его разсмотрѣніе. Есть точно искатели, которые въ искательствахъ своихъ доходятъ до низости; и хотя они почти всегда преуспѣваютъ и добиваются до желаемаго; но при всемъ томъ, такое поведеніе не благородно, достойно порицанія и равняется съ воровствомъ.

Однако же это отнюдь не доказываетъ, что не должно быть вовсе искательнымъ, потому, что быть вполнѣ неискательнымъ значило бы вовсе не искать того, что необходимо найти надобно. Мнѣ кажется, что для всякаго человѣка ищущаго въ свѣ-

тѣ, или, вѣрнѣе сказать, живущаго въ немъ съ людьми, искательство столько же нужно, какъ и самое угожденіе.

Многіе люди, по неподвижности своего, такъ сказать, неповоротливаго ума, по какой-то дѣвственной совѣстливости и боязни, а чаще всего по малодушію своему никогда ничего не ищутъ, а тянутся себѣ по пути, на который ихъ кто нибудь поставилъ, какъ черепаха: ничего не предвидятъ, ни въ чемъ не смѣкаютъ, ничего не предпринимаютъ и ни до чего не добиваются; все у нихъ взято изъ-подъ носа, и они живя въ бѣдности, въ нуждѣ, жалуются на судьбу, и какъ всѣ ничтожные ругаютъ и порочатъ неблагороднымъ искательствомъ людей честныхъ, преуспѣвающихъ въ свѣтѣ, по силѣ своей смѣтливости, ловкости и дѣятельности.

Также достаточно есть людей мало способныхъ, мало заботливыхъ, мало трудящихся и многоразглагольствующихъ, которые большую часть своихъ трудовъ посвящаютъ на то, чтобы во всякомъ человѣкѣ

находить недостатки и пороки, и которые при томъ стараются всегда выказывать отъявленное свое пескательство, подобно тому, какъ торгаши выказываютъ на рынкѣ свой товаръ. Этихъ людей можно назвать пескателями-хвастунами, которые въ сущности суть ничто болѣе, какъ ограниченные, лѣнивые и робкіе, или безразсудною гордостію напыщенные люди.

У начальства своего и у всѣхъ, отъ кого зависитъ твоя служба, юноша, заискивай непремѣнно; у приближенныхъ же къ начальству, какъ сказано выше, заискивай вдвое, и живи съ ними въ ладу. Также ищи всегда общества и знакомства людей значительныхъ, порядочныхъ и добрыхъ, и въ нихъ заискивай, но только помни, чтобы дѣлать то благороднымъ образомъ, безъ малѣйшаго униженія.

Въ этомъ мѣстѣ кстати сказать тебѣ, юноша, чтобы ты всѣ свои дѣла начиналъ всегда съ нижней инстанціи и по порядку шелъ выше. Не приготовя низшихъ, съ высшаго начальства не начинай никакого дѣла,

потому, что низшіе могли бы за то разсердиться и такъ твое дѣло перепортить, что потомъ и высшій ихъ начальникъ не былъ бы въ состояніи его исправить.

Держать слово.

Много есть должностныхъ лицъ, которые, занимая въ государствѣ значительныя мѣста, всѣмъ просителямъ подъ-рядъ обѣщаютъ все, и не дѣлаютъ ничего. Это происходитъ оттого, что эти лица по ограниченности своего ума и способностей, не будучи въ состояніи выполнять должнымъ образомъ своей обязанности, какъ всѣ малоспособные и безталанные, заботясь болѣе всего о томъ, чтобы въ свѣтѣ не считали ихъ таковыми, придумали этимъ убійственнымъ, а по ихъ мнѣнію невиннымъ средствомъ, обманывать людей, и тѣмъ отдѣлываться отъ всякихъ просьбъ. Чиновники эти не понимаютъ, что просители почти всегда бываютъ люди бѣдные, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, обре-

менные семействами; и что бѣдняки эти обнадеженные сладкими обѣщаніями, вмѣсто того, чтобы искать въ другихъ мѣстахъ, въ тщетномъ ожиданіи проживаютъ послѣднюю свою копѣйку, впадаютъ въ крайнюю бѣдность, въ нищенство, и съ отчаянія не рѣдко заболѣваютъ и умираютъ въ самомъ плачевномъ положеніи.

Такое должностныхъ людей поведеніе хуже разбоя, достойно висѣлицы и вѣчнаго проклятія.

Не смотря ни на какія просьбы, не обѣщай никогда, юноша, того, чего исполнить не можешь; а что обѣщаешь, то исполни непремѣнно, и всегда помни пословицу: «давать слово — крѣпись, а далъ его — держись».

Наука жизни.

Здѣсь время объяснить, что угожденіе указываетъ, какъ вести себя въ отношеніи людей, а умѣренность и трудъ, какъ поступать съ самимъ собою. Эти три главнѣй-

шія откровенія — угожденіе, умѣренность и трудъ, составляютъ главизну, элементъ, ядро науки жизни и въ этомъ то именно заключается самая *наука жизни, или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ*. Наука эта есть труднѣйшая изъ всѣхъ наукъ, крайне для всякаго молодаго неопытнаго человѣка необходимая, пространная какъ вся жизнь, неопредѣленная какъ все человѣчество, произвольная, неуловимая, зависящая отъ всякаго новаго дѣйствія, отъ каждаго новаго лица; и при всемъ томъ, къ несчастію, въ изученіяхъ человѣческихъ, она пропущена, въ одно цѣлое не собрана, и на благо человѣчеству до сихъ поръ не предоставлена.

Разное.

Послѣднее приношеніе мое тебѣ, прекрасный юноша, заключается въ нижеслѣдующемъ: Будь всегда легко-доступнымъ для всякаго. Въ обращеніи, какъ у себя дома, такъ и въ свѣтѣ, съ

порядочными людьми будь всегда совершенно простъ, какимъ создалъ тебя Господь, безъ всякихъ занятыхъ манеръ и тонкихъ кривляній, которыя, какъ бы ни были изысканны, выспренни, модны и хороши, всегда обнаруживаютъ пустаго человѣка. Съ людьми глупыми будь строгъ, сухъ, вовсе не сблизителенъ; и во избѣжаніе ихъ нахальной фамиліарности, держи себя всегда отъ нихъ на благородной дистанціи. Никогда передъ людьми вообще не показывай самоувѣреннаго вида и большой невнимательной свободы въ обращеніи; это имъ не нравится, и какой нибудь избалованный вниманіемъ человѣкъ, такого твоего обращенія въ его присутствіи, во вѣкъ тебѣ не проститъ и сдѣлается твоимъ явнымъ врагомъ, и ты никогда не догадаешься, чѣмъ могъ вооружить его противъ себя. Ни за какое зло не иди на пагубу другаго; — месть есть самое низкое чувство. Не будь ни въ чемъ скоръ, въ особенности на обиду: ты скажешь, хо-

тя бы самому плохому человѣку, непріятное слово, а онъ тебѣ отвѣтитъ страшною обидой. Притомъ знай, что есть много на свѣтѣ задиралъ, драчуновъ, ищущихъ ссоры и гадкой исторіи. Ихъ нужно какъ можно избѣгать; что дѣлать очень легко — не входя ни въ какія дурныя общества, гдѣ они обыкновенно первенствуютъ; въ хорошемъ же кругу они встрѣчаются очень рѣдко. Дурное общество всего вреднѣе. Лучше сидѣть дома одному, чѣмъ быть въ дурномъ кругу, въ которомъ кромѣ непріятной исторіи и худаго примѣра ничего добраго ожидать нельзя; отчего и пословица: «Скажи мнѣ съ кѣмъ ты водишься, а я тебѣ скажу кто ты самъ». Слезамъ не вѣрь, потому, что иному прослезиться очень не трудно; а вѣрь только очевидному дѣлу и своему собственному убѣжденію. Лобзаній всегда избѣгай, какъ равно и тѣхъ людей, которые безпрестанно будутъ тебѣ вѣшаться на шею. Въ несчастіяхъ людскихъ бери всегда живѣйшее участіе, если

не можешь дѣломъ, то совѣтомъ или хотя добрымъ словомъ; и наконецъ для того, чтобы угодить человѣку скрытному, неразгаданному, къ которому приноровиться нѣтъ никакой возможности, поставляй себя, мысленно, на его мѣсто, а его на свое, потомъ спрашивай у своего разсудка и у своихъ чувствъ, чѣмъ и какимъ образомъ могъ бы онъ для тебя сдѣлать угодное и пріятное, и сообразно съ ихъ указаніемъ ему угождай.

Со слѣдующей статьи буду бесѣдовать я съ юношею уже возмужалымъ, то есть съ человѣкомъ, могущимъ сдѣлаться отцомъ семейства.

Бракъ.

«*Не добро быти человѣку единому*». Эта святаго писанія заповѣдь объясняетъ, что, по закону Божію, всякій человѣкъ долженъ быть женатымъ, для того, чтобы послѣ себя оставить продолженіе своего рода.

Жизнь холостяка, безъ сомнѣнія, нестолько обременена заботой и нуждами, сколько человѣка семейнаго; и потому онъ, будучи одинокимъ, въ этомъ отношеніи передъ семейнымъ имѣетъ то самое преимущество, которымъ пользуется человѣкъ ничего не дѣлающій, противъ постоянно работающаго. Къ тому холостяка вездѣ принимаютъ хорошо, вездѣ ему рады; отъ чего онъ, подобно пчелиному трутню, снѣдаетъ готовую сладость, безъ всякаго воздаянія, безъ всякой обязанности, не заботясь ни о комъ, кромѣ самого себя. Да и какое мнѣ, думаетъ онъ, до другихъ дѣло!

Такая жизнь не трудна, и для эгоиста можетъ даже быть пріятна; но какъ жизнь мужа, она, не соотвѣтствуя вполнѣ своему земному назначенію, можетъ назваться тунеядною, потому, что по закону Божію, мужъ обязанъ своимъ умомъ и своими руками питать и содержать не одного себя, но цѣлое семейство.

Объяснивъ преимущества и лучшую сто-

рону холостой жизни, разсмотримъ мы ее съ другихъ сторонъ.

Положимъ, что холостякъ напримѣръ хоть угорѣлъ; тутъ ему болѣе дѣлать нечего, какъ терпѣть и молчать, потому, что не только пожаловаться некому, но даже для того, чтобы поговорить съ кѣмъ нибудь, надобно идти со двора; дома же у него не съ кѣмъ слова сказать, — все тихо, безмолвно, голоса человѣческаго не слышно. Но это не бѣда! — голова поболитъ да и перестанетъ. Какое кому до того дѣло! Потомъ допустимъ, что холостякъ заболѣлъ и слегъ въ постель; въ такомъ случаѣ, хотя за нимъ, какъ за больнымъ, ухаживать рѣшительно некому, отъ того, что другимъ также до него нѣтъ дѣла, какъ и ему до нихъ; но онъ вѣдь гдѣ нибудь да служитъ, или имѣетъ какую нибудь обязанность, такъ начальство должно распорядиться, чтобы положить его въ лазаретъ, или въ больницу, гдѣ могутъ его выпользовать. Стало быть и это бѣда еще не ве-

лика. Только будущность его не представляетъ ничего блестящаго, хотя бы въ то время, напримѣръ, когда холостякъ, станетъ приближаться къ старости, и когда, по случаю своей немощи, долженъ будетъ оставить службу и всякую дѣятельность, а вслѣдствіе того, не станетъ уже собою интересовать ни одного человѣка въ цѣломъ мірѣ; и когда, можетъ статься, для его собственнаго движенія, ему нужна будетъ помощь другаго (кто знаетъ какова чья будетъ старость), тогда его жизнь, по истинѣ, не стоитъ ни гроша; и холостякъ въ такомъ положеніи, за всякій шагъ, за каждый вздохъ долженъ платить щедро, и давать много бумажекъ и золота для того, чтобы ими купить себѣ человѣческое участіе, чтобы этою единственною, какая можетъ остаться у него прелестію, привязать къ себѣ какого нибудь лакея, или простую какую бабу, да еще, можетъ случиться, и неблагонамѣренныхъ, для надзора за его безчувственными, изможжен-

ными остатками. Это уже дѣйствительно дурно, очень дурно, да все еще не совсѣмъ, а совсѣмъ худое можетъ выйдти тогда, когда онъ, Боже сохрани, въ тяжкой болѣзни потеряетъ самосознаніе: тогда только истинная привязанность готова сама найтись, но только не къ нему, онъ нечистая тряпка — болѣе ничего, а къ его золоту, къ его состоянію. И въ этомъ случаѣ, я уже не ручаюсь за то, чтобы какая нибудь наемная рука не могла ускорить окончаніемъ его жалкой жизни. Вотъ, молодой мой читатель, по какимъ уважительнымъ причинамъ надобно всякому человѣку жениться.

Для совершенія этого важнѣйшаго въ человѣческой жизни таинства, надобно прежде разсмотрѣть хотя главнѣйшія его обстоятельства и происходящія отъ него послѣдствія. Послѣдствія эти самыя простыя, очевидныя и неминуемыя состоятъ въ томъ, что человѣкъ женившись можетъ имѣть, среднимъ числомъ, пятерыхъ дѣтей, и что обезпеченіе ихъ жизни и

будущности, есть такая же святая его обязанность, какъ обезпеченіе его собственной, съ тою разницею, что для обезпеченія его жены и пятерыхъ дѣтей, потребуется болѣе чѣмъ вдвое состоянія, какое нужно бы было для него одного. Къ тому еще, въ числѣ тѣхъ пятерыхъ дѣтей могутъ случиться четыре дочери, которымъ кромѣ воспитанія надобно дать приданое; безъ чего онѣ могутъ остаться въ дѣвахъ навсегда, и непристроенныя, влачить несносную жизнь свою, не удовлетворивъ ею даже назначенія женщины, и потомъ справедливыми жалобами, что онъ, какъ отецъ, есть единственнымъ виновникомъ ихъ горькой участи, могутъ сокрушать его родительское сердце не только въ продолженіе всей его жизни, но и по смерти тревожить прахъ его въ самой могилѣ.

Стало быть, для женитьбы потребно состояніе гораздо значительнѣе, чѣмъ для одного человѣка. Дѣйствительно потребно, такъ потребно, какъ для голоднаго

пища, для жаждущаго питье; до того потребно, что женитьба, безъ состоянія, то есть безъ средствъ къ жизни, есть преступленіе, хуже смертоубійства, потому, что убійца зарѣжетъ — и конецъ страданью; а женитьба безъ состоянія, отягчаетъ нищетою, мученьемъ, горькою участью на всю жизнь, не одного, а многихъ, и къ тому еще совершенно невинныхъ. Каково, напримѣръ, отцу смотрѣть на прекрасно-развивающихся милыхъ своихъ малютокъ, и быть заранѣе увѣрену, что съ его смертію они въ бѣдности должны будутъ переносить крайнія нужды, лишенія, и можетъ быть спуститься въ низшую сферу, въ нижній слой человѣчества.

Не смотря на все это, большая часть браковъ совершается безъ всякаго обезпеченія и средства къ жизни, изъ одного эгоизма: понравится человѣку дѣвица; онъ и давай надрываться, чтобы получить ея руку, не думая вовсе о будущности, утѣшаясь обыкновенною, пошлою

и безразсудною поговоркой, что женятся же бѣдные и не умираютъ съ голоду. Не богатая дѣвица, конечно, рада выйдти замужъ, разсуждая весьма основательно, что о средствахъ къ жизни для всей семьи долженъ вѣдать мужъ, какъ глава, какъ начальникъ семейства. Потомъ оба забывъ, что ни онъ, ни она ничего не имѣютъ, скорѣе подъ вѣнецъ.

Тутъ кстати долженъ разсказать я одинъ изъ многочисленныхъ подобныхъ браковъ, совершившійся въ моихъ глазахъ, можно сказать, въ потокѣ слезъ и рыданій. Нѣкто бывши моимъ подчиненнымъ, прекрасный молодой человѣкъ и хорошій служивый, пришелъ ко мнѣ, какъ къ своему ближайшему начальнику, просить позволенія вступить въ законный бракъ съ дѣвицею Н. Собравъ заблаговременно нужныя объ ихъ имуществѣ свѣдѣнія, и объяснивъ ему, что они оба не имѣютъ никакого состоянія, по смыслу существовавшаго на этотъ случай закона, я ему въ просимомъ позволеніи от-

казалъ. Но онъ тѣмъ не удовлетворясь, явился ко мнѣ вторично, съ увѣреніемъ, что его невѣста имѣетъ приданаго десять тысячь рублей серебромъ. Доказавъ всю несправедливость его увѣреній, и то, что его самого въ этомъ дѣлѣ обманываютъ, я ему опять отказалъ. Назавтра онъ ко мнѣ предсталъ въ третій разъ, уже съ форменными бумагами, удостовѣрявшими, что отецъ невѣсты имѣетъ имущества на десять тысячь рублей. Но обязанности своей, опять я ему долженъ былъ доказывать, что отцу и матери нареченной, едва самимъ можно прожить этимъ, преувеличеннымъ на бумагѣ, состояніемъ; что онъ не помышляя вовсе о неминуемыхъ худыхъ послѣдствіяхъ, безбожно намѣревается себя и свою невѣсту сгубить, что мнѣ его жаль, и что, наконецъ, по самой совѣсти я не могу на ихъ бракъ согласиться. Тогда онъ со слезами на глазахъ возразилъ: «не знаю отъ чего я такъ несчастливъ, что вы при всемъ своемъ доброжелательствѣ, хо-

тите отнять у меня мое счастіе: клянусь вамъ, что ни отецъ, ни дѣдъ мой, и ни кто изъ моихъ родныхъ, никогда не имѣли десяти тысячь рублей, а вы хотите меня лишить ихъ». Тутъ видя, что мои слова были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, предоставилъ я ему право просить помимо меня разрѣшенія высшаго начальства. Бракъ этотъ начальствомъ наконецъ былъ дозволенъ — и голодъ, такъ сказать, женился на жаждѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, мы перемѣнили мѣсто нашего квартированія. Новобрачные наши не получивъ отъ родителей, кромѣ благословенія, ничего, задолжали всѣмъ, кому только могли, и въ самое короткое время дошли до такой нужды, что не имѣли денегъ, чтобы послать на рынокъ за провизіей, и оставались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Мужъ пишетъ къ родителямъ жены, проситъ помощи, — отвѣта нѣтъ. Доноситъ имъ, что ихъ дочь, а его жена больна, лежитъ на смертномъ одрѣ и

не имѣетъ ни лекарства, ни пищи, — нѣтъ отвѣта. Наконецъ (нужда изобрѣтательна) доноситъ имъ, что его жена скончалась, и приглашаетъ ихъ на похороны. Пріѣзжаютъ родители хоронить свою несчастную дочь, находятъ ее въ живыхъ, но въ величайшей нищетѣ, и не имѣя сами никакихъ средствъ, явились ко мнѣ. Я долженъ былъ войдти въ разбирательство этого дѣла, и хотѣлъ было выставить на видъ отцу его безчеловѣчное противъ своей собственной дочери поведеніе; но онъ оправдывался тѣмъ, что видя отчаяніе дочери, и расчитывая на карьеру жениха, не могъ не согласиться на ихъ бракъ: а теперь радъ бы всей душой имъ пособить, да самъ ничего не имѣетъ; и какъ онъ говорилъ сущую правду, то и кончилось на томъ, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Несчастная чета эта существуетъ и теперь, но ихъ жизнь есть истинное мученье; а горькую участь ихъ дѣтей всякій легко можетъ себѣ представить.

Подобныхъ браковъ совершается безчисленное множество ; и отъ нихъ то-наиболѣе на свѣтѣ нищеты, страданій, бѣдствій, вдовъ и сиротъ, въ самомъ жалкомъ, раздирающемъ сердце человѣческое, положеніи.

Бѣдному жениться на бѣдной есть злодѣйство хуже разбоя, криминалъ, непростительное малодушіе. Жениться ему на богатой, хотя и могла бы пасть на него обязанность исправлять въ домѣ должность работника — все это лучше, чѣмъ жениться на бѣдной.

Господь надѣлилъ мужа умомъ, сплою и волею болѣе чѣмъ женщину, на тотъ конецъ, чтобы онъ трудился, работалъ, и въ потѣ лица стяжалъ насущный хлѣбъ какъ для себя, такъ и для всего своего семейства. Мужъ не исполнившій этого долга, есть дармоѣдъ, тунеядецъ, негодный работникъ не заплатившій своимъ трудомъ хозяину, поставившему его на дѣло. А потому надобно человѣку, прежде всего, самому, службою и трудами пріобрѣ-

сти хотя маленькое состояніе; потомъ найти себѣ съ такимъ же состояніемъ жену, и при общихъ, хотя и небольшихъ средствахъ, съ расчетомъ и экономіею, не переставать трудиться на службѣ или внѣ оной, такимъ образомъ, чтобы не проживать, а увеличивать свое состояніе.

Спасайся.

Ничто въ молодости нашей не въ состояніи очаровать насъ такъ легко и такъ скоро, какъ прекрасная дѣвица, и никто легче ее не можетъ поработить самаго величайшаго героя. А потому, на невинное съ дѣвицею препровожденіе времени надобно всегда смотрѣть, какъ на дѣло самое серьёзное.

Случится съ тобою, молодой мой читатель, что какая нибудь дѣвица прельститъ тебя, при первой твоей съ нею встрѣчѣ, или что та, къ которой ты былъ сначала равнодушнымъ, начнетъ нечувствительнымъ образомъ тебѣ нравиться, случится непремѣнно, и можетъ быть не одинъ

разъ; о чемъ я тебя предупреждаю, какъ о предметѣ, отъ котораго обыкновенно зависитъ счастіе и несчастіе всей нашей жизни, и на который всегда надобно обращать величайшее вниманіе, потому, что такому своему новому расположенію, съ помощію разсудка и воли, можно противостать только при самомъ его въ насъ появленіи; позднѣе же оно такъ сильно завладѣваетъ нашими чувствами, что никто не въ состояніи противъ его устоять.

Какъ только замѣтишь, что дѣвица начинаетъ тебѣ хотя немного нравиться, то въ ту же минуту, пока еще это чувство не завладѣло тобою совершенно, сдѣлай самому себѣ два вопроса: 1) «Есть ли возможность мнѣ на ней жениться?» и 2) «Послѣ женитьбы на ней, будемъ ли мы оба вмѣстѣ имѣть довольно состоянія и средствъ къ тому, чтобы прилично содержать себя и свое семейство, воспитать дѣтей и послѣ себя оставить имъ благородное содержаніе?» И если, по совершенномъ удостовѣреніи, на эти два вопроса

можно отвѣчать удовлетворительно; то поступай по влеченію твоего сердца. Буде же къ женитьбѣ на ней есть какое нибудь непреоборимое препятствіе, или, что еще хуже, нѣтъ необходимаго для жизни состоянія; то тотчасъ поступай какъ въ молодости моей въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда дѣлалъ я, то есть: спасайся, спасайся! — уйди изъ того дома и никогда въ него болѣе ни ногой. Бѣгство въ такихъ случаяхъ есть самое дѣйствительнѣйшее и вѣрнѣйшее къ спасенію средство, другаго никакого нѣтъ и быть не можетъ.

При чемъ долженъ я тебя, молодой мой читатель, предостеречь, что какъ въ настоящее время отъ повальной роскоши, чрезвычайно много людей, не смотря на ихъ наружный блескъ и знатность, находится въ критическихъ обстоятельствахъ и въ страшныхъ долгахъ, то очень часто родители или родные, противъ своего собственнаго желанія, обманываютъ жениховъ и невѣстъ золотыми и неясными

обѣщаніями и самовѣрнѣйшими, на однихъ словахъ, доказательствами о приданомъ невѣстъ и о состояніи жениховъ. Въ такихъ обстоятельствахъ надобно отложить всякую неумѣстную совѣстливость въ сторону, и никакимъ голословнымъ обѣщаніямъ не вѣрить, а основываться только на однихъ ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствахъ и ни сколько не сомнѣваться въ томъ, что гдѣ о состояніи говорится не ясно, а дѣлаются только утонченные намеки, или промалчивается; то тамъ его вовсе не существуетъ.

Еще разъ предостерегаю тебя, что отъ дѣвицы, начинающей тебѣ нравиться, на которой ты по благоразумію жениться не можешь, нѣтъ другаго способа спастись, какъ только отъ нее бѣжать и никогда съ нею не встрѣчаться. Остальныя за тѣмъ средства, какъ напримѣръ: надежда на твою непреклонную волю, на твое благоразуміе и на себя самого, и тому подобное, суть въ этомъ случаѣ ничто болѣе, какъ пыль, прахъ и паутина.

Женитьба.

Никакія твои ошибки и упущенія, молодой читатель, не могутъ сдѣлать тебѣ такого полнаго несчастія на всю твою жизнь, какое сдѣлала бы тебѣ неблагоразумная твоя женитьба.

Женись никакъ не моложе тридцати пяти лѣтъ; это наилучшій для женитьбы возрастъ, потому, что женившись моложе могъ бы ты имѣть пятнадцать и болѣе дѣтей, что составило бы для тебя тяжкое обремененіе, и ты былъ бы великимъ труженикомъ, при всегдашнемъ недостаткѣ; потомъ жена твоя совсѣмъ бы состарѣлась, въ то время, какъ ты былъ бы еще крѣпокъ и силенъ, а отъ того могло бы нарушиться ваше семейное счастіе; и наконецъ, не возможно ранѣе этихъ лѣтъ, честнымъ образомъ пріобрѣсти достаточно обезпечивающаго для цѣлаго семейства состоянія.

Выборъ.

Въ выборѣ себѣ жены болѣе всего помни, молодой читатель, чтобы у васъ было, какъ выше уже сказано, обезпечивающее жизнь, хотя небольшое состояніе. Потомъ смотри крѣпко: 1) Здорова ли твоя будущая, въ особенности не подвержена ли падучей болѣзни, или другому какому припадку? 2) Любитъ ли она жизнь, не хандритъ ли, не мизантропитъ ли она, или не имѣетъ ли какихъ другихъ уродливыхъ, отравляющихъ жизнь направленій? 3) Въ благоразумныхъ ли границахъ ея желанія и претензіи? 4) Скромна ли она? и 5) Разсудительна ли? Эти главныя качества должна имѣть твоя невѣста непремѣнно; и если одного изъ нихъ у нее не достаетъ, то бѣги отъ нее прочь, потому, что дѣвица безъ этихъ качествъ не можетъ выйдти замужъ, а должна оставаться въ дѣвахъ, чтобы не размножать на свѣтѣ зла.

При этомъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не сказать, что скромная женщина

есть истинное подобіе ангела, и что къ ней нельзя иначе приближаться какъ съ благоговѣніемъ. Ея скромный и кроткій взглядъ точно божественны! Безъ скромности она противна, отталкивающа; это мужчина, это гренадеръ, это наглецъ, требующій усмиренія.

Избирай себѣ жену съ величайшимъ вниманіемъ и осторожностію; совѣтуйся съ людьми честными и почтенными. Не полагайся слишкомъ много на свою проницательность, а узнавай чрезъ другихъ о всѣхъ подробностяхъ, самымъ точнѣйшимъ образомъ. Одинъ лишь Господь можетъ знать и всѣхъ и вся; отъ чего и пословица: «На всякаго мудреца—довольно простоты». Ничто такъ часто не вводитъ людей въ ошибки, какъ излишняя ихъ самоувѣренность, и ничто менѣе ее не можетъ быть прилично человѣку, потому, что какой бы ни былъ проницательный и бойкій человѣкъ, всегда онъ долженъ подвергаться ошибкамъ и промахамъ, человѣчеству свойственнымъ.

Будучи еще холостымъ, мечтая о женитьбѣ, желалъ я, чтобы моя жена была только свѣтски образована, но большой хозяйки я въ ней найти боялся; не любя вообще женщинъ интересанокъ, хотѣлъ я, чтобы она была безкорыстна; а во избѣжаніе большихъ съ нею хлопотъ желалъ даже, чтобы она не была очень умна, расчитывая, что для нашего дома достаточно будетъ и моей головы. Но Милосердый не услышалъ безразсудныхъ моихъ желаній, и даровалъ мнѣ преразсудительную жену и бережливую хозяйку; безъ чего, какъ изъ опыта оказалось, я бы совсѣмъ пропалъ. Такъ человѣкъ ошибается всю жизнь и всегда будетъ ошибаться!

Супружество.

Вступивъ въ законный бракъ, молодой мой читатель, прежде всего потребуй отъ жены, и самъ дай ей честное слово въ томъ, чтобы межъ васъ никогда никакое недоразумѣніе не оставалось безъ объясне-

нія; чтобы никакихъ странностей или недостатковъ вашихъ, каковы бы они ни были, не приписывать другъ другу врожденными; но при первомъ ихъ появленіи тотъ же часъ объясниться откровенно, чистосердечно и ясно. Однимъ словомъ, ничего не подразумѣвать, ни въ чемъ не сомнѣваться, а обнаруживать другъ другу, съ благородною довѣрчивостію, все, что у васъ въ головѣ, на сердцѣ и на душѣ. Безъ этого очень часто супруги считаютъ другъ друга совсѣмъ иными, каковы они въ самомъ существѣ.

Потомъ открою тебѣ главнѣйшую тайну супружескаго счастія. Эта тайна заключается въ величайшемъ снисхожденіи, которое вы должны имѣть другъ къ другу вѣчно, потому, что какъ бы вы ни были хороши, какъ бы вы ни были умны, очаровательны и милы, но въ самое короткое время откроете непремѣнно одинъ въ другомъ многія–множества такихъ недостатковъ и несовершенствъ, которыя васъ удивятъ, поразятъ и поставятъ въ недо-

умѣніе. Это неминуемо, это непзбѣжно, это естественно, потому, что мы совершенно несовершенны и совершенно слабы. Послѣ этого, само собою обнаруживается, что для совмѣстнаго, всегдашняго, согласнаго жительства съ существомъ несовершеннымъ, преисполненнымъ недостатковъ, непремѣнно потребно обширнѣйшаго, всегдашняго снисхожденія, ни чѣмъ инымъ не замѣнимаго. Точно, одно только снисхожденіе можетъ смягчить, уменьшить и сокрыть отъ нашихъ глазъ наши смертныя несовершенства! Такъ, чтобы укрѣпить себя въ этомъ довольно трудномъ снисхожденіи, надобно твердо убѣдиться въ своемъ собственномъ убѣжденіи, сознать въ своемъ собственномъ сознаніи, что ты самъ такіе же и можетъ быть еще большіе имѣешь недостатки, какъ твоя жена; и что для тебя, со стороны ея, столько же требуется величайшаго снисхожденія, какъ твоего для нее, если еще не болѣе.

Счастливыя супружества въ наше время

встрѣчаемыя, по большой части суть тѣ, которыя эту тайну (снисхожденіе) понимаютъ и ею руководствуются; а остальныя, болѣе въ простонародіи, хотя объ ней не имѣютъ понятія, но не менѣе того, по особо-счастливой наклонности, по прожденному расположенію, можно сказать, по инстинкту, выполняютъ ее совершенно.

Супружества несчастныя, не имѣя объ этомъ величайшемъ снисхожденіи никакого понятія, бывъ поражены недостатками и несовершенствами другъ друга, считаютъ себя горько обманувшимися, попавшимися безвозвратно въ ловушку, досадуютъ на свой выборъ, горюютъ, сокрушаются и вмѣсто святой любви, безпомощно предаются сначала невольному равнодушію, а въ слѣдъ за тѣмъ и ненависти, порождаемыми въ простотѣ ихъ сердецъ увѣренностію въ совершенной невозможности любить то, что намъ не нравится, и этимъ самымъ губятъ навсегда супружеское свое счастіе и всю свою будущность.

Если ты, читатель мой, расположенъ понять всю благотворность, всю душеспасительность этого благодатнаго снисхожденія, и если ты имѣешь надъ собою довольно власти, чтобы употребить его въ свою пользу, и если ты того точно желаешь; то я съ радостію представляю тебѣ къ тому еще одно вспомогательное средство. Оно состоитъ въ томъ, чтобы твоей женѣ, дѣтямъ, людямъ, твоимъ выгодамъ, твоему хозяйству, всему твоему дому, до послѣдней вещицы, ты всегда въ своихъ собственныхъ глазахъ и понятіяхъ усвоивалъ и придавалъ какъ можно болѣе достоинства, цѣны, прелести, и во всемъ этомъ открывалъ, выпскивалъ, находилъ только одно хорошее, одно лучшее, одно прекрасное. Потомъ, чтобы ты силою воли заставилъ себя любоваться всѣмъ этимъ, радоваться, безпрестанно имѣть это въ своихъ мысляхъ, и наконецъ увѣрилъ бы самого себя, что все это дѣйствительно хорошо и для твоего счастія достаточно. На все же то, что окажется худымъ, смотр

съ высшей точки, съ величайшимъ снисхожденіемъ, какъ на несовершенство неизбѣжное, маловажное, пустое, которое, со временемъ, исправится само собою. Пріучась такимъ образомъ находить въ своемъ домѣ все пріятнымъ, полюбишь ты его болѣе всего на свѣтѣ и оправдаешь пословицу: «Вездѣ хорошо, а дома лучше.»

При такомъ мудромъ твоемъ дѣйствіи въ своей семьѣ и въ своемъ домѣ, ты долженъ быть счастливъ, и никакія неправильности, недостатки и ошибки, не будутъ въ состояніи нарушить и возмутить твоего счастія.

Зналъ я одно прекрасное семейство, жившее постоянно въ деревнѣ, въ маленькомъ своемъ помѣстьѣ. Отецъ того семейства былъ безпечепъ, тихъ, добръ до слабости и очень разсудителенъ. Мать была дѣятельна, жива, очень бережлива, вспыльчива, умна. Кругъ дѣйствія отца былъ внѣ дома; но въ самомъ домѣ онъ не зналъ ничего. Дѣйствіе матери было неутомимо и въ домѣ и внѣ его, и въ городахъ и въ су-

дахъ—вездѣ. Отецъ, будучи большимъ хлѣбосоломъ, любилъ сосѣда и знакомаго, жившихъ съ нимъ въ дружбѣ, угостить и подчасъ съ ними благородно попировать; мать же, изъ одной бережливости, этого терпѣть не могла. Какъ только пріѣзжала къ нимъ мужская компанія гостей, то она обыкновенно все запирала и уѣзжала изъ дому съ ключами; отецъ привыкшій къ такой продѣлкѣ, нисколько тѣмъ не конфузясь, вступалъ тотчасъ въ права хозяйки, распоряжался—и слесарь немедленно отпиралъ всѣ замки; ключница и вся дворня исполняли велѣнія барина какъ нельзя лучше; бесѣда одушевлялась, — они себѣ чинно попируютъ, да и разъѣдутся. Тогда только мать возвращается домой. Мужъ встрѣчаетъ ее какъ нельзя внимательнѣе и нѣжнѣе; но вмѣсто ласки, сыплются на него упреки, жалобы, слезы, шумъ, крикъ. Мужъ терпитъ все не говоря ни слова, но напослѣдокъ смѣкнувъ, что конца этому не предвидится, идетъ со двора. Долго осматриваетъ хозяйство, и возвращается

назадъ. Встрѣчаетъ тотъ же крикъ и гамъ, еще и съ прибавленіемъ, потому, что всѣ убытки осмотрѣны, исчислены, — потеря значительна. Тутъ иногда мужъ, потерявъ терпѣніе, на всѣ шумные вызовы ничего не отвѣчая, велитъ заложить лошадей и уѣдетъ себѣ къ сосѣду, всегда готовому принять его съ распростертыми объятіями; отпуститъ лошадей домой и живетъ тамъ превесело, какъ бы ничего не бывало. Жена строго прикажетъ слѣдить куда онъ уѣдетъ, и всегда знаетъ гдѣ онъ находится; сама же весь день занимается исправленіемъ внутренняго хозяйства, и въ вечеру начинаетъ уже посматривать въ окна, не ѣдетъ ли мужъ — нѣтъ. Ждетъ поздно ночью — нѣтъ, почти не спитъ всю ночь отъ безпокойства и тщетнаго ожиданія. На завтра ждетъ къ завтраку — нѣтъ, къ обѣду — то же. Посылаетъ верхового узнать, тамъ ли мужъ; отвѣтъ, что дѣйствительно тамъ. Ей дѣлается досадно, терпѣнье лопается, и вотъ пишется письмо самое нѣжное и отправляется вмѣстѣ съ

экипажемъ. Съ той минуты уже безпрестанно поглядывается въ окно: не ѣдутъ ли? Наконецъ и въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ мужъ. Какая радость! Все въ домѣ зашевелится, забѣгаетъ, встрѣча радостная, точно жениха съ невѣстой! А мужъ тутъ кстати и говоритъ: видишь ли, другъ мой, сколько безпокойства, сколько неудовольствій, и даже убытка! Но если бы ты оставалась дома, то замки были бы цѣлы, люди столько бы не растощили, и гораздо менѣе было бы ущербу. Согласись, что съ людьми надобно жить въ дружбѣ и пріязни, и что стоитъ только ихъ принять худо одинъ разъ, то въ другой они не пріѣдутъ — и конецъ знакомству; а безъ людей жить нельзя, отчего и пословица: «На людяхъ смерть красна». Все это и тому подобное выслушивается хладнокровно, съ ласкою, съ согласіемъ, и на томъ кончается вся буря, и они пошли опять жить припѣваючи. Такъ умно поступалъ мужъ, жилъ вмѣстѣ съ женою сорокъ лѣтъ, имѣли они четырнадцать дѣтей, и пристроивъ ихъ

всѣхъ, старикъ умеръ, люби свою жену, какъ молодой любовникъ.

Потомъ скажу тебѣ, читатель, еще одно откровеніе, необходимое къ сохраненію навсегда супружеской теплой любви и нѣжной привязанности вашей другъ къ другу. Оно очень легко для того, чтобы его понять, но требуетъ довольно силы и характера, чтобы его исполнить. Это есть прямо дѣло твоей твердой мужской воли, которая не должна допустить, чтобы вы могли пресытиться другъ другомъ въ чемъ бы то ни было ни одного раза.

Очень часто мы видимъ прекраснаго собою мужчину, всю свою жизнь нѣжно любящаго жену — предурной наружности, злую, капризную, мотовку. Чудо это происходитъ оттого, что она, понимая это откровеніе вполнѣ, не позволяетъ своему мужу никогда, не только пресытиться ею, но даже до сыта съ нею наговориться, и этимъ невиннымъ средствомъ питаетъ въ мужѣ всегдашнюю готовность на ея велѣнія.

Простой народъ, не понимая вовсе этого откровенія, прогоняетъ всѣ пресыщенія супружества дракою — по одному такъ сказать инстинкту. Жена простолюдина, не нуждающаяся ни въ чемъ, посреди довольства вдругъ начинаетъ къ своему мужу придираться, и какъ бы онъ ни былъ лѣнивъ, какъ бы онъ ни былъ добръ, она его ругаетъ и мучитъ до тѣхъ поръ, пока не выведетъ изъ терпѣнія и не доведетъ до того, что онъ ее поколотитъ; и какъ только это исполнилось, то немедленно наступаетъ радостное примиреніе, и тогда они оба довольны и счастливы.

Еще одно важное откровеніе супружеской жизни состоитъ во всегдашней деликатности мужа къ женѣ, какъ въ словахъ, чувствахъ, идеяхъ, обращеніи, такъ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Ничто не разливаетъ столько прелести на супружескую жизнь, какъ деликатность и учтивость въ обращеніи, и однимъ этимъ можно заставить женщину любить себя всю жизнь.

Къ тому еще жена требуетъ величай-

шаго къ ней вниманія. Она часто представляется совсѣмъ иною, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ: иногда плачетъ безъ всякой видимой причины, считаетъ себя несчастною безъ малѣйшаго основанія, или воображаетъ, что въ скоромъ времени должна умереть; отъ самой ничтожной причины иногда дѣйствительно заболѣваетъ, или такъ мало кушаетъ, что надо удивляться какъ можетъ жить она почти безъ пищи. Однимъ словомъ, много представляется въ ней такихъ неразгаданныхъ явленій, которыхъ самые опытные врачи разгадать не могутъ. Да и сама она все это чувствуетъ, но отчета въ томъ не только другому, но даже самой себѣ не можетъ дать никакого.

Случилось мнѣ видѣть, какъ одинъ мой родственникъ, прекрасный молодой супругъ, не вѣдая ничего этого, увидѣвъ слезы своей жены, хотѣлъ настоятельно узнать тому причину; но жена не отвѣчала ему ни слова. Раздосадованный онъ назвалъ ея молчаніе упрямствомъ. Жена

еще болѣе расплакалась, и не будучи въ состояніи снести разговора, ушла и легла въ постель. Мужъ ломалъ себѣ голову доискиваясь, чѣмъ бы могъ ее огорчить, и не находя никакой причины, выходилъ изъ себя — что не можетъ ничего ни сообразить, ни догадаться. Спустя нѣсколько часовъ, явилась жена, совсѣмъ успокоенная, извинялась, что печалитъ и огорчаетъ его, нѣжно просила прощенія, объясняя, что она въ этомъ не виновата, что слезы текли изъ глазъ безъ ея спросу, что безотчетная тоска давила ее ужасно, и что она на его вопросъ хотѣла отвѣчать, но при всемъ ея усиліи не могла выговорить ни одного слова. Изъ чего мы ясно увидѣли, что въ подобныхъ случаяхъ надобно оставлять жену въ покоѣ, предоставлять ее самой себѣ и никогда не доискиваться ни причины, ни отчета, и что здравый отчетъ въ дѣлахъ такого рода есть вещь совсѣмъ лишняя, неумѣстная, могущая только все перепортить: по разсудку ты станешь надры-

ваться, чтобы облегчить ея страданія, а на дѣлѣ выйдетъ, что ты ее только болѣе растревожишь и ей повредишь.

Все это обнаруживаетъ, что съ женою должно обходиться и бесѣдовать ласково, нѣжно, терпѣливо, соображаясь съ ея расположеніемъ, и какъ бы что въ ней ни показалось страннымъ и непонятнымъ, не доискиваться отнюдь тому причины тотчасъ, а предоставить все ей самой, она въ свое время ничего не оставитъ на своей душѣ и сама все тебѣ выскажетъ.

Въ заключеніе этой статьи нужно сказать еще, что какъ добрая жена готова во всю свою жизнь дѣлить съ тобою пополамъ хорошее и худое, горесть и радости, труды и наслажденія, и весь бытъ семейный, а по святому писанію, составляетъ съ тобою одно тѣло, то и должно ее считать равною тебѣ во всемъ; а оттого, что она тебя слабѣе, надобно ее всегда ставить выше себя, чтобы не дать ей никогда чувствовать права сильнаго. Женщина, по природѣ своей, склонна при-

знавать надъ собою власть мужа, полагаетъ въ томъ свое счастіе, и если мужъ не малодушенъ и не глупъ, то покоряться ему какъ своему защитнику, какъ вѣрному своему оплоту противъ всѣхъ бурь житейскихъ, считаетъ она единственнымъ своимъ благополучіемъ. Почему и надобно быть для нее всегда великодушнымъ, и никогда ни въ чемъ не низлагать и не порабощать ее.

Дѣти.

Дѣтей надобно вести какъ можно проще, безъ всякихъ лишнихъ заимствованій и затѣй, безъ всякаго тщеславія — чисто по природѣ, и притомъ такъ, чтобы имъ не было вовсе извѣстно, что они умны, хороши, богаты или знатны.

Много видѣлъ я, и теперь, къ сожалѣнію, не рѣдко вижу родителей, которые дѣлаютъ изъ своихъ дѣтей всемірную выставку рѣдкихъ произведеній, и внушаютъ имъ безпрестанно, что они удивительно разумны, и тѣмъ насилуютъ ихъ

разсуждать зрѣло, корчить мудрецовъ и болѣе всего хитрить. Сами же отъ восхищенія и торжества, залетая въ тридесятое небо, не видятъ того, что ихъ дѣти, напрягая преждевременно свои еще несозрѣвшія и несформированныя умственныя способности, разстроиваютъ тѣмъ свое нѣжное здоровье, и оттого, по большей части, въ дѣтскомъ же возрастѣ умираютъ, а достигающіе зрѣлости дѣлаются навсегда слабоумными. Это убійство дѣтей до того очевидно и просто, что нельзя надивиться, какъ самые ограниченные родители не могутъ видѣть и понимать, что они дѣлаются добровольными убійцами своихъ малютокъ.

Потомъ нѣтъ, кажется, ничего отвратительнѣе, какъ видѣть занятыхъ собою дѣтей; на нихъ смотрѣть противно; и сверхъ того, съ такимъ вреднымъ направленіемъ они не будутъ никогда понимать жизни въ настоящемъ ея видѣ, и непремѣнно выростутъ хвастунами и заносчивыми честолюбцами.

Какъ только ребенокъ можетъ держаться у кормилицы на рукахъ, то при появленіи въ домѣ чужаго человѣка, должно выносить его каждый разъ въ гостиную, для того, чтобы съ самаго нѣжнаго возраста пріучать его къ свободному обращенію съ чужими, и тѣмъ отстранить даже самое понятіе о застѣнчивости и робости, которыя искоренять позднѣе чрезвычайно трудно, и почти не возможно. Никогда не надобно въ присутствіи дѣтей говорить о преступленіяхъ, отвратительныхъ порокахъ и ни о чемъ унижающемъ человѣчество, какъ равно не позволять имъ вмѣшиваться въ серьёзные разговоры.

Дѣти не должны говорить ни отцу, ни матери *ты*, для того, чтобы они не имѣли ни малѣйшаго повода считать себя равными своимъ родителямъ, и чтобы чрезъ то самое, лучше и вѣрнѣе сохраняли къ нимъ святое, таинственное, глубокое уваженіе. Также надобно, чтобы дѣти не понимали, что родителей нужно бояться; но

напротивъ, они должны быть увѣрены, что во всякой бѣдѣ и во всемъ худомъ, отъ чего бы оно не произошло, надобно прибѣгать къ родителямъ, какъ къ своимъ безусловнымъ защитникамъ, отъ которыхъ для нихъ никакого зла, ни страха происходить не можетъ. Дѣтямъ съ такими понятіями никогда въ мысль не придетъ лгать или обманывать своихъ родителей, а будутъ они всегда съ полною откровенностію объявлять имъ все свое хорошее и все свое худое.

Тѣлесно дѣтей никогда не наказывать, въ отвращеніе грубыхъ чувствъ, упрямства и ожесточенія. Какова бы ни была вина дѣтей, не дѣлать изъ того ни шума, ни криминала, никогда на нихъ не кричать, а вразумлять ихъ всегда съ ласкою, толкуя имъ тихо и ясно, какъ поступокъ ихъ вреденъ и какія изъ того могутъ выйдти дурныя послѣдствія.

При всѣхъ употребляемыхъ родителями къ исправленію дѣтей средствахъ надобно смотрѣть съ величайшимъ вниманіемъ,

какія тѣ средства производятъ на нихъ впечатлѣнія и дѣйствіе, и какъ они то понимаютъ; и на этомъ указаніи впослѣдствіи, основывать всѣ употребляемыя противъ нихъ мѣры и взысканія; кромѣ того въ такихъ случаяхъ чрезвычайно важно имѣть всегда въ виду ихъ самолюбіе.

Одна умная дѣвица разсказала мнѣ, что въ дѣтствѣ она была очень капризна, и что мать ея оттого не рѣдко приходила въ отчаяніе, и имѣла несчастную привычку говорить ей: «ты меня своими капризами вгонишь въ чахотку». Я же, говорила та дѣвица, не понимая значенія слова чахотка, вообразила себѣ, что это старая полуразвалившаяся въ нашемъ саду бесѣдка и всегда ее ужасно боялась.

Въ самыхъ безнадежныхъ неспособностяхъ дѣтей никогда не должно думать, что онѣ со временемъ и съ возрастомъ не исправятся, а продолжать совершенствовать ихъ съ постояннымъ терпѣніемъ, въ томъ надѣяніи, что дѣтскія способности

развиваются до невѣроятія разновременно и разнообразно.

Строго запрещать, чтобы кормилицы, нянюшки, и вся женская прислуга не стращала дѣтей букою, и никогда не разсказывала имъ о привидѣніяхъ, чудовищахъ и всякихъ другихъ страхахъ; это поражаетъ ихъ дѣтское воображеніе и можетъ измѣнить нормальное его состояніе, пугаетъ ихъ и дѣлаетъ робкими.

Пища дѣтей должна быть, соображаясь съ возрастомъ, простая, твердая и не слишкомъ разборчивая. Они должны кушать все, кромѣ, разумѣется, того, что на опытѣ окажется для ихъ желудка особо неудобоваримымъ. Одѣвать ихъ всегда легко, никогда не кутать слишкомъ тепло, пріучать осторожно къ холоду и къ суровости, для того, чтобы они были крѣпки, и могли впослѣдствіи переносить труды и лишенія.

Дѣти должны рѣзвиться смѣло и свободно; безъ чего они не могутъ быть здоровы, и притомъ будутъ не поворотливы и

угрюмы; наблюдать только, чтобы въ ихъ рѣзвостяхъ все было пристойно, нѣжно, облагорожено и ни въ чемъ никакой уличной наглости.

Съ людьми они должны обращаться просто, безъ повелительнаго тона, безъ презрѣнія. У родныхъ моихъ, дѣти имѣли привычку за столомъ лаконически командовать людямъ: «хлѣба, воды» и такъ далѣе. Я не могъ этого снести и настоялъ на томъ, что они теперь говорятъ: «Иванъ! дай мнѣ воды, хлѣба» и все, что нужно.

Всевозможныя употреблять средства, чтобы дѣти одни никогда не посѣщали людской, кухни, конюшни и не могли бы тамъ слушать бесѣды дворни, ихъ грубаго обращенія, брани и тому подобнаго.

Не оставлять романовъ и другихъ неприличныхъ дѣтскому возрасту книгъ не запертыми, а всегда держать подъ замкомъ, чтобы дѣти не могли ихъ читать.

Наконецъ, самое важное для дѣтей, есть всегдашнее неослабное надъ ними бдѣніе. А потому главнѣйшая родительская обя-

занность для дѣтей заключается въ томъ, чтобы при дѣтяхъ находились благоразумные, пристойные и надежные пѣстуны и хранители, и чтобы родительскій глазъ, какъ самый для нихъ вѣрнѣйшій, надъ ними бодрствовалъ неусыпно.

Никогда не забуду я сказанной одною умною матерью истины, что у насъ, въ настоящее время, дочерямъ не даютъ самаго нужнѣйшаго, самаго необходимаго для ихъ жизни воспитанія. Ихъ учатъ иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, пляскѣ и разнымъ наукамъ, то есть всему тому, что плѣняетъ и обольщаетъ; но собственнымъ ихъ обязанностямъ, какъ то: рукодѣльямъ и домашнему хозяйству учатъ очень немногихъ; а главнымъ, самой природой наложеннымъ на нихъ обязанностямъ—жены, матери, госпожи дома, знанію всего домашняго устройства и распоряженій, не учатъ почти никогда нигдѣ. Изъ чего неминуемое послѣдствіе то, что дѣвица выходитъ замужъ, какъ по большой части водится, не за тунеядца, сидящаго дома сло-

жа руки, а за человѣка, который весь день въ отсутствіи на службѣ или въ другихъ занятіяхъ обезпечивающихъ его бытъ; и по случаю отсутствія мужа она должна распоряжаться и повелѣвать всѣмъ домомъ: наблюдать за точнымъ выполненіемъ своего дѣла всей дворни, и держать ее въ повиновеніи и порядкѣ, блюсти за правильнымъ дѣйствіемъ кухни, людской, вести всѣ счеты и расходъ, дать всему толкъ и направленіе; однимъ словомъ всѣмъ распоряжаться, все держать въ рукахъ и наперечетъ, и наконецъ правильно вести и воспитывать дѣтей. А она обо всемъ этомъ не имѣетъ никакого понятія. Люди, видя надъ собою власть не понимающую никакого дѣла, умышленно ее затрудняютъ на каждомъ шагу, хитрятъ, обманываютъ, что называется въ мутной водѣ ловятъ рыбу, злоупотребляютъ, воруютъ, ссылаются другъ на друга, и отъ безпорядка, пьютъ и возмущаются. Мужъ возвратясь домой, утомленный отъ трудовъ, вмѣсто отдохновенія, слышитъ жалобы жены, ви-

дитъ во всемъ величайшій безпорядокъ, ищетъ виновныхъ, — всѣ правы, виноватаго нѣтъ, и не имѣя ни времени, ни возможности постоянно заниматься домомъ, и держать все въ немъ въ порядкѣ, досадуетъ, огорчается и со смущеннымъ духомъ отправляется опять къ своимъ занятіямъ, какъ отравленный. Жена видитъ огорченіе мужа, видитъ, что все пріобрѣтаемое имъ въ потѣ лица, въ домѣ идетъ прахомъ, и оставшись опять одна не знаетъ, что ей дѣлать. Упрашиваетъ людей, сама готова бы работать за всѣхъ, и при всемъ томъ ни въ чемъ не можетъ успѣть до того, что къ возвращенію мужа даже обѣда порядочно не приготовлено; — мучится, терзается, проклинаетъ жизнь, хотѣла бы умереть, и ни одно изъ обольстительныхъ ея познаній, не облегчаетъ горькой участи ея нисколько.

Изъ всего этого здравомыслящіе родители не могутъ не видѣть всей необходимости учить дочерей именно тому, что имъ для предстоящаго и неминуемаго ихъ

поприща крайне необходимо, то есть ихъ прямымъ, которыхъ они въ жизни миновать не могутъ, — практическимъ обязанностямъ.

Праздники.

Къ большимъ праздникамъ надобно въ хозяйствѣ все возобновлять, а людямъ шить новыя платья. Въ самые же дни такихъ праздниковъ дѣлать прислугѣ подарки, и во всемъ домѣ производить какъ можно болѣе торжества.

Для насъ, именуемыхъ господами, каждый день есть праздникъ, и безъ особаго торжества мы не знали бы вовсе праздничныхъ дней. А слуги наши не видя, съ нашей стороны, никакого уваженія къ праздникамъ, стали бы насъ считать, какъ они выражаются «антихристами», и потеряли бы чрезъ то къ намъ всякое уваженіе. Людямъ рабочимъ день праздника есть день отдохновенія отъ трудовъ, и долженъ быть днемъ довольства и радости. Почему въ праздники надобно лю-

дямъ печь пироги, варить лучшую пищу, приказывать надѣвать имъ всѣмъ праздничныя одежды и отправляться въ храмъ Божій помолиться; — молитва низводитъ на домъ благословеніе Божіе, а праздничные подарки привязываютъ слугъ къ своимъ господамъ.

Претензія на знатность.

Ни изъ чего люди не оскорбляютъ другихъ такъ много и такъ часто, и не дѣлаютъ себѣ столько враговъ, какъ изъ претензіи на знатность, въ особенности въ провинціи, гдѣ эта претензія доводитъ людей не только до крайне-смѣшнаго, но даже до безстыдства, до наглости.

Начало этой претензіи на знатность должно быть положено, какъ мнѣ кажется, счастливыми выскочками изъ простолюдиновъ, разсчитывавшими этимъ способомъ стереть со своего чела остатокъ признаковъ холопства; потомъ, смотря на нихъ, признали такое средство полез-

нымъ и бѣдные, промотавшихся родителей дѣти; а впослѣдствіи они вовлекли въ эту смѣшную комедію и людей порядочныхъ.

Очень занимательно въ жизни этихъ выскочекъ то, что умные изъ нихъ со временемъ могутъ очиститься отъ всякихъ дурныхъ привычекъ; но никогда ни одинъ не можетъ свергнуть съ себя смѣшной претензіи на знатность, именно оттого, что они святую простоту, — неоспоримую принадлежность благородства, ошибочно считаютъ качествомъ самаго низкаго происхожденія

Кто не живалъ въ провинціи, тотъ не повѣритъ всѣмъ глупостямъ, въ которыя повергается тамъ родъ человѣческій, изъ одной смѣшной претензіи — казаться какъ можно болѣе знатнымъ. Тамъ люди вообще занимаются чужими дѣлами гораздо болѣе, чѣмъ своими собственными, такъ, что вашего званія люди знаютъ наперечетъ: держите ли вы лошадей и сколько, имѣете ли вы экипажи и какіе именно,

знаютъ вашу прислугу, вашу мебель, шинели, фраки, жилеты, — словомъ все до послѣдней вашей питки (которой вы сами, можетъ быть не знаете), какъ свои пять пальцевъ; и на этомъ основаніи ставятъ васъ въ разрядъ о рангахъ, и если у васъ нѣтъ лошадей и экипажей, то бѣда вамъ, вы тогда ничтожный человѣкъ, — вы Парія. Далѣе идетъ оцѣнка такимъ образомъ: съ этими неприлично знакомство, потому, что у нихъ нѣтъ кареты; о такихъ и говорить нечего — они иначе не ѣздятъ, какъ на дрожкахъ; тѣ ходятъ безъ лакея, тотъ чудакъ, не умѣетъ себя держать въ свѣтѣ, обращаясь со всѣми одинаково, безъ должнаго вниманія къ экипажамъ и лошадямъ. Все это, и тому подобное, взвѣшено, перевѣшено, математически расчислено, оцѣнено, и потомъ иные не удостоиваютъ васъ вовсе своимъ знакомствомъ, другіе чуть кивaютъ вамъ головой, а отчаянно знатные, изъ одного только великодушія принимаютъ васъ сидя или лежа въ креслахъ. За то не конфу-

зясь нисколько величаютъ васъ (точно въ чины производятъ), если вы поручикъ—капитаномъ, капитана—маіоромъ, маіора—полковникомъ, а этого послѣдняго просто превосходительствомъ. За тѣмъ слѣдуютъ визиты, въ которыхъ бѣдное графское достоинство помыкается безъ всякаго милосердія. На визитной карточкѣ, (вѣроятно ли это!) расписанъ и разрисованъ графомъ тотъ, котораго ни дѣды, ни прадѣды, ни онъ самъ никогда имъ не бывали. Отчего не рѣдко приходится слушать разсказы такого рода: «онъ хотя не настоящій графъ, но изъ хорошихъ». Потомъ вы видите, какъ иной изъ этихъ претендентовъ-аристократовъ, имѣющій свою резиденцію въ такъ именуемомъ имъ, своемъ дворцѣ (построенномъ изъ топлива, непремѣнно съ колоннадою), торжественно разъѣзжаетъ на стадѣ несчастныхъ сухихъ клячь, въ допотопномъ рыдванѣ, всегда неминуемо съ двумя ливрейными, съ гордой осанкой и миной, въ которой вы читаете: «берегись вселенная — раздавлю!»

Съ такими превратными претензіями и понятіями, бѣдные эти люди тянутся изъ всѣхъ силъ къ тому, чтобы, выказавъ достаточно знатности, поставить себя выше своей сферы, выше своихъ способовъ, однимъ словомъ, чтобы стать въ самое затруднительное положеніе. Подорвавъ такимъ неразумнымъ поведеніемъ свои средства и разорясь въ конецъ, они, вмѣсто того, чтобы избрать искреннее, безцеремонное знакомство, и жить съ добрыми людьми пріятно и весело, изъ одной боязни уронить свою мнимую знатность, закупорясь дома, умираютъ отъ скуки, сокрушаются удачами другихъ, и ненавидимые всѣми, не знаютъ иной радости, кромѣ той, которую чувствуютъ при видѣ несчастія или униженія ближняго.

Согласись, благоразумный молодой мой читатель, что такіе люди смѣшны и достойны всякаго сожалѣнія.

Наслажденіе.

Всѣ удовольствія и наслажденія жизни тогда только могутъ быть для человѣка пріятны и продолжительны, когда онъ въ нихъ строго умѣренъ; въ противномъ случаѣ они надоѣдаютъ и дѣлаются несносными и непріятными.

Неумѣренныя наслажденія притупляютъ чувства и желанія человѣка до того, что онъ не находя ни въ чемъ наконецъ ни удовольствія, ни вкуса, теряетъ совершенно всякое желаніе; и тогда въ его душѣ остается одна невыносимая, томительная пустота, понятная лишь однимъ совершенно пресыщеннымъ, и излечиваемая только одною смертію.

Изъ всѣхъ пресыщеній ни одно такъ рѣшительно и такъ скоро не сокращаетъ человѣческой жизни, какъ неумѣренныя ласки женщины, которыя тогда только милы и прекрасны, когда онѣ законны и строго умѣрены; иначе онѣ противны, отвратительны, и сверхъ того изсуша-

ютъ всѣ жизненные источники въ самой ихъ формаціи, въ особенности умственныхъ способностей и памяти.

Человѣкъ предающійся ласкамъ женщины безъ воздержанія и строжайшей умѣренности, не можетъ быть долговѣченъ, а ослабѣвъ преждевременно въ умѣ и памяти, долженъ онъ или сдѣлаться идіотомъ, или вовсе прекратить жизнь свою въ молодости, то есть въ то время, когда весь его организмъ могъ бы еще дѣйствовать, если бы экстрактъ или самая сущность жизни не была истощена въ ея началахъ.

Я былъ очевидцемъ, какъ одинъ здоровый молодой человѣкъ, предавшись неумѣренно ласкамъ женщинъ, безъ малѣйшаго страданья вдругъ почувствовалъ бессиліе и ослабленіе памяти, возраставшія всякую минуту, въ такой степени, что на другой день онъ не могъ даже припомнить словъ къ разговору, а на третій уже его не было въ живыхъ.

Помни крѣпко, молодой мой читатель, объ этомъ, и помни смолода, заблаговре-

менно, потому, что люди вообще тайну эту постигаютъ только тогда, когда воздержаніе уже ни къ чему не служитъ.

Обстоятельства.

Въ жизни людей бываютъ иногда обстоятельства превосходящія силы и средства человѣческія, какъ напримѣръ: рожденіе колѣкою, тяжкія болѣзни лишающія человѣка движенія въ цвѣтѣ лѣтъ, потеря чрезъ независимыя отъ насъ причины состоянія и прочее, которымъ никто изъ людей не можетъ не покориться, какъ участи посылаемой человѣку свыше. Къ счастію такія бѣдствія случаются съ людьми очень рѣдко. Большая же часть, и, можно сказать, почти всѣ наши обстоятельства зависятъ и измѣняются отъ нашего собственнаго дѣйствія. А потому умный человѣкъ долженъ свои обстоятельства предвидѣть, предугадывать, предупреждать, измѣнять, и вести ихъ мощною

рукою къ своей цѣли по своему усмотрѣнію.

Я всегда стоялъ выше своихъ обстоятельствъ, по самой простой и самой дѣйствительной причинѣ — что всѣ мои предпріятія, затѣи, и самая моя жизнь никогда не выходили изъ границъ моихъ средствъ и моихъ силъ; и отъ того обстоятельствами своими я всегда владѣлъ и командовалъ, и даже самыя неблагопріятныя изъ нихъ исправлялъ безъ всякаго затрудненія, и вообще не они мною, а я ими повелѣвалъ.

Немаловажное это откровеніе жизни, молодой мой читатель, очень стоитъ помнить и всегда имъ руководствоваться.

Держать себя въ рукахъ.

Опытомъ и долгимъ размышленіемъ, постигъ я крайнюю необходимость — побѣждать себя самого, и крѣпко держать себя въ рукахъ, и что тотъ, кто въ состояніи дѣлать изъ себя все то, что прежде обсудитъ

разсудкомъ, можетъ не только преуспѣвать въ своихъ дѣлахъ и обязанностяхъ, но даже по своему желанію повелѣвать другими.

Къ пріобрѣтенію этой власти надъ самимъ собою, надобно подвергать себя почаще маленькимъ испытаніямъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ: Заставить себя, во что бы то ни стало, снискать къ себѣ любовь и расположеніе извѣстнаго недоброжелателя. Въ бесѣдѣ удерживать готовое уже вылетѣть изъ нашихъ устъ красное словцо, въ ущербъ ближняго. Вставать изъ-за стола, въ противность своему аппетиту, безъ обремененія желудка. Дѣлать все наперекоръ своему суевѣрію. Добровольно подвергать себя физическимъ трудамъ до поту лица и прочее.

Кто не малодушное созданіе, кто желаетъ жить волею и мозгами, а не однимъ животомъ, тотъ поймётъ меня, и всю необходимость держать себя въ рукахъ и быть полнымъ надъ собою властелиномъ.

Заключеніе.

Въ заключеніе моего посильнаго труда долженъ сознаться я, молодой мой читатель, что указываемыя мною средства къ жизни, для человѣка слабаго духомъ, могутъ показаться трудными; но за то они вѣрны и дѣйствительны, и мы съ ними совершимъ дѣло чудное: пріобрѣтемъ любовь людей, повелителей міра; честнымъ образомъ обезпечимъ себя состояніемъ и будемъ здоровы, счастливы и долговѣчны. А изъ благодарности ко Всевышнему, даровавшему намъ эти средства, будемъ помогать неимущимъ и слабымъ, защищать праваго и невиннаго, и стяжаемъ имя людей добрыхъ, честныхъ и благоразумныхъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Введеніе	3
Молитва	7
Вѣра	8
Власть	11
Предвареніе	13
Предостереженіе	20
Въ чемъ дѣло	28
Читатель	30
Люди	31
Дѣйствіе	32
Наблюденіе	35
Вспыльчивость	38
Нескромность въ словахъ	41
Злословіе	42
Зависть	45
Суевѣріе	46
Сомнѣніе	50
Гаданіе	53
Сновидѣнія	57

Стран.

Предчувствіе 58
Предубѣжденіе. 62
Мизантропъ 67
Эгоистъ 70
Не въ духѣ 71
Ропотъ 74
Роскошь. 79
Пресыщеніе. 82
Скупость. 91
Мотовство. 95
Подозрѣніе. 100
Доброта. 101
Терпѣніе 108
Скрѣпя сердце 111
Мягкимъ сердцемъ 113
Скромность. 115
Дѣятельность 116
Смѣтливость 119
Довольный. 121
Педантизмъ. 131
Умѣренность 132
Пища. 136
Одежда. 139
Питіе. 142
Трудъ. 150
Сонъ 153
Правда 155

Стран.

Къ лучшему 158
Совершенное счастіе 160
Чувства. 168
Здоровье. 171
Деньги 174
Расходы. 181
Чтеніе 186
Поле житія. 187
Состояніе 190
Обезпеченіе 193
Привычка 198
Искуственная помощь 202
Веселая шутка 206
Прошу не затрудняться 209
Девизъ 213
Обязанности 217
Вниманіе. 223
Снисхожденіе. 226
Талисманъ 228
Самолюбіе. 241
Гордость 246
Корысть. 248
Похвала. 253
Преданность 254
Фамиліарность. 257
Служба 261
Брань 274

Стран.

Бить рукою 277
Дружба. 279
Искательство 282
Держать слово 285
Наука жизни. 286
Разное 287
Бракъ 290
Спасайся 302
Женитьба 306
Выборъ. 307
Супружество 309
Дѣти. 323
Праздники. 333
Претензія на знатность 334
Наслажденіе 339
Обстоятельства 341
Держать себя въ рукахъ 342
Заключеніе. 344

Цѣна . . . . . 1 руб. 50 коп. сер.

Съ пересылкою 1 » 75 » »

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 610 794 A